



Опескосоел

*Летинная кровь*

## Annotation

Очень многое может связать век 12 и век 21, если в ход событий вмешиваются магические силы.

Сможет ли любовь преодолеть испытание не только временем, но и пространством?

Кто выйдет победителем в схватке между чувствами и долгом?

К чему приводит жажда безграничной власти?

---



# До пролога

X век, Бретань

Он силился вспомнить, когда все началось. Силился, и никак не мог. Чем больше вспоминал, тем больше сомневался, было ли это на самом деле. Или все ему только приснилось. Или все только еще должно произойти. Как это страшно — жить между временем. Знать, что было. Знать, что будет. Воспринимать время иначе, чем то дозволено человеку. И иногда путать сны с реальностью, превращая мир вокруг в хаос.

Он медленно брел по лесу, ступая по мягкому мху, вдыхая влажный воздух и не зная наверняка — этот лес уже существует или только замер в Межвременье, дожидаясь своего часа.

И там, где он ступал, шаги его оставляли капельку солнца и капельку жизни. И сквозь мох и изморозь дорогу себе пробивали пролески.

Он знал, что ему никуда не уйти от той, чье имя он боялся произнести. И с каждым шагом она дышала ему в затылок все ближе. И там, где ступала она, пролески увядали.

Силы ему придавал камень. Но разве можно победить ее?

Ему оставался один только путь. В дом к Мастеру. И времени, которое он чувствовал иначе, чем смертные, почти уже у него не оставалось.

Мастер был стар. Но все еще силен.

Мастер узнал его.

Мастер принял его.

— Что ты хочешь? — спросил Мастер.

— Я хочу лампу из этого камня.

— Из этого камня не сделать мне лампы.

— Если кто и сможет, то только ты. Ведь этим ты продлишь мою жизнь и спасешь его.

— Когда она придет, ты продолжишь его хранить?

— У меня нет другого пути. Передать его я смогу лишь в тот день и час, когда придет за ним сквозь время рыцарь истинной крови, несущий в имени своем Бога. Он будет таким же сыном мне, как твой сын — тебе. Так сделаешь ты мне лампу?

— Я постараюсь, Белинус.

— Выгляни в окно — цветут ли пролески.

— Еще цветут.

— Славно, что цветут. Значит, время есть.

Неделю трудился Мастер над лампой из камня, принесенного Белинусом. Неделю Белинус просил поглядеть на пролески. И в тот день, когда пролески увяли, лампа была готова.

— Пусть твой сын Наве отнесет ее на Гору Спасения. И вокруг себя соберет двенадцать воинов. Пусть берегут они ее до того дня и часа, куда придет за ней тот, кому она предназначена. И все воины запечатлеются в камне.

И поклялся Мастер отправить сына своего Наве на Гору Спасения. И больше никогда его уже не видеть. Ради одного лишь того, чтобы не досталась сила Великого Белинуса и камень его священный темным силам. Чтобы та, от чьей поступи вянут пролески, его не достала.

И на рассвете другого дня юный Наве отправился на Юг, прижимая к груди

неприметную лампу. А на закате того же дня был убит Мастер Темной силой, пришедшей на землю Бретани. Лицом той силы было лицо норманнского воина, явившегося получить эту землю. Но камень воину не достался.

Камень замер и ждал.

И тот, чей дух отныне был в нем заточен, тоже замер и ждал. Одно мгновение и тысячу лет.

1159 год, королевство Трезмон, Фенелла

— Я клянусь вам, она не безумна! Она видит больше, но она не безумна!

— Да как же не прозвать ее безумной, когда она говорит те вещи!

— Какие вещи? Что король ее не любит? Так о том знает все королевство. Что путь ее — путь заключенной в монастыре, которую однажды удушат подушкой? Когда король приведет новую жену, оно так и случится.

— А другое?

— Что другое?

— Что будет она из рода великих магов, повелителей тьмы и света. И что сын ее — наполовину королевской крови — спасет наше королевство от страшных бед.

— Несчастливая еретичка!

— Нет... Она всего лишь безумная!

— А я говорю, она видит больше. И сочтите с нею безумной меня. А до весны ее не станет. И будет у нас новая королева. Говорят ведь, король пошел против Форжеронов. А Форжероны — великие маги. И привезет он жену из этого похода.

— Тебе впору с королевой вместе сидеть! Слушаешь сказки!

— А я верю! Верю!

Межвременье, Монсальваж

Черный плащ, шитый серебром, развевался по ветру. Беспощадный ветер трепал алые его полы. Но старик, укутанный в этот плащ, казалось, не замечал ветра. Он не замечал ничего. Он стоял на вершине Горы Спасения среди камней и стен древнего замка, которые теперь казались лишь призраками в этом Межвременье, и глядел в серое, тяжелое небо, из которого крупными хлопьями на землю падал снег.

— Дай знак мне! Дай знак! — восклицал старец, но небо не слышало его крика. Обезличенное, оно молчало.

В отчаянии старик упал на колени и стал голыми руками, продрогшими пальцами разгребать снег. Но того, что искал, он не находил. Гора Спасения тоже молчала. Грязь земли покрывала его пальцы, забивалась под ногти, от нее тускнели драгоценные камни в его перстнях. Но это была всего лишь земля. Она не даровала ему того, к чему он стремился.

— Остановись, — вдруг послышался знакомый голос.

Старик, почти задыхаясь, обернулся. За его спиной стоял Великий магистр. В таком же черном плаще он казался величественнее и сильнее, чем любой другой маг, которого доводилось видеть старику. На груди его сияла кельтская брошь в виде меча, пронзающего рубин — знак великой силы и великой власти над стихиями, над людьми и над временем. Та самая брошь, ради которой старик отдал бы многое в своей жизни. Но он мог повелевать одним только временем. И то — лишь потому, что был вором.

— Ты не найдешь его, Петрунель, — проговорил Великий магистр, — ты можешь хоть зарыться здесь в землю, но не найдешь его.

— Но почему? — спросил Петрунель. — Я нашел этот замок, я поднялся на эту гору. Я

попросил эти камни и это небо, так отчего я не найду его?

— Для тебя здесь его нет. Он не явит себя тебе. Время — не то. Ты — не тот.

— Дядя! Он может дать нам могущество Великого Белинуса! И я должен его получить!

— Да будь ты тысячу раз мэтром, даже свергни меня с моего трона и завоюй титул Великого магистра, ты не получишь Санграль! — рассмеялся Маглор Форжерон.

— Так помоги мне, и силу Великого Белинуса мы разделим на двоих. Мне довольно и половины!

— Ты лжешь, Петрунель! Лжешь и не ведешь и бровью. Тебе не получить его никогда. Хоть вмерзни в эту землю и в эти камни. Но Санграль для тебя здесь нет. Он не твой и не может быть твоим!

С хохотом, от которого тряслись стены замка, древний маг развеялся в воздухе. И Петрунель остался один. Он знал, что придется начинать поиски сначала. Что ж, Великий магистр Маглор Форжерон всегда был довольно болтлив. И теперь Петрунель знал, что Санграль найти сможет не всякий, пусть и самый могущественный. Дело осталось за малым. Разыскать тот день, когда. И разыскать того, кто.

Петрунель в последний раз посмотрел в безликое серое небо, поднял к нему руку и воскликнул:

— Я вернусь за ним! Клянусь! И пусть разверзнется подо мной земля, если я не отыщу способа получить его!

Небо отозвалось снегом. Ветер отозвался метелью. А камни и земля Горы Спасения содрогнулись.

# Собственно, пролог

Был свет, один лишь свет. Без неба, солнца или луны. Откуда шел этот свет — Мишель не знал. Был он ярким и холодным, заставлял жмуриться и кутаться в теплый плащ, подбитый горностаем. Но привыкая к слепящему свету, король видел, что стоит среди камней на вершине горы — высокой горы, сложенной из камней чьей-то неведомой рукой.

Теперь же Мишель перебирал их, окрашивая кожу перчаток белесой пылью. Что он искал — было загадкой и для него самого. Словно кто-то или что-то заставляло его брать в руки камень, рассматривать его со всех сторон, пытаясь проникнуть взглядом внутрь бездушной твердыни, и отбрасывать в сторону, поднимая с земли следующий.

Слабый ветер, по-южному мягкий, растрепал его волосы, нежно коснулся щеки и сдул каменный песок, покрывавший сапоги короля. Мишель поднял голову следом за дуновением и увидел вдали невысокую фигурку, сотканную из проклятой пыли, застилающей свет. Фигурка парила там, где должно бы быть небо, и полы короткого плаща развевались за ее спиной, как крылья бабочки.

— Мари! — громко крикнул Мишель, но не услышал собственного голоса.

Голос его затерялся в ветре. Ветре, шепотом своим заглушавшем все звуки на земле и на небе. Ветре, знакомом ему с самого детства:

— То, что ищешь, король, все тлен. И не стоит тленное поисков.

— Опять ты! — рассерженно бросил Мишель ветру. Теперь его голос звучал громко и сильно.

— Я повсюду, куда следуешь ты!

— Чего ты хочешь на этот раз?

Ветер взметнул полы его плаща и сам ринулся вверх, в тяжелый и серый провал, зияющий вместо небосвода. И отовсюду он грохотал:

— Научить тебя истине, о которой ты, в чьей крови она первоизданна, не ведаешь!

— Нет истины во всем свете.

— Не там, где ты ищешь. Любовь причиняет страдания и развеивается, будто не было. Страсть идет трещинами, сотрясая землю, и крушится сама. Власть, как видение — исчезает, стоит лишь ее коснуться. Ни почувствовать, ни узнать. Знаешь ли ты хоть что-нибудь вечное?

— А ты? — с вызовом спросил Мишель.

И ему показалось, что ветер смеется в ответ. Коротко и весело. А потом до него донеслось:

— Я есть, лишь покуда ты меня слышишь, король!

— Значит, и ты не вечен.

— Меня нет! Есть лишь камни! Они помнят меня. Они будут помнить тебя!

— Камни не могут помнить! — выкрикнул Мишель.

И в тот же миг каменная пустыня вокруг него пришла в движение. Камни, большие и малые, сыпались, катились, рассыпались в разных направлениях и сходились в единой точке. Словно были живыми, словно подчинялись лишь собственной воле и потакали собственным желанием. Среди невообразимого каменного грохота свистел ветер, бил королю в лицо, пытаясь сбить его с ног, ослеплял его, срывал плащ. И разбрасывал камни. До тех пор, пока среди них не явился взору короля один единственный — яркий, как солнце, сияющий, как

огонь. Зажигающий сотни путеводных звезд на потемневшем по-ночному небе.

— Камни вечны! — продолжал грохотать голос. — Камни вечны! Судьба — это камень.

И ты в нем навек!

— Ты... — успел крикнуть Мишель и проснулся.

Обвел взглядом свои покои, угадывая очертания предметов. Слабый свет новой луны был бессилен против ночной тьмы. Король вздохнул и, повернувшись на другой бок, уткнулся носом в волосы жены, рассыпавшиеся по подушке, с тем чтобы снова заснуть. Теперь уже до самого рассвета. Голос никогда не являлся дважды.

— Что случилось? — сонно спросила Мари, повернув к нему голову.

— Ничего не случилось. Все хорошо.

— Ты кричал.

— Тебе показалось. Спи.

Молодая королева осторожно перекатилась набок, чтобы лечь лицом к своему супругу. И в темноте коснулась ладонью его губ — твердых и теплых.

— А мне снился ты, — прошептала она.

— Если сейчас заснешь — я буду сниться тебе снова, — сказал король и поцеловал ее пальцы.

— Зачем мне сон, когда ты рядом?

— Затем, что тебе нужен отдых.

Но, кажется, королеве совсем не нужен был отдых. Она окончательно проснулась, и во мраке глаза ее блестели ярко. Она придвинулась ближе к Мишелю и игриво проговорила:

— Смотря какой!

— Я знаю, какой, — уверенно заявил король. — Крепкий сон!

— Да, да. Такой, как после секса!

— Похоже... Спокойной ночи, Мари, — Мишель прижал ее к себе чуть крепче и закрыл глаза, заставляя себя дышать ровно.

Она же наоборот — засопела и завозилась возле него, потянувшись к вороту его камизы и изучая губами колючий подбородок и шею. Быстро пробежала ладонями по его груди и животу, чувствуя сквозь ткань, как напряглись его мышцы, и довольно усмехнулась себе под нос, закинув ногу ему на бедро.

Но добилась лишь того, что он отодвинулся от нее. Поправил покрывало и, зевнув, сказал:

— Мне вставать до рассвета.

— Но почему? — теперь ее голос прозвучал так обиженно, что трудно было понять — спрашивает она, отчего вставать ему до рассвета, или о том, отчего раз за разом вот уже несколько месяцев с тех пор, как стало известно, что Трезмон вскоре получит наследника, король сторонился близости между ними, ставшей для них словно бы запретной, не касаясь супруги и пальцем.

— Потому что я должен навестить старого графа Аделарда и хочу вернуться к вечеру.

Сегодня его отказ носил имя Аделарда. Завтра он непременно придумает что-нибудь еще. Если, конечно, ей вновь вздумается его соблазнить. Мари облизнула пересохшие губы и мрачно проговорила:

— Когда ты меня разлюбишь, не забудь сообщить об этом.

— Этого никогда не свершится! — возмутился Его Величество.

— Да? — с сомнением отозвалась королева и тут же отвернула от него свое лицо,

горевшее до этого страстью, а теперь лишь выражавшее разочарование, угадывавшееся во тьме. Или это ему только показалось? После она отползла на свою половину королевского ложа и проговорила: — Доброй вам ночи, сир!

22 декабря 2015 года, массив Корбьер, Пиренеи

— Ну а этот замок? А? Похож хоть немножко? — спросила Лиз, поморщившись от очередного порыва ветра, ударившего в лицо, и приподняла воротник.

Они пробирались по каменистой дороге к замку Керибюс. Машину пришлось оставить у подножия, еще передают эти чертовы виноградники... если те, конечно, здесь отыщутся. Хорошо хоть любимые кроссовки ее никогда не подводили.

— Я же его только внутри видела, на улицу ты меня, уж прости, не водил, — проворчала Лиз и обернулась к Паулюсу.

Издали замок выглядел совсем как Трезмонский. Паулюсу даже на миг показалось, что это именно он и есть. Но чем ближе они подъезжали, тем сильнее его терзали сомнения. Донжон, сохранившийся лучше всего, был очень похож в основании. Чего нельзя было сказать о верхних этажах. И все же этот замок подходил более других. А за девять с половиной веков измениться могли не только верхние этажи донжона. Собственно, и сам замок не сильно уцелел.

— Немножечко похож, Лиз, — с надеждой в голосе сказал Паулюс.

Он остановился и стал осматриваться, пытаясь увидеть хоть что-то, что точно поможет определить, здесь ли находится его виноградник.

— Надо пройти вот туда, — он махнул в сторону крутого оврага в стороне от главных ворот.

Лиз кивнула и поплелась за ним.

Первая неделя пребывания Поля Бабенберга в 21 веке была... охренительной. Другое хоть немного цензурное слово Вивьен Лиз подобрать не могла. Если забыть о том, что старик Николя что-то ворчал по поводу ДНК-теста, чтобы подтвердить родство с «этим сумасшедшим». Они почти не вылезали из постели, периодически носились по Парижу в поисках еды (Лиз пока не водила своего нового парня в ресторан, еще затоскует) и каждый вечер смотрели мультфильмы. К ним он при активном содействии Лиз пристрастился сразу. Но по прошествии этой недели, за ужином, пробуя очередное предложенное ею вино, он все-таки загрустил. Вспомнил свои виноградники в Фенелле. С тех пор они уже вторую неделю катались по всем подряд замкам Франции, построенным в 12 веке и раньше. Но никакого Трезмонского замка так и не нашли. Гуглу это название было неизвестно.

Взобравшись на овраг, Лиз глубоко вдохнула морозный воздух и оглянулась по сторонам. Виноградников она по-прежнему не видела, но вид впечатлял. Она влезла на огромный валун и раскинула руки в стороны.

— Сдуреть можно! — воскликнула она, глядя на подножье горы. — Поль, а ты в курсе, что здесь эти придурки из инквизиции сжигали катаров и трубадуров?

— Как сжигали трубадуров? — Паулюс ошалело посмотрел на Лиз. — Вот дьявол! Я ведь даже не знаю, что с ними со всеми там произошло. Со Скрибом, с герцогиней, с королем... И мой виноградник... Прости, Лиз. Это глупая затея. Не найдем мы его.

Он задумчиво почесал затылок и пошел, не особо раздумывая куда. Забрел в какой-то кустарник и уселся на большой плоский камень.

— Merde! — выругалась Лиз и побежала за ним.

Вдруг остановилась, как вкопанная, возле кустарника. Прямо под ногами стелилась по-

зимнему голая виноградная лоза.

— Пооооооль! — заорала Лиз и захлопала в ладоши. — Смотри, что я нашла!

Никто не ответил ей.

— Поль Бабенберг, иди-ка сюда!

Ни звука. Лиз, улыбаясь, обогнула кустарник. Но никого за ним не увидела. Насколько хватало глаз — валуны, обрывы, горы... И никого.

— Не, я, конечно, люблю поприкалываться, но это нифига не смешно! — крикнула Лиз.

Все вокруг по-прежнему молчало. Лиз вздрогнула. Неужели он просто... исчез?

— Чертовы дыры! — то ли растерянно, то ли рассерженно рявкнула она, села на большой плоский камень, шмыгнула носом и снова оглянулась. Ну, уж нет! Если здесь есть дыра во времени, то она обязательно ее найдет! Каждый камешек поднимет! Не будь она Вивьен Лиз де Савинье!

Декабрь 1186 года, Конфьян

Маркиза де Конфьян перебирала драгоценности, размышляя, что взять с собой. Годовщина свадьбы короля Мишеля — дело нешуточное. Нужно выглядеть торжественно и празднично. Почти все было готово к отъезду: любимый дульцимер Сержа-старшего, Серж-младший вместе с кормилицей, сундук с подарками для короля и королевы. Катрин лично проследила за сборами, чтобы слуги ничего не перепутали и ничего не позабыли.

Скрипнула дверь, она подняла голову и улыбнулась вошедшему в покои супругу:

— Как думаете, маркиз, может, стоит воспользоваться случаем и обсудить с де Наве обустройство границы наших с ним владений?

— Это каких же владений, позвольте узнать, мадам? — с усмешкой на губах уточнил маркиз. — Жуайеза или Конфьяна? Коли о Конфьяне речь, так я и сам в состоянии озаботиться состоянием наших границ. Не забивайте свою головку такими безделицами. Она у вас прехорошенькая.

Он быстро наклонился и поцеловал жену.

— Отчего же безделица? — удивленно посмотрела Катрин на маркиза. — Что если бы через реку Кё-д'Аржан был построен мост? Добираться до Фенеллы стало бы намного быстрее. Не правда ли, удобно?

Серж тяжело вздохнул и скрестил руки на груди. Когда его жена что-то решала, перечить ей было сложно. Но пусть заберут его черти в ад, если он уступит ей и теперь.

— Удобно, — сухо заявил он, — удобно, мадам. Я непременно обсужу это с Его Величеством. Обещаю вам.

Катрин вновь удивленно взглянула на супруга. Тон его был без причины странен.

— Вы считаете, что я вмешиваюсь в дела, меня не касающиеся? Что моего ума достаточно лишь для кухни и детской? Но я хотела помочь, — Катрин слегка пожала плечами и вернулась к драгоценностям.

— Мадам, я вовсе ничего такого не считаю! — спохватился Серж, схватил ее за плечи и развернул лицом к себе. — Напротив, я думаю, что вы слишком умны. И ученые беседы с королем Мишелем вас должны бы развлекать. Даже слишком развлекать. У вас так много общих тем. Я же всего лишь трубадур!

Он приподнял бровь и вновь склонился к ее губам.

— Что же, вам со мной не о чем говорить? — отстранилась Катрин.

— Мне с вами есть, о чем молчать. Я полагаю, что в любви это важнее.

— Некоторое время назад вы особенно настаивали на словах.

Маркиз, откинув голову назад, от души рассмеялся. А когда смех его оборвался, он вновь обратил свой взгляд к маркизе. Хитро прищурился и сказал:

— Не вы ли упрекали меня за это? Я внял вам и постарался измениться. Надеюсь, это у меня получилось. Я ведь более не печалю вас своими канцонами? Верно, мадам?

— Верно, мессир, — она пристально смотрела на маркиза. И, помолчав, добавила: — Серж, если хотите, мы можем никуда не ездить.

Маркиз не менее пристально глядел в ее глаза. И вновь, уже так привычно, ощутил теплой волной накатившую нежность. Господи! Как же он любил эту женщину! Как сходил с ума от одного ее взгляда! Как задыхался в ее отсутствие! Кажется, не было в мире того, чего

бы он не сделал ради одной ее улыбки! Подданные добродушно посмеивались: маркиз влюблен, как юноша. А уж после того, как она подарила ему сына, он сделал немислимое открытие: любовь этой женщины — непостижимое чудо, величайшее из всех чудес на земле. Это чудо принадлежит ему. И более всего на свете он боялся потерять ее любовь.

Он взял в руки ее ладони и прикоснулся к ним с почтительным поцелуем. Все-таки черти утащат его в ад. За любовь к громким клятвам.

— На приглашение отвечено согласием. Сундуки собраны. Маленький Серж с кормилицей дожидаются внизу. А вам в мужья достался олух. Едемте, моя прекрасная Катрин.

Маркиза чуть сжала его пальцы.

— Разобрать сундуки не составит большого труда. Маленький Серж вряд ли станет возражать против возвращения в свою колыбель, — она улыбнулась. — Но я поеду с вами, куда пожелаете, любовь моя.

Он улыбнулся в ответ и перевел взгляд на шкатулку с драгоценностями.

— Слышал, в Фенелле есть искуснейший ювелир. Полагаю, по пути в его лавку, мы заглянем к де Наве. Заодно и мост обсудим, и дорогу. Вы же понимаете, мадам, как ужасны у них дороги после прошлой зимы — так развезло, что я и не припомню прежде. Да и наши подданные жалуются! Но оттуда — непременно к ювелиру. Я хочу подарить вам рубин. К вашим волосам. И в знак моей любви.

Катрин рассмеялась.

— Наш ювелир уже жалуется, что вы скупаете у него весь товар, даже не торгуясь. Теперь же вы собираетесь разбаловать и соседского. В то время как самый дорогой ваш подарок сейчас внизу спит на руках у кормилицы, — маркиза легко коснулась губами щеки мужа.

Затем набросила на голову покрывало, закрепила обруч и взяла со стула плащ. Маркиз же схватил ее за руку и притянул к себе. Легким движением отнял плащ и накинул ей на плечи. А после подхватил Катрин на руки и закружил по комнате. Никогда он не был счастливее, чем в этот год.

Остановившись посреди комнаты и глядя, как его стараниями очаровательно с ее головы сполз обруч вместе с покрывалом, вновь выпуская наружу солнечный свет, затерявшийся в волосах, он улыбнулся и прошептал:

— Я и впредь готов осыпать вас самыми дорогими подарками, маркиза.

И ей оставалось лишь прижаться к нему крепче. И как же не хотелось никуда ехать! С куда бóльшим удовольствием она бы осталась дома, в Конфьяне. С мужем и сыном, кормилицей и кухаркой. Уж лучше выслушивать жалобы ювелира, чем ехать в Фенеллу. Катрин вздохнула, поправила покрывало и, не удержавшись, оплела руками шею Сержа.

— Я всегда буду рада самым дорогим подаркам от вас, муж мой. Но все же нам пора. Дни нынче коротки.

Дни, и в самом деле, были коротки. Им мало было этих дней. И мало было этих ночей. Они пробегали неумолимой чередой, и порой так хотелось заставить время застыть, чтобы прочувствовать до конца хоть одно мгновение их жизни.

21 декабря 1186 года, Фенелла

Целый год прошел со дня свадьбы короля Мишеля и Мари, а ему казалось, будто все это случилось только вчера. Впрочем, самым важным было то, что все-таки это случилось. Вопреки всем надеждам, свадьба не состоялась так скоро, как хотелось де Наве. Станным образом исчез брат Паулюс. Он никому не сообщал об отъезде, да никто и не видел, чтобы он покидал замок. Но монаха и след простыл. Сначала решили, что тот где-то заснул после обильных возлияний. Но дни проходили за днями, а Паулюс так и не появился. Смирившись с тем, что монаха больше нет, Мишель послал в Вайссенкройц с просьбой прислать к нему еще одного брата, не вдаваясь в лишние объяснения. И воспользовавшись отсрочкой, пригласил в королевство лучших мастериц швейного дела, которые смогли бы сшить для Мари самое красивое платье из шитых когда-либо прежде.

Почти месяц ушел на все приготовления. Но вот платье было готово, монах-цистерцианец прибыл, и в Фенелле зазвонили, наконец, свадебные колокола.

Его Величество улыбнулся своим воспоминаниям. Сегодняшний праздник он затеял ради Мари. Теперь она все чаще становилась то грустной, то раздражительной, в то время как сам Мишель с радостью ожидал часа, когда возьмет на руки своего сына. Он искренне полагал, что встреча с гостями развлечет королеву и отвлечет от мрачных мыслей.

Впрочем, и его самого обуревали мысли не самые светлые.

Ужасная смерть матери была слишком ярким воспоминанием, долго преследовавшим его в сновидениях. И теперь нередко они преследовали его снова, наполняя душу ледяным холодом страха за Мари.

Чтобы не допустить ничего подобного с собственно супругой, Мишель делал все, что считал правильным, дабы избежать трагедии.

Потому он велел вдвое увеличить количество факелов во всех без исключения коридорах замка.

Потому всегда рядом с Ее Величеством находился кто-нибудь из слуг, если он сам не мог сопровождать ее. Это делалось, однако, в строжайшей тайне. Мишель знал, что Мари не одобрит эту его выходку, сочтя его заботу чрезмерной и суеверной.

Если бы и все остальное можно было скрыть от нее. Случилось так, что многовековые семейные предания, тревога за Мари, два трактата по медицине, изученных самым тщательным образом, и долгая беседа с доктором Андреасом, которую тот затеял, едва прознал о положении Ее Величества, заставили Мишеля отказаться от исполнения супружеского долга и терпеливо ждать счастливого дня, когда на свет появится его наследник.

Это было нелегко, но Мишель был готов на все ради возлюбленной своей королевы.

От этих тяжелых переживаний, постоянно наполнявших мысли и душу, Его Величество отвлек странный дым, валивший из угла тронной залы. Не успел Мишель всерьез обеспокоиться происходящим, как из дыма вышел его новообретенный двоюродный братец — мэтр Петрунель. Кажется, за этот год он сильно сдал, словно прошли все двадцать. На лбу его выросла огромная бородавка, плечи сгорбились, как если бы на них опустили едва ли посильную ношу. А крючковатые пальцы торчали из-под длинного черного плаща, чуть придерживая его края. Удивительно, но он теперь казался старше их с Мишелем дядюшки —

Великого магистра Маглора Форжерона, будто прожил неведомо где целую жизнь и лишь теперь явился в свое настоящее время.

— Приветствую вас, дорогой братец! — объявил Петрунель, с трудом поклонившись. — Прошу простить, что не оповестил вашего герольда о своем визите. Я по-простому. На правах родственника!

И закашлялся от дыма за спиной.

— И какого черта вас принесло? — отбросив в сторону любезность, спросил Мишель. — Я хорошо помню, что не приглашал вас. Выглядите вы не самым лучшим образом, любезный. Хвораете?

Мишель расположился в кресле, разглядывая скрюченную фигуру мэтра.

— В последнее время приходилось находиться не в лучших условиях, Ваше Величество! — объявил Петрунель с довольной улыбкой, обнажив коричневые зубы, от многих из которых остались одни осколки. — Но мучения мои были вознаграждены! И я немедленно прибыл к вам, чтобы преподнести к годовщине вашей свадьбы дорогой подарок... Клянусь, это будет самый лучший подарок для вас и моей дорогой сестрицы! Кстати, где она?

Петрунель стал оглядываться по сторонам, будто, и правда, ожидал, что Мари появится в зале чудесным образом.

— Ее Величество занята приготовлениями к торжеству. А вы зря так утруждались. Мы бы не обиделись, не явись вы сегодня.

— Позвольте с вами не согласиться, сир! Семья — это очень серьезно! — назидательно заявил Петрунель, подняв указательный палец к небу. — Тем более, такая славная, как наша с вами! Во мне говорит голос крови, Ваше Величество. И не важно, что из нас двоих королевская — лишь в ваших венах.

— Вы пришли дать мне наставлений в семейной жизни? Спешу вас уверить, с этим я вполне управлюсь сам, без вашей помощи.

— Как вам будет угодно, сир! — легко махнул рукой Петрунель и подошел ближе. — И все же позвольте предложить вам мой подарок. Уверяю вас, не пожалеете!

Мишель вздохнул. Отвязаться от него все равно невозможно.

— Извольте. Только побыстрее!

Петрунель доковылял до возвышения, на котором стояли троны короля и королевы, и, запыхавшись, опустился на трон Ее Величества.

— Стало быть, слушайте, сир! — проговорил он, повернувшись к Мишелю, подавшись вперед и понизив голос так, будто боялся, что кто-то их подслушает. — Я хочу подарить вам силу и могущество, равных которым нет на земле со времен Великого Белинуса. Эта сила заключена в Санграле — волшебном камне с Горы Спасения, где возвышается замок Монсальваж. Однако камень этот может получить не всякий, но лишь тот, кому дана власть над ним. Когда Великий Белинус, хранитель Санграла, скончался, сила его и дух его перешли в камень и остались в замке до тех пор, покуда их не возьмет по праву новый Хранитель. Согласно заклитию, камень явит себя лишь рыцарю истинной крови с богом в своем имени в три самых длинных ночи третьего года грядущей эры. И этот рыцарь унесет его с собой туда, где более никто никогда не получит его. Вот именно это я и хочу подарить вам, Ваше Величество!

Мишель некоторое время изучал постаревшее лицо кузена, а потом, не сдерживаясь, громко расхохотался. Почти до слез.

— Как вам не надоест? — спросил он, когда, наконец, смог успокоиться. — Что вы все рыщете в поисках силы и могущества? Вы хотя и мэтр, а глупы до невозможности. Оставьте меня в покое с вашими подарками. Ни я, ни королева не нуждаемся в них. И встаньте с трона моей супруги.

Мэтр Петрунель с самым оскорбленным видом, на какой был способен со своей бородавкой на лбу, вскочил с трона и тут же скрючился в три погибели, хватаясь за поясницу.

— Да чтоб забрал тебя Тевтат! Чтобы разорвали малосские псы! Чтоб ужалил да забодал тебя Кернунн! — завопил он.

— Теперь вы более походите на себя, чем пытались изобразить минуту назад, — Мишель улыбался, наблюдая за своим, волею судьбы, родственником. — Надеюсь, вам больше нечего здесь делать, и вы покинете мой замок, отправившись туда, откуда явились.

— Ваше Величество! Это я не вам! Это я своей пояснице! — обиженно проговорил Петрунель. — А что до нашего дела... Так я надеюсь, что вы передумаете. Где это видано, чтобы король от могущества отказывался. Посоветуйтесь с королевой. Моя дорогая сестрица — женщина разумная!

— Конечно, разумная. Поэтому чрезвычайно удивится, почему я до сих пор не выставил вас за ворота замка, а продолжаю вести с вами бестолковый разговор, — Его Величество начинал сердиться. Выдержка никогда не входила в число его добродетелей.

— Боюсь, как бы вам, Ваше Величество, не пришлось пожалеть о том, что вы отказываетесь, — вдруг переменившись в лице, сделавшись очень серьезным, почти зловеще серьезным, сказал мэтр Петрунель. — Пророчества никогда не лгут. Лгут люди. Нельзя отказываться от тех благ, что даруют нам высшие силы. Иначе рискуешь потерять много больше. И, как знать, может быть, самое важное.

— Магистр! Я уже жалею, что трачу на вас драгоценное время, — Мишелю покуда удавалось держать себя в руках. — Я не верю в ваше бескорыстие. И предлагая мне блага, вы и сами рассчитываете на многое, не так ли? И это еще одна причина, по которой я не стану задерживать вас.

— Как вам будет угодно, дорогой брат. Как вам будет угодно! — проскрежетал Петрунель и, обдав короля клубами удушающего дыма, исчез.

Мишель помахал рукой перед собой, пытаясь развеять смрад, и пару раз кашлянул.

— Вечно от него одни неприятности, — пробормотал он себе под нос.

— От кого неприятности? — донесся до него голос Мари. Полог в углу тронной залы приподнялся, и оттуда вышла его супруга. Точнее, сперва в зал вплыл ее живот, а уже потом и она сама.

Несмотря на поздний срок беременности, королева оставалась очень подвижной. Она так и не научилась носить покрывало, потому почти всегда ее волосы свободно вились кольцами по спине. Так и теперь — черные локоны обрамляли бледное тонкое лицо с сияющими ясными синими глазами, канцоны о которых слагали придворные музыканты, желая угодить своему королю. К слову, лицо ее было перепачкано красной краской. Как и платье. И ладони. В руках она держала тряпицу, которой пыталась оттереть пальцы.

Не дожидаясь ответа супруга, она осмотрела стены тронного зала, на которых алели розы, нарисованные ею же в ожидании свадьбы год назад.

— Надо перекрасить! — заявила королева Мари. — Розы — это банально до оскомины.

Его Величество, вынужденно осваивавший множество незнакомых слов, расплылся в

довольной улыбке, подошел к Мари и поцеловал ее разукрашенное краской лицо.

— Розы — это прекрасно! Так же, как и ты. Ты — моя прекрасная роза, Мари, — улыбка его сделалась еще шире.

Мари сердито посмотрела на своего обожаемого супруга.

— Издеваешься, да? И ничего я не прекрасная! — объявила она. — Ты посмотри на меня! Жирная корова! Сегодня приезжает твоя... бывшая! А я так кошмарно выгляжу!

— Я только на тебя и смотрю, — Его Величество подвел Мари к трону, усадил ее и, забрав у нее тряпицу, стал вытирать разводы краски на ее щеках. — Ты красивая. А маркиза де Конфьян совершенно не стоит твоей печали.

Мари грустно улыбнулась.

О! Она прекрасно помнила первые дни в этом незнакомом ей, пугающем древнем мире, когда блуждала здесь, подобно слепому котенку. И если бы не Мишель, то, пожалуй, очень скоро попросилась бы домой. Но и теперь еще, недостаточно уверенная в себе, она, сама того не замечая, продолжала требовать от него все той же опеки, что и в первые месяцы своего пребывания в Фенелле. А в последнее время — так особенно.

И получала ее в той мере, на какую могла бы рассчитывать сестра, но не супруга. Он был нежен и заботлив во всем, чего бы ей ни захотелось. Он бродил за ней тенью, поддерживая ее каждую минуту. Он казался влюбленным и страстным — лишь до той поры, покуда не переступали они порог королевской опочивальни. Там Мишель становился равнодушным и безучастным. Впрочем, если быть совсем уж честной, то Мари пару раз пыталась соблазнить его вне спальни, но потерпела ту же неудачу, что и под балдахином их ложа.

О причинах, превративших его из любовника в друга — близкого, доброго, но друга! — спросила лишь однажды. Ответ ее не удовлетворил, хотя она и убеждала себя десятки раз, что муж у нее не просто муж, а средневековый король, причем «средневековый» — ключевое слово. Но где ей было справиться с мыслью, что беременность делает ее асексуальной, и тогда нужно дождаться родов и попробовать начать сначала? Или что она попросту наскучила ему, и тогда никакой надежды нет?

Первое было предпочтительнее второго. Если только не окажется слишком поздно.

— Барбара сказала... — проговорила Мари и запнулась. Подняла глаза на Мишеля и выдохнула, — что маркиза де Конфьян прекрасна. И что между вами...

Запнулась снова и прикрыла ясные глаза ресницами.

— Выгоню глупую старуху! — проворчал Мишель, глядя на свою королеву. — Мари, посмотри на меня. Не слушай всего, что болтают слуги. О прелестях маркизы тебе лучше расскажет ее супруг. А она сама — о том, почему сбежала, — Его Величество усмехнулся.

Мари коротко хихикнула и подняла голову.

— Обещаю тебе обстоятельно и разносторонне подойти к вопросу расследования взаимосвязи прелестей маркизы де Конфьян с обстоятельствами ее побега. Но Барбару не наказывай. Маркиз много, а кухарка такая у нас одна на все королевство.

— Если ты просишь, я не стану ее наказывать. Но длинный язык старой карги не впервые разносит дурные вести, — Мишель снова поцеловал Ее Величество. — И было бы лучше, если...

Он замолчал на полуслове, поскольку в зал вошел герольд и объявил о прибытии маркиза и маркизы де Конфьян с наследником. Мишель весело глянул на Мари.

— А вот и гости!

— Черт! — воскликнула королева, взглянув на пятна краски на ладонях. — Жирная грязная корова! Встречай их один!

Она вскочила с трона и, проскользнув в проход в углу залы, помчалась в королевские покои — отмываться, причесываться и переодеваться.

22 декабря 1186 года, Фенелла

Солнце ярко освещало королевскую спальню, куда Мишель заглянул в поисках своей жены. Не обнаружив Мари в комнате, король усмехнулся. Он точно знал, где еще она может быть. Каждое утро в любую погоду Ее Величество обязательно гуляла по саду. Впрочем, именно сегодня погода как нельзя более располагала к прогулке.

Вчерашний вечер прошел весело. Мари, хотя и была привычно уже молчалива при посторонних, выглядела спокойной и, кажется, больше не изводила себя всякой чепухой. Черт бы побрал старую Барбару! С ней он еще обязательно поговорит!

Спать королева ушла рано, но это как раз было неудивительно в ее положении.

Мишель, как умел, развлекал гостей настолько, чтобы это не противоречило королевской чести. И, к его великому изумлению, маркиза Катрин неожиданно выказала живой интерес к оросительным каналам от реки Сэрпан-дОрэ, строительство которых король завершил в этом году. Она, как оказалось, желает разбить парк перед замком. И Мишель обещал показать, как он все устроил в своем саду. Но это все после. Теперь есть дела много важнее.

Его Величество быстро шел по тропинке, когда за одним из поворотов заметил забавную, но столь приятную его глазу женскую фигуру в зимнем отороченном густым мехом плаще.

— Вот вы где, любовь моя! — радостно окликнул он супругу.

Радуюсь солнечному зимнему дню, маркиза де Конфьян неспешно ступала по расчищенной от снега дорожке сада вокруг Трезмонского замка. Прогулка навевала воспоминания, одновременно приятные и мучительные. Всего лишь год назад она бродила здесь же и думала о том, как станет хозяйкой и этому саду, и этому замку. Катрин поежилась, словно ей опять стало холодно. Теперь было ужасно странно, как могла она допускать подобное в своих намерениях. В то время как ее мыслями, сердцем, душой и телом владел совершенно другой мужчина. И он появился здесь в то злополучное утро. В то волшебное утро, когда посреди холодной осени для нее, пусть и на миг, наступило жаркое лето, которое дарили ей руки ее трубадура. Маркиза стыдливо улыбнулась, вспомнив его горячий поцелуй, и нахмурилась, когда подумала о том, что за этим последовало. А если бы она решилась и все же пошла под венец с королем?

Ее Светлость зажмурилась и тряхнула головой, отгоняя мрачные мысли. К счастью, все обошлось.

Но как было бы чудесно, если бы и сегодняшним утром Серж пришел сюда за ней.

Хрустнула ветка, Катрин с надеждой обернулась.

— Вот вы где, любовь моя! — услышала она родной голос. Дыхание перехватило, щеки зарделись и, подхватив юбки, маркиза скорым шагом пошла навстречу возлюбленному мужу.

— Ой! — выдохнула Мари, наткнувшись в коридоре замка на долговязую мужскую фигуру, и едва не потеряла равновесие. Собственная неуклюжесть ее раздражала, хотя она и тщательно скрывала это. Мужчина немедленно подхватил ее под руку и помог удержаться на ногах. Падать с лестницы было не лучшей затеей в ее положении, а ей оставался всего шаг до каменных ступеней винтовой лестницы, что вела к боковому выходу в сад — самая короткая и излюбленная ее дорога.

— Доброе утро, мадам! — отозвался мужчина, и Мари узнала голос маркиза де Конфьяна, склонившегося в почтительном поклоне. — Держитесь крепче, здесь довольно круто. А камни скользкие, будто их веками полировали.

Из-за таких вот гладких камней погибла мать короля Мишеля. Это было известно всему королевству. С тех-то пор все темные углы, коридоры и лестницы были освещены пламенем факелов. Число которых увеличилось с того дня, как она сообщила супругу о своей беременности, будь она неладно!

— Благодарю вас, — растерянно проговорила Мари, торопясь накинуть капюшон плаща на голову — опять забыла эти чертовы покрывало и обруч — и заторопилась спуститься. Беседовать с маркизом ей было неловко. За целый год жизни в Фенелле, куда она угодила в День Змеиный, ей почти не приходилось общаться ни с кем, кроме слуг, и Мари прекрасно знала, что те искренно считают ее блаженной, жалея своего любимого короля. И канцоны, сочиняемые придворными поэтами — всего лишь лесть, предназначенная его ушам. Потому единственным, с кем она не боялась заговорить, был ее собственный муж. Она же всегда умудрялась ляпнуть что-то не то и не тогда. Почти во всех ее словах и действиях находилось такое, что противоречило проклятой королевской чести, которой Мишель придавал так много значения! И, никогда не считавшая себя идиоткой, Мари начинала сомневаться в собственных умственных способностях.

— Ваше Величество, позвольте мне сопроводить вас хотя бы по этой лестнице! — услышала она за спиной голос маркиза, не отстававшего ни на шаг.

— Черт бы вас подрал вместе с вашими лестницами, — пробубнила под нос Мари и обернулась к нему. — Как вам будет угодно....

Как там положено было обращаться к маркизам в Средние века? Ваша Светлость? Ваше Сиятельство? А если ты королева, то как тогда быть?

Маркиз взял ее под руку и с улыбкой сказал:

— Когда моя супруга носила под сердцем маленького Сержа, ей не дозволялось бродить в одиночестве.

— Позвольте посочувствовать маркизе.

Де Конфьян рассмеялся и толкнул дверцу — они как раз спустились к выходу в сад.

Накануне вечером он здорово набрался, как обычно, совсем не пьянея при этом. Но чаша за чашей заливаемое в глотку вино едва ли могло внушить королеве уважение. Да и вообще, на все пиршество она взирала будто бы с молчаливым осуждением. Говорила мало. И быстро покинула тронный зал. Слуги, с которыми и теперь по старой памяти Скриб был на равных, поговаривали, что она не в себе. Впрочем, это как раз походило на традицию семейства де Наве. Много лет назад король Александр был женат на юной графине Дюша. Спустя год после его женитьбы было объявлено о том, что молодая королева безумна, и ее заточили в монастырь. Спустя еще несколько месяцев королева скончалась, и король посадил на трон Элен Форжерон, сделав ее своей женой.

Но королева Мари все-таки совсем не походила на безумную. Она немного дичилась, но взгляд ее глаз из-под темных ресниц был острым и ясным. А еще ей понравились его канцоны. Он бы скорее счел ее сумасшедшей, если бы она не выказала своего восхищения ими. Последнее дозволялось одной только его супруге и старине Паулюсу.

— Не стоит сочувствовать маркизе, Ваше Величество. Я смею надеяться, мое общество едва ли ее тяготило.

Зимний воздух ударил Мари в лицо, и она жадно втянула его носом. Декабрьское

солнце сияло обманчиво ярко, но совсем не грело.

— Благодарю вас за помощь, маркиз, далее я сама, — слушая его вполуха, сказала королева и, посильнее запахнув полы плаща, направилась вглубь сада. Однако не успела сделать и шага, как вдруг услышала голос Мишеля.

— Вот вы где, любовь моя! — произнес ее обожаемый супруг. Мари улыбнулась и бросилась вперед, на голос, обогнула высокую и очень старую липу, увитую диким плющом, и остановилась, как вкопанная.

В нескольких шагах от нее Мишель целовал прекрасную маркизу Катрин де Конфьян.

— Ой! — второй раз за день выдохнула Мари и прислонилась к липе.

— А я предупреждал, что прогулки в одиночестве не приведут ни к чему хорошему! — словно сквозь толщу воды, донесся до нее голос маркиза де Конфьяна, но она совсем не понимала его слов. Сердце ее пропустило удар и пустилось вскачь. Больше она уже почти ничего не слышала. Она только стояла, широко распахнув глаза и глядя на поцелуй, подаренный королем другой женщине.

Маркиз де Конфьян, спешивший на помощь королеве, которая, растяпа эдакая, наверняка подвернула ногу, или увидела змею, или бог знает, что еще... замер. Его Катрин обнимала за шею короля и жарко отвечала на поцелуй, который Его Величество, видимо, даровал своей подданной в знак... в знак общего интереса к оросительным каналам, ставшими главной темой минувшего вечера. Из груди его вырвался глухой стон. А сердце пронзила боль.

— Катрин! — выдохнул Серж Скриб маркиз де Конфьян и сжал кулаки, впуская в себя ярость. И отчего-то надеялся, что ярость заглушит эту адскую боль.

Его Величество услышал какой-то странный звук совсем рядом, в глазах вспыхнул яркий свет, от которого стало больно смотреть. Но уже через мгновение он с недоумением взирал на маркизу де Конфьян, которую держал в объятиях, и которая пылко прижималась к нему губами.

Он отстранил ее от себя и, с трудом подбирая слова, выдавил:

— Вы что-нибудь понимаете?

А подняв глаза, заметил Мари. Она стояла неподалеку, под липой, и молча смотрела на них.

— Мари! — бросился к ней Мишель.

— Нет! — только и пискнула та и помчалась прочь, подхватив длинные полы плаща и подол платья.

Его Величество оглянулся на Катрин. Маркиза была бледна и с ужасом глядела на него, беззвучно шевеля губами. Он в отчаянии махнул рукой. Нельзя было терять ни минуты. Мишель снова повернулся с намерением догнать Мари и увидел, что под деревом находился еще один зритель. Его Светлость маркиз де Конфьян.

— Очень торопитесь, Ваше Величество? — с противной презрительной усмешкой выдохнул смертельно бледный маркиз и двинулся к нему.

— Очень, — отрезал де Наве. — Я к вашим услугам в любое время, но только не сейчас.

— Боюсь, любое другое время мне не подойдет! — рявкнул Серж, скидывая на ходу плащ. Меча при нем не было. Видимо, маркиз намеревался пустить в ход кулаки. — Меня интересует сейчас и здесь.

— Маркиз де Конфьян, я клянусь вам. Вы получите свой поединок, — как можно спокойнее сказал Мишель, понимая, что, как бы ему ни хотелось сейчас бежать за Мари, он

не может этого сделать.

Катрин, наконец, удалось стряхнуть с себя оцепенение, владевшее ею. Нельзя было допустить нелепой схватки. Она подбежала к Сержу и почти повисла у него на руке.

— Серж, я прошу вас. Не надо. Вы же понимаете, что Его Величество должен объясниться с королевой.

Маркиз де Конфьян смотрел на ладони маркизы, обхватившие его локоть. Поднял взгляд к лицу. Как же она была прекрасна! Прекрасна, напугана и... лицемерна! Он выдернул руку и, не отрывая взгляда от Катрин, крикнул королю:

— Я жду, Ваше Величество! И полагаюсь на вашу честь.

Да к черту такую честь! Когда он вынужден делать не то, что должно. Мишель расстегнул пряжку на плаще, и тяжелая ткань упала на землю.

— Я к вашим услугам, маркиз, — медленно произнес он.

Злая, жестокая улыбка исказила красивое лицо маркиза. Дернув Катрин за локоть, он отстранил ее от себя. И только после этого приблизился к королю.

— Что же вы, Ваше Величество, — процедил он сквозь зубы, — в лучших традициях рода де Наве? Впрочем, ваш отец был честнее. Женившись на бесноватой и получив за ней графство, он уморил ее прежде, чем привести в дом другую женщину, вашу матушку. Вы же решили действовать при живой жене. И живом муже.

«Пока еще живом!» — мелькнуло в голове маркиза, и он со всего размаху вмазал королю прямо по носу. Глядя, как Его Величество согнулся пополам, никакого удовлетворения он не испытывал.

— Маркиз, вы... — Мишель осекся, бросив быстрый взгляд на Катрин. Утерев кровь, брызнувшую из разбитого носа, он занес руку для ответного удара.

— Ваше Величество, я прошу вас... умоляю, остановитесь, — Катрин бросилась к ногам короля. — Не теряйте времени, ступайте к королеве Марии.

— Идите к черту, мадам! — заорал Серж, окончательно теряя голову от ярости. — Его Величество имеет полное право на ответный удар!

Король поднял Катрин с земли.

— Успокойтесь, маркиза, — он перевел взгляд на де Конфьяна. — А вы, умерьте свой гнев. Все совсем не так, как вы думаете. Спросите свою супругу.

И Мишель бегом бросился в замок. Недобрые предчувствия разрывали его сердце.

— И откуда ему знать, что я думаю? — проговорил маркиз де Конфьян, глядя вслед королю.

— Об этом не сложно догадаться, — пробормотала Ее Светлость.

Серж вздрогнул и обернулся к Катрин, пристально всмотревшись в ее лицо. Какое совершенство черт! Какая плавность и завершенность линий! Какая чистота во взгляде! Увидел бы ее в этот момент впервые — вновь потерял бы голову. Но как же вероломна бывает красота!

— Ну же, попробуйте, — бросил он, будто выплевывая слова, — попытайтесь убедить меня в том, что мои глаза мне лгут. Скажите же, что я безумец, мадам! Я жажду этого, как ничего и никогда не жаждал, кроме вашей любви.

Катрин отвела взгляд. Сейчас она видела в глазах мужа лишь презрение и боялась увидеть ненависть. И самое ужасное, что она прекрасно понимала его. Окажись маркиза на его месте, испытывала бы то же самое.

— Серж, я не знаю, как это произошло, — попыталась она объяснить не только мужу,

но и себе то, чего не понимала. — Клянусь вам. Я просто гуляла по саду. Я вспоминала, как в прошлом году вы... И увидела вас там, на тропинке. Вы окликнули меня... — Катрин все же решилась поднять глаза и упрямо проговорила: — Там не было короля, там были вы.

Серж подошел к жене, не отрывая от нее взгляда. Как замороженный, он прошептал:

— Говорите же еще, мадам.

— Что? — удивленно спросила она.

— Говорите что-нибудь, Катрин, — зловеще шептал Серж. — Ваш голос подобен яду, проникающему под кожу. Ваши слова — будто лезвия, разрезающие сердце. Но ложь из ваших уст сладка и желанна. Она и убивает незаметно.

— Вы не верите мне, — обреченно пробормотала маркиза. — А я не знаю, как доказать вам, что это правда, — Катрин подошла к нему ближе и обвила его шею руками. — Серж, я не лгу вам. Я не смогла бы солгать вам.

— Нет, вы не лжете, мой ангел, — шепнул он в ее губы, — вы не лжете. Не может лгать та, для которой не существует правды.

Он резко дернулся, отцепил ее тонкие руки от своей шеи, чувствуя, как внутри все рвется к ней, но безжалостно подавляя это чувство. Отступил на шаг, поднял с земли свой плащ, перекинул его через руку и холодно бросил:

— Довольно, мадам! Хотя бы перед собой признайте. Вы целовали короля. И я никогда не поверю даже в то, что он заставил вас. Вы сами целовали короля.

— Там были вы! — выкрикнула она ему в лицо и тяжело вздохнула. — Вы. Я ни в чем не виновата перед вами.

— Вы ни в чем не виноваты передо мной. Когда вы повторите это в сотый раз, быть может, и сами поверите. Я поверить не могу. Теперь мне и слов не довольно.

Он манерно поклонился и помчался прочь, не в силах более смотреть на нее.

Катрин закуталась в плащ и подошла к старой липе. Прижавшись к ней спиной, она закинула голову и смотрела сквозь голые ветви, как тучи скрывают еще недавно яркое солнце. Прикрыла глаза. Слов ему не довольно... А чего ему будет довольно? Ее жизни? В голове вяло ворочались редкие мысли. И среди прочего так привычно вспомнилось о монастыре. Стоило уехать туда еще в прошлом году, как она и намеревалась. И ничего бы этого не было. Ничего бы совсем не было...

С глухим стуком опустился тяжелый засов. Мари обессиленно прислонилась к двери и закрыла глаза. Хоть раз за этот последний год ей приходилось запирается? Нет, Господи. Глупость какая! Нелепость. Супружеская спальня короля и королевы Трезмона. Комната, в которой они оказались, когда перенеслись в двенадцатый век из двадцать первого. И обстоятельства этого перемещения вспомнились ей, будто это случилось вчера. Каменный потолок. Красный балдахин. И луч солнца из окна, отражавшийся на них. Комната, в которой было столько счастья. И которая стала ее убежищем от странного мира за стенами замка. А еще комната, в которой она, как нигде до того, чувствовала свое одиночество.

Королева, оставленная королем.

Глупость не то, что она заперлась. Глупостью было считать, что он никого не завел себе за это время!

Интересно, а безумная графиня Дюша, о которой болтала Барбара, успела подарить ребенка Александру де Наве до того, как ее заперли в монастыре? Его тоже уморили, как и ее? Это судьба брошенных жен в странном и мрачном мире, куда ее забросило?

Мари рассмеялась, вздрогнула от звука собственного смеха и дернула головой, отгоняя

морок. Сил не было совсем. Она медленно опустилась на пол и горько заплакала. Ее жизнь, казавшаяся, несмотря ни на что, удивительной волшебной сказкой, разбилась. Любви короля хватило на год. И что делать теперь, Мари не знала.

Неожиданно дверь ухнула, и Мари в ужасе уставилась на нее.

— Мари! Мари, отвори! — донесся из коридора голос супруга. — Пожалуйста.

Следом раздался нетерпеливый стук.

Королева неуклюже поднялась и, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, будто еще вчера не она легко носилась по замку, бросилась на другой конец комнаты. Их разделяла дверь. Дверь, разность воспитания и его поцелуй с другой женщиной.

Задыхаясь от рыданий, подступивших к горлу, она не могла и не хотела отвечать.

— Мари, — снова позвал он. — Прощу тебя. Нам нужно поговорить. Я все объясню.

Он замолчал. Как можно объяснить то, чему нет объяснения? Но он любит ее, а она любит его. Разве этого мало, чтобы понять?

— Мари, — Мишель оперся на дверь, слушая, что происходит в спальне. — Все не так, как ты увидела. Маркиза, она... Я не понимаю, откуда она взялась. Я бы никогда пальцем к ней не притронулся в здравом уме, слышишь? Мари... открой...

— Это обо мне слуги говорят, что я сумасшедшая! — выкрикнула Мари и тут же закрыла ладонью свой рот.

— Неправда! Ты добрая, милая, нежная. Мари, я люблю тебя.

— Убирайся!

— Я выломаю это чертову дверь, если ты сейчас же не отопрешь! — Мишель с размаху ударил кулаком по доскам.

От стука она вздрогнула и обхватила себя руками. Это было невыносимо. Невыносимо слышать его голос. Невыносимо знать, что он там, совсем рядом. Невыносимо знать, что он ей лжет. Сбежать бы от всего этого... Сбежать бы, да некуда. Некуда... Но ведь она и пришла сюда почти из ниоткуда. Мари подняла голову и снова посмотрела на дверь.

— Дядя Маг! — тихонько позвала она, думая, что, и вправду, совсем рехнулась.

За дверью, рядом Мишель опустился на пол, заставив себя успокоиться.

— Мари, прости меня. Мне никто не нужен, кроме тебя. Я люблю тебя. И нашего сына Ты должна мне верить, — говорил он и снова прислушивался. — Ты слышишь меня? Мари, только не молчи.

Она всхлипнула и блуждающим взглядом окинула красный балдахин кровати, потом перевела его на окно. День был такой же солнечный, как и тот, когда она очутилась в этом замке.

— Дядя Маг! — крикнула она.

Дядя Маг? Ему послышалось... Дядя Маг?!

Его Величество вскочил на ноги и стал стучать со всей силой, на которую был способен.

— Мари, отвори! Зачем тебе Маглор Форжерон! Перестань, успокойся! Мари!

А проклятая дверь даже не шелохнулась от ударов королевских кулаков. И только эхо разносило грохот по коридору.

— Великий магистр Маглор Форжерон! — закричала Мари, стараясь перекричать грохот. — Я же знаю, что ты меня слышишь!

— Слышу, — донеслось до нее откуда-то из угла.

Королева оглянулась. Великий магистр преспокойно сидел в кресле, в котором, бывало, любил сиживать Мишель. Прежде, когда он еще любил ее, она устраивалась у него на

коленях. Они целовались до тех пор, пока не начинали пьянеть от поцелуев. А потом он относил ее в постель. Воспоминание дернулось в ней испуганной птицей и полетело прочь, как если бы она потрясла ветку, на которой сидела эта птица.

— Я хочу домой, — всхлипнула Мари. — Отправь меня домой!

— Здесь твой дом, Мари, — меж тем, говорил маг.

— Нет. Я здесь чужая, — прошептала Мари. — Ты ведь видел? Ты ведь все видел?

Маглор Форжерон лишь покачал головой.

— Я видел только то, что видели мои глаза, дорогая.

— И этого довольно, — торопливо заговорила королева. — Я хочу назад. В Париж. Я не могу здесь. Ты же видишь, что я здесь лишь потому, что меня любил Мишель. Теперь он меня не любит. Так верни меня назад.

Сердце ее колотилось в груди, а в глазах застыли боль и мольба. Великий магистр тяжело вздохнул и еще сильнее нахмурился.

— Если я верну тебя назад, то обратной дороги не будет. Ты навсегда останешься там.

— Пусть.

— Ты никогда больше не увидишь Мишеля де Наве, но перед твоими глазами всегда будет его сын.

— Или дочь, — упрямо мотнула головой Мари. — Пусть.

— И ты не пожалеешь об этом?

Мари вскинула на него полные слез глаза. Да сколько же еще будет длиться эта пытка? Она пожалеет. Пожалеет в тот же день и час, как окажется дома. Но если останется здесь, то ей придется жалеть каждый день и час о том, что она привязала к себе человека, который ее не любит. Существует лишь эта проклятая королевская честь, которую он так чтит!

— Мари, ты обречена любить его всю жизнь и даже больше.

— Я знаю. Но я не останусь. Мне больно, дядюшка.

Старик порывисто встал с кресла, подошел к ней и привлек к себе.

— Не плачь... Не плачь, дитя мое. Я верну тебя домой. Только не плачь. Де Наве не стоит твоих слез.

От его слов она не успокоилась, но, напротив, зарыдала горше прежнего. Маглор Форжерон поморщился и щелкнул пальцами.

И через мгновение уже неторопливо снимал засов с двери в королевскую спальню.

А через два Мишель ударил мечом по доскам двери, и та распахнулась. Король ворвался в спальню. Огляделся. И с похолодевшим сердцем увидел Великого магистра. Но королевы нигде не было. Мишель зло отбросил в сторону меч и исподлобья взглянул на Маглора Форжерона.

— Где Мари?

— В своей квартире в Париже, восемь столетий спустя, — мрачно проговорил Великий магистр.

— Зачем вы это сделали? Какого черта вы вмешиваетесь? — руки Мишеля сжались в кулаки.

Маглор Форжерон криво усмехнулся, вынул из кармана шелковый черный платок и протянул его королю.

— Возьми, у тебя кровь, — равнодушно сказал он. — А Мари сама так захотела.

— Подите к черту, — оттолкнул Его Величество руку мага. — Возможно, она хотела. Но мне нужно было с ней поговорить. Я бы смог убедить ее, объяснить... Отправьте меня вслед

за ней, — Мишель приблизился к Форжерону.

— Мишель, — Великий магистр теперь казался уставшим и почти больным, — де Наве всегда причиняли горе и боль тем, кого я люблю. Я отчего-то верил, что Мари будет счастлива с тобой. Как оказалось, зря. Но у Мари есть защитник. И я не позволю тебе ее мучить. Она дома. И, поверь, там ей будет лучше, чем глядеть всю жизнь на то, как увядает твоя любовь.

— Вы — старый идиот. Мари будет счастлива и именно со мной. Потому что только так правильно. И так будет! Не хотите мне помочь — убирайтесь из моего замка.

— Как скажешь, племянник, — усмехнулся Маглор Форжерон и слился с солнечным светом, проникавшим в огромное окно королевской опочивальни.

Король Мишель тяжело опустился в кресло. Обвел хмурым взглядом комнату, ставшую пустой и нежилой. И, больше ничего не замечая, стал смотреть в окно, глупо надеясь, что Мари передумает и вернется, появится снова здесь и так привычно сядет к нему на колени.

Он не знал, сколько времени так просидел. А когда очнулся, небо за окном стало серым. Солнце заволокло тяжелыми тучами. Жди снегопада. Мишель устало потер лоб.

Петрунель. Он единственный, кто может помочь. Но где его искать?

22 декабря 1186 года, Фенелла

— Ах, ты ж негодница! Блудница поганая! Это ж надо было столько соли всыпать! Вот уж розог бы тебе за это точно всыпать не мешало! Вот все Его Величеству расскажу! — бушевала на кухне старая Барбара, таская за косы молоденькую помощницу, взятую только этой весной из деревушки на берегу Сэрпан-дОрэ. Та верещала, хныкала и пыталась вырваться. Но у Барбары крепка была рука. Хоть и уставшая после приготовлений к празднеству в честь годовщины свадьбы короля и королевы, старуха все же была на ногах. И распускаться прислуге не позволяла.

— Что, опять с Гийомом целовалась, бестолочь? — спросила Барбара, недобро глядя из-под седых нахмуренных бровей.

— С Филиппом, — шмыгая носом, отвечала девица.

— С конюхом, что ли? — всплеснула руками кухарка и выпустила косу. — Ай, бесстыдница! Все королю скажу, вот увидишь!

Служанка отбежала на другой конец кухни и, вытирая слезы, заявила:

— Королю говорите, чего хотите, главное маменьке не переказывайте.

Окончательно рассвирепев, Барбара схватила было свою сковородку, но девицы уже и след простыл. Старуха устало вздохнула, проворчала:

— Чтобы тебя унесли драконы.

И вернулась к своему столу, на котором остывал любимый напиток маркизы де Конфьян. Обед как-нибудь приготовится, но и о маркизе забывать не стоит. Бывшей невесте короля теперь прочили место его любовницы. О том толковали слуги который день. Ее Величество, дело известное, нескоро сможет исполнять супружеский долг. А король еще долго продержался.

Барбара, усмехаясь себе под нос, направилась в спальню маркизы. Осторожно придерживая чашу с медом, она негромко поскреблась в дверь.

Катрин отмахнулась от назойливого звука и продолжила свое бесконечное движение. Едва вернувшись из сада и выгнав служанок, она то металась по комнате, то застывала в ее середине, прислушиваясь и ничего не слыша.

С самого первого дня их знакомства маркиза, тогда еще герцогиня де Жуайез, всегда знала, где находится Серж. Потому что он неизменно был рядом. И если даже она не видела его, могла слышать. Звуки его дульцимера обязательно раздавались где-то неподалеку. Теперь же вокруг стояла зловещая тишина, которая мучила Катрин своим особенным звоном и изводила неизвестностью.

— Серж, — тихонько всхлипнула она, глядя на дверь в надежде, что та откроется, и войдет ее муж. И пусть будет сердит, но крепко обнимет. Ведь он не может не знать, что она не умеет жить без него. Или может? Потому и оставил ее так легко. И потому никогда не поверит. Так зачем ей возвращаться в Конфьян? Аббатство Фонтевро станет для нее подходящим пристанищем.

Катрин присела к столу, достала перо и бумагу. И задумалась, стоит ли обременять маркиза сообщениями о себе. Кто-то настойчиво продолжал стучать. Маркиза сорвалась с места и зло распахнула дверь. Увидев старую Барбару, она еще сильнее рассердилась.

— Зачем пришла?

Кухарка широко улыбнулась, демонстрируя редкие зубы, и самым почтительным голосом проговорила:

— Принесла вам вашего любимого меду, Ваша Светлость! Может быть, еще чего желаете, так я мигом!

— Не до меда мне теперь, — Катрин отвернулась от кухарки и снова принялась мерить шагами комнату.

«В обморок не грохнулась, и то хорошо, — подумала старуха Барбара, вспоминая прошлый визит мадам Катрин в Трезмон, — и что же у них тогда-то не сладилось, коли сейчас все эдак полубовно... Вот ведь любовь, приходит опосля. А была бы королевой, позволь мне тогда рот раскрыть».

Барбара частенько оказывалась права, потому только поджала губы, глядя на медовый напиток. Что ж его теперь, в окно вылить, что ли?

Не успела она додумать очередную свою мысль, как вновь раздался стук в дверь.

Маркиза резко остановилась и оглянулась.

— Открой, — бросила она кухарке. И поморщилась, взглянув на чашу. А ведь когда-то ей нравился этот напиток Барбары.

«Господи, только бы не король!» — подумала кухарка, досадуя на то, что вечно сует нос не в свои дела.

В покои, отведенные маркизам, вошел юный де Вержи, бегавший на посылках, сын обедневших родственников де Наве из разграбленного королевства Фореблэ. Он почтительно протянул маркизе де Конфьян свиток и проговорил:

— Его Светлость велели передать вам, Ваша Светлость.

Глаза Катрин вспыхнули радостью. Он подбежала к нему, выхватила письмо и вложила ему в руки кольцо, которое сорвала с пальца.

Больше ничего не замечая, маркиза развернула свиток и торопливо начала читать.

«Любовь моя Катрин!

Кажется, теперь я в последний раз имею смелость назвать вас так. А меж тем я никогда не перестану вас любить. Я пытался вытравить эту любовь тогда, когда был простым трубадуром. И давно смирился с тем, что она вошла в меня навеки.

Я хотел бы быть слепым и глухим, чтобы не видеть и не слышать того, что происходит вокруг меня, и продолжать обманываться. Но, увы, мадам, это невозможно.

Король любит вас.

И вас ждет судьба его любовницы.

Быть может, вы не готовы еще сами признать этого, но то, что он уже теперь пробудил в вас ответное чувство, я видел в том, как вы целовали его этим утром.

Быть может, вы продолжаете верить в то, что любите меня, но мне было довольно увиденного.

Быть может, вы еще не сделали выбора, но мне ничего не остается, как сделать его за вас. Поскольку король выбрал тоже. Он выбрал вас. Я не могу хранить верность моему королю и оставаться с вами. Было бы честнее вас отпустить, но и этого сделать я не могу. Мы связаны перед богом и людьми.

Потому мне остается только проститься с вами, любовь моя.

Я принял решение отправиться в Святую землю вместе с войском герцога Бургундского. Когда вы читаете эти строки, я уже где-то в дороге. Едва ли нам доведется встретиться вновь. К счастью. Потому что видеть вас для меня отныне величайшая пытка.

Целую подол вашего платья. И желаю вам счастья.

Прошу лишь об одном — воспитайте маленького Сержа сообразно его положению. И, прошу вас, не учите его музыке и стихосложению. От этого, право, одни только беды.

Прощайте, прекрасная моя Катрин. Да храни вас Господь».

Строчки прыгали на дрожавшей в руках бумаге. Но Катрин продолжала перечитывать письмо мужа раз за разом, приходя в ужас от того, какой низкой притворщицей он ее считает. Пока не выучила письмо почти наизусть. И когда каждое слово стояло перед ее глазами, она резко поднялась из кресла. Было принято окончательное решение: нужно вернуть Сержа.

Ей вспомнилось другое письмо, которое Катрин получила на прошлой неделе. Стольник ее отца, старый Фульк, знавший маркизу с детства и, пожалуй, единственный, кто любил ее от чистого сердца, писал о том, что теперь она осталась последней из древнего рода дю Вирилей. Отец, отправлявший своих сыновей в походы то с одним, то с другим соседом-герцогом, в надежде, что те добудут славы и богатства, на самом деле отправлял их на верную гибель. Весной этого года граф узнал, что и его второй сын, самый любимый и единственный остававшийся в живых, сложил свою голову в крепости Курси во время одного из набегов неверных, навсегда оставшись в Святой земле. Это было слабым утешением для старика дю Вириля. Все чаще и чаще видели его слуги в пьяном беспомыслии в разных частях замка. А однажды в середине лета нашли его мертвым прямо посреди главной замковой залы. Как стервятники налетели на замок дальние кузены и племянники, претендующие на наследство. Сначала пили и гуляли, а потом стали ссориться, не умея поделить оставшееся имущество. От постоянных драк и поединков прислуга разбежалась. Скучное добро было разграблено, а сам замок, в конце концов, однажды ночью был подожжен одним из кузенов, считавших себя самым обиженным...

Катрин в ужасе подумала о том, что и Серж... вот так же...

Нет! Сержа нужно вернуть. Нельзя позволить, чтобы он пожертвовал собственной жизнью из-за того, что считает ее глупой выходкой. Сейчас не имело ровно никакого значения, что она не помнила, как же могло произойти подобное. И пусть маркиз ей не верит, это еще не повод отправляться за тридевять земель без надежды на возвращение. Она того не стоит.

Сержа-младшего она оставит в Трезмоне. Де Наве не откажутся присмотреть за малышом. Да и кормилица уже успела подружиться со старой кухаркой.

Снова вернувшись к столу, Катрин написала несколько слов к королю и протянула записку Барбаре:

— Передай это письмо Их Величествам. Да поскорее.

Старуха почтительно поклонилась, взяла из рук маркизы свиток и спросила:

— Что ж вы, Ваша Светлость, мед-то пить будете? Я же его для вас с травяными настоями разводила, памятуя, как вы в прошлый приезд им лакомились. Чудо, а не мед!

— Не буду я твой мед. Некогда мне. И ты ступай, да поторопись передать письмо, — Катрин подтолкнула Барбару к двери.

— Может, еще чего изволите, мадам? — услужливо спросила кухарка прежде, чем оказаться за порогом. Ответа она не услышала. Маркиза закрыла дверь.

Потом Катрин подошла к сундуку. И долго что-то в нем перебирала, пока в руках ее не оказались ножницы.

22 декабря 1186 года, Трезмонский замок

«Полный дом пажей бегают, а послание доставлять должна я! — так рассуждала Барбара, бредя по коридору с чашкой напитка в одной руке и свитком в другой. — Как бы еще на глаза королеве не попасться — письмо-то от маркизы!».

Барбара вздыхала и старательно глядела под ноги — чтобы не оступиться на гладких камнях.

Она помнила еще батюшку нынешнего короля. Тот ходок по женскому племени был изрядный. Помнила, как привез он из похода в Мэрфруад красавицу Элен Кендорф, мать короля Мишеля. Это при том-то, что в монастыре все еще жила его бесноватая первая супруга. Той как-то быстро тогда не стало. И на следующий день после похорон Александр де Наве новой королевой объявил свою любовницу.

Видимо, и новый король далеко от батюшки не ушел, коли при живой жене с маркизой почти уже сошелся. Дело-то молодое.

Однако долг всякого верного подданного — любить своего короля. Даже коли ты простая кухарка. Авось королева разродится, все на место и станет? И отправится маркиза-ведьма восвояси. Ведь король Мишель в королеве души не чаял.

Сделав это умозаключение и почувствовав от того облегчение, Барбара постучала в дверь королевских покоев.

Его Величество поднял голову и бросил угрюмый взгляд на дверь. Почему его не оставят в покое?

— Кто там еще? — зло крикнул он.

Барбара живо перекрестилась. Да что ж такое в этом доме делается-то, а?

— Не извольте сердиться, Ваше Величество, — почтительно заговорила она с дверью, — у меня к вам послание от Ее Светлости.

— Иди, откуда пришла, — выругался Мишель, — пока не приказал высесть тебя за твой длинный язык!

— Меня высесть? — опешила Барбара. — Господи, да за что же, Ваше Величество? Я же верой и правдой служу вашей семье четвертый десяток лет! Вот и теперь... бегаю вместо пажа, послания от маркизы ношу, — кухарка растерянно повертела в руке свиток и перевела взгляд на чашку. — Да и меда вам принесла — вы же не завтракали!

Барбара протянула чашу двери, будто бы король мог видеть сквозь нее.

Король в два шага подошел к двери и резко толкнул ее. Раздался грохот, чаша, издавшая этот грохот, подпрыгивая, покатила по камням коридора, расплескивая во все стороны вокруг себя янтарного цвета жидкость. Его Величество проводил ее глазами и перевел гневный взгляд на кухарку.

— Давно тебя надо было выгнать. Да жалко было, старуху. Уйди с глаз!

«Все-таки оговорила меня ведьма!» — в ужасе подумала Барбара, глядя на короля, которого обожала с пеленок. Запричитав, заохав, бросилась она в ноги Его Величеству и воскликнула:

— Не виноватая я, Ваше Величество! А коли и виноватая, то не так уж сильно. Врет она все! Я про нее кой-чего знаю, вот она и хочет извести! А к кому мне за помощью идти? Не к кому старой Барбаре и пойти-то! Никто не вступится!

— Что ты о ней знаешь? — спросил Мишель, глядя на старуху сверху вниз. И сам не знал, хочет ли он это слышать.

— Так дитё у нее от вас! — воскликнула Барбара и прикрыла рот ладонью.

— Вот дура! — в сердцах крикнул Его Величество. — Пошла вон от греха!

И громко хлопнул за собой дверью, вернувшись в свои покои.

— Стало быть, не от вас дитё-то? — недоуменно спросила Барбара у двери, растирая по лицу слезы. Уныло посмотрела на разлитый по полу мед. Придется прибираться. И вспомнила про послание. Дабы не гневить короля еще сильнее, подсунула свиток под дверь и отправилась на кухню. Ей нужно было хорошенько обдумать, что же такое произошло. Одно она знала точно — безумие заразно. Но королева была просто блаженной, а король, кажется, бесноват!

Между тем, едва Мишель отвернулся от двери, как обнаружил, что кресло его занято.

— И снова здравствуй, дорогой братец! — промолвил восседавший на нем Петрунель.

Нельзя было сказать, что Его Величество обрадовался появлению кузена. Но он был единственным, кто мог помочь королю. Мишель встал напротив магистра, скрестил руки на груди и сказал без предисловий:

— Вы же знаете, куда Великий магистр Форжерон отправил королеву. Отправьте меня к ней!

— Мишель, брат мой, вы не меняетесь! — смеясь, ответил Петрунель. Его голова потешно тряслась, борода то и дело подпрыгивала. — Если бы с помощью любви можно было управлять королевством, то Трезмон процветал бы! В этом смысле ваш батюшка был куда как разумнее. Истребил всю мою семью, отобрал наши земли и женился на моей тетке. Прелесть ведь! А вы заладили: отправьте меня к Мари, отправьте меня к Мари.

Его Величество поморщился. Если бы не крайняя нужда, он бы и сейчас выгнал Петрунеля. Сделав глубокий вздох, Мишель решил:

— Предлагаю сделку. Вы отправляете меня вслед за Мари. А я добуду то, о чем вы мне давеча говорили. Кстати, о чем вы там рассказывали?

— А ведь прислушайся вы ко мне раньше, Ваше Величество, я бы счел, что вы это делаете во благо своего королевства и своих подданных. Все-таки вы слишком молоды и слишком чувствительны для трона, — Петрунель улыбнулся и прервал свои разглагольствования. Лицо его сделалось серьезным, даже торжественным. — Санграль. Священный камень, хранимый духом Великого Белинуса на вершине Горы Спасения, где стоит Монсальваж.

— И как же я смогу найти его среди вершины?

— Если я не ошибся, переводя древние тексты великого кельта, а Петрунель редко ошибается, то Санграль сам вам явит себя, как не может явить простому смертному, даже если простой смертный — сам Великий магистр. Предание гласит, что в три самых длинных ночи третьего года новой эры Санграль засияет для богоподобного рыцаря истинной крови, прошедшего сквозь толщу веков. Если в это время рыцарь не явится, то Санграль погаснет навсегда. Если же рыцарь придет, то он получит великую силу священного камня и освободит дух Белинуса, став новым хранителем во веки веков. Этот камень нужен мне, но достаться он может только вам. Вы разделите со мной силу Сангралья. И будете совершенно свободны от всякой магической ерунды, в которую вы мало верите, и которая решительно вам не нужна.

—хлопот меньше, коль он явит себя сам, — пробубнил Мишель.

Его Величество отвернулся от Петрунеля. Цепь странных событий привела к тому, что он все же исполнит желание мэтра. Если бы Барбара много не болтала. Если бы он сам не встретил в саду маркизу де Конфьян. Если бы Мари не сбежала.

— Хорошо. Будет вам ваш Санграль.

— Ваш Санграль, дорогой мой братец, — весело уточнил Петрунель. — Ваш. Мне же нужно не так много. Едва ли вы могли забыть, я постоянен в своих устремлениях — одно желание. Всего одно. И он ваш навеки.

Его Величество устало кивнул Петрунелю:

— Одно так одно.

— Вот и славно, что мы договорились. Кстати, королевской честью клясться я вас заставлять не буду. Вы жульничаете. Поклянитесь жизнью королевы. И тогда я отправлю вас к ней.

Мишель усмехнулся.

— Клянусь, — легко бросил он Петрунелю и мысленно добавил: «Жизнью королевы Элен Кендорф».

Петрунель протянул Мишелю руку и заявил:

— Что ж, Ваше Величество, традиционное «горе вам, коли нарушите клятву» я восклицать не буду. Теперь последнее. Я отправляю вас в двадцать второе декабря 2015 года, первый день зимнего солнцестояния, когда Великий Белинус стал хранителем Сангралья. У вас будет ровно три ночи на поиски. Не очень много, но и не очень мало, если я не ошибаюсь, и рыцарь из предания — действительно вы.

— Мари там?

— Да куда ж ей деться? Сидит себе в своей квартире в Париже. Ревет. В холодильнике мышшь повесилась. Куда? К ней или сразу в Монсальваж?

— К королеве, — отрезал Мишель.

Петрунель хохотнул.

— Отчего-то я даже не сомневался. У вас три ночи, Ваше Величество. Либо вы вернетесь и с камнем, и с королевой Мари, либо вы возвращаетесь один и без камня.

Маг поднял руку и щелкнул пальцами.

22 декабря 1186 года, Трезмонский замок

Вытирая глаза кончиком рукава любимого синего котта, надетого по случаю праздника (гости еще не разъехались, стало быть, и наряд отправлять в сундук рано), Барбара направлялась на свою кухню — единственное пристанище, где она чувствовала себя по-настоящему счастливой. И где только пересоленный суп казался трагедией старой кухарке.

Но, видимо, день в самом деле не задался. Стоило ей переступить порог кухни, как она обнаружила в ней... брата Паулюса.

— Пресвятая Дева Мария! — воскликнула Барбара и перекрестилась.

— Барбара! — живо отозвался Паулюс, вскочив со скамьи, подскочил к ней и крепко обнял кухарку. Он уже успел изрядно приложиться к медовому напитку, который обнаружил в кувшине, и теперь был несказанно рад встретить живую душу в словно вымершем замке. — Что-то у нас так тихо сегодня. Ну, рассказывай, что здесь произошло, пока меня не было, — он весело подмигнул старухе.

— Святые угодники, брат Паулюс, что на тебе за срамные одежды? — в ужасе шарахнулась она от него.

— Аааа... это, — протянул Поль глянув на себя. — Ну, как бы тебе объяснить... Да не обращай внимания, — он махнул рукой и снова потянулся к кувшину.

— Эй, эй, эй! — запричитала Барбара. — Ты чего это делаешь? Совсем одичал? Даже трогать не вздумай, это на королевский стол.

Она выхватила кувшин у него из рук, оставила в сторону и наполнила его чашу из бочонка.

— Держи вот... Остатки сабли со вчерашнего пира. Ты лучше скажи, странник, куда пропал, когда был так нужен? Король Мишель чуть с ума не сошел, разыскивая, кто бы провел венчание!

— Что это ты злая сегодня такая? Обидел кто?

Он с удовольствием сделал большой глоток вина. Какое замечательно вино! Не то что всякая дрянь в образцовом Париже 2015 года.

— Жаль, что я все же пропустил свадьбу. Эх, как бы я погулял, — Паулюс задумчиво почесал затылок. — А я... немного путешествовал. В далеких странах. Там вот так одеваются. Потом переоденусь.

Барбара еще раз окинула взглядом непотребную одежду брата Паулюса — рваные джинсы и обтягивающий его мощный торс реглан яркого синего цвета с желтыми улыбающимся черепом на груди.

— Не иначе бесы в тех странах живут, — заявила она, плюнула и перекрестилась. — Хотя и в нашего короля они, похоже, вселились. Женился-то на полоумной! Так она хоть тихая. Подумаешь, временами говорит странно, вроде как не по-нашему. Но ведь король-то подле нее на людей кидаться стал! А сегодня так и вовсе — я ему письмо от Ее Светлости принесла, а он меня прогнал. И едва не пригрозил и вовсе из замка выгнать! Ох, наварю я ему овса на завтрак, будет знать! Королева говорит — полезно! Совсем горе королевству!

Паулюс громко расхохотался.

— Нет, Барбара, бесы там не живут. Хотя овес едят. Не знаю, полезно ли, но вкусно, —

неожиданно затих и вздохнул, вспомнив про Лиз. И так грустно ему стало. За каким дьяволом он искал этот проклятый виноградник! — А с чего это ты вдруг курьером стала?

Барбара с ужасом взглянула на Паулюса. Тот тряхнул головой и поправился:

— Ну, посыльным. Письма королю носишь...

Барбара выдохнула, взяла из рук брата Паулюса чашу и сделала несколько жадных глотков.

— Да, видать, больше некому! Пажей распугали всех. Герольды чуть ли не под тронами прячутся. Ходят все на цыпочках. Королева, чуть что, так в слезы. Наследника они ждут!

Глаза бывшего святого брата округлились.

— Наследника, говоришь? — усмехнулся он. — Какая нудятина!

— Бог с тобой, святой брат, что ты такое говоришь? — в ужасе воскликнула старая Барбара. — Совсем умом повредился? Одежды срамные, речи нездешние!

Она бросилась к кувшину с медом, который только-только отняла у него. Налила в чашу и подала Паулюсу.

— Вот, лечись. А то придет месье Андреас, а у него лечение похуже будет. Королева сказала, что и на «поушешный выстрел» его к себе не подпустит, когда придет пора разродиться. Брат Паулюс, а ты знаешь, что такое поушешный выстрел?

— Нет, Барбара, не знаю, — задумчиво сказал Поль. «Может, и впрямь королева не в себе...», — подумал он и вслух продолжил: — Я пока еще немного знаю. За мед спасибо, вкусный он у тебя! Лакомство божественное, *Ignosce mihi, Domine!* Так ты говоришь, нашелся тот, кто венчание провел. И что же? Его в моей комнате поселили?

— Брату Ницетасу комната твоя не понравилась. Говорил, что слишком тесная да темная. Так что никто там не жил. И вещи так там и лежат — как раз пойдешь, облачишься в одежду, сообразную сану. Единственное, брат Ницетас на венчание короля и королевы одолжил твою праздничную сутану, дескать, она наряднее, чем та, что он привез из обители. И, сдастся мне, так и не вернул.

— Жаль. Хорошая была сутана. Ну, пойду я. Переодеться надо. Права ты.

И Паулюс с кислой миной побрел из кухни, где оставались любезные его сердцу шабли и мед. Однако не успел он дойти до порога, как столкнулся с пышнотелой женщиной, держащей на руках младенца. Младенцу было около полугода. И, едва завидев Паулюса, он сжал свои крохотные кулачки, закричал и стукнул женщину по лбу.

— Ваша Светлость, что ж вы балуетесь? — взвизгнула она и жалобно посмотрела на Барбару.

— Забавляется юный маркиз, — с улыбкой сказала кухарка.

Паулюс подпрыгнул. И, кажется, даже протрезвел. Немного.

— Какой еще... юный маркиз? — недоуменно спросил он у женщин.

— Ты, что же, брат Паулюс, не знал даже, что у трубадура, который маркизом де Конфьяном оказался, сын есть? — изумленно спросила Барбара. — Что ж это за такие дальние страны, что туда вести из Трезмона не доходят? Про свадьбу не знал, про наследника Его Светлости — тоже. А ведь вы ж, помнится, с мессиром Сержем приятелями были, столько выпили вместе!

Святой брат издал странный звук, явно означавший, что ничего из перечисленного кухаркой он не знал, а Серж еще обязательно ему ответит, почему держал его, своего друга, в неведении относительно сына. Паулюс с любопытством взглянул на ребенка.

— А ведь похож-то как!

— Еще б не поуж, — мечтательно проговорила кормилица. — Сразу видать породу!

Породистый младенец недоверчиво окинул взглядом молодую женщину и, что есть духу, завопил.

— Ваша Светлость, Ваша Светлость! Что же вы? — запричитала та. — Мать с утра не в духе, он и плачет. Чувствует, бедняжечка.

— А как по мне, так он попросту голодный, — жизнерадостно заявила Барбара. — А мамаша его — сущая ведьма! Клянусь памятью своей кузины Никталь — тоже с бесами водилась, покуда они ее к себе не прибрали. Старая дура жила в лесу, пошла травы собирать на болото. Там и пропала, больше ее не видели.

— Совсем нехорошо в Трезмонском королевстве, — пробубнил себе под нос Паулюс и осенил себя крестным знаменем. Он не рискнул спрашивать подробностей ни про ведьму, ни про то, почему юный маркиз находится здесь, а не в Конфьяне.

— Пойду я, Барбара. Пойду, — почесав затылок, сказал Паулюс. — Мне письмо надо написать одному полудурку.

Только бы вино, как и вещи, по-прежнему, было в сундуке. И уж он напишет!

— Ступай, брат Паулюс! — с улыбкой заявила Барбара. — Заглядывай по старой памяти!

И, глядя ему вслед, добавила:

— А все же славно, что он вернулся. Может, с ним и мир вернется в наш замок.

— Хорошенький какой, жаль, что монах, — мечтательно вздохнула кормилица, за что немедленно была бита по лбу юным маркизом.

22 декабря 2015 года, Париж

Король Трезмонский Мишель I успел лишь моргнуть, когда увидел, что стоит посреди огромной залы. Тут были и стол со стульями, и диван, и ящик с живыми картинками, и то, что Мари называла «духовкой», кажется (все же ее замысловатые слова постепенно запоминались). Здесь же в зале он увидел доску для рисунков. Вокруг в беспорядке лежали краски, бумага, какие-то неизвестные Мишелю предметы. Ни ширм, ни пологов не было. Даже стен не было. Только большие окна, сквозь которые доносился нечеловеческий шум. Наверное, так шумят драконы, если они действительно существуют. Его Величество подошел к окну и где-то внизу, под собой увидел сплошной поток повозок. На одной из таких в прошлый раз его катала Мари.

Мари...

Мишель оглянулся и громко позвал:

— Мари!

Его голос неприятно и грозно отразился от высоких потолков.

А откуда-то со стороны донесся тихий всхлип.

— Теперь у меня еще и галлюцинации! — услышал он голос Ее Величества.

За голосом последовал звук сбегавшей воды. Но он не заглушил повторившегося всхлипа. Тот прозвучал еще несколько раз. И потом перерос в захлебывающиеся рыдания.

Мишель пошел на эти звуки и, как и утром, оказался перед запертой дверью, в которую решительно постучал.

— Мари, пожалуйста, отвори.

Плач резко оборвался.

— Мари, я все равно никуда отсюда не уйду. Не можешь же ты сидеть там вечно.

Его Величество, как и в замке, опустился на пол, откинув голову на дверь и вновь прислушиваясь к тому, что за ней происходило.

Шум воды прекратился тоже. Зато раздался какой-то шорох. А после него дверь дернулась, открылась вовнутрь, и Мишель упал прямо под ноги своей жены.

Она стояла посреди крошечной комнаты, почти совсем как та, в которой он нашел ее год назад во время укладывания книг в библиотеке старого дома, что она продавала. И, как и тогда, лицо ее было заплаканным и потерянным. Да, у королевы Трезмонской была дурацкая привычка рыдать, запершись в ванной — под шум воды, сбегавшей из крана.

Теперь же глаза ее при виде короля округлились от удивления.

— Ты? — выдохнула она изумленно.

— Я, — радостно ответил Мишель, легко вскакивая на ноги. — Мари! Любовь моя! Не сбегай больше, пожалуйста. Никогда больше не сбегай.

Он обнял ее за плечи и поцеловал в макушку, чувствуя, что она — словно сплошной напряженный комок. Напряжено было все — руки, ноги, неестественно ровная спина. Лицо — и то казалось таким, будто она едва сдерживается от вспышки то ли гнева, то ли горя. Но стоило его губам прикоснуться к ней, как Мари резко выставила руки вперед и оттолкнула короля. Яростные ее глаза сверкнули, и в них вновь показались слезы.

— Ну уж нет. Хватит. Чему я удивляюсь? От тебя никогда не было просто избавиться. Ты ведь у нас путешественник во времени.

— Ты теперь тоже. Отныне путешествовать будем только вместе, — отозвался Мишель. — Ваше Величество! — он опустился на колени рядом с женой. — Ради вас я готов объявить себя полоумным. Выполнить любое ваше желание, только чтобы вы простили меня. Я люблю вас и только вас.

Глаза ее заметались по сторонам, будто она искала, за что зацепиться, чтобы выбраться из силков. Но то и дело натыкалась взглядом на собственного коленопреклоненного мужа. И как никогда, походила на пойманную птицу.

— Уходи, — выдавила она из себя, чувствуя, что вот-вот снова разрыдается.

— Не уйду, — твердо сказал король и обхватил ее ноги крепким кольцом своих рук.

— Уйдешь. Потому что я... — она чуть замялась. — Потому что я прошу тебя уйти.

Его Величество поднялся с колен и пристально посмотрел на Мари. Потом коротко кивнул и оглянулся по сторонам, пытаясь понять, где может быть выход из этого жилища.

Входная дверь за ним закрылась почти бесшумно. Но этого вполне хватило, чтобы она вздрогнула всем телом и медленно опустилась на пол.

Как все это произошло? Как могло такое случиться? Случиться с ними! Ощущение нереальности происходящего не покидало ее весь прошедший год. Не может человек быть так счастлив. Мелочи, вроде той, что слуги принимали ее за сумасшедшую, не особенно задевали Мари. Какая, в сущности, разница, если всегда рядом был Мишель. Его рука неизменно поддерживала ее тогда, когда она могла оступиться. И это стало данностью. Она привыкла к этому. Он был в ее жизни, а она — была в его. Так когда все это изменилось?

Сотый раз она задавала себе этот вопрос.

Сотый раз находила ответы, которые ей не нравились.

Тот день и час, когда она радостно и смущенно говорила ему, что вскоре подарит ему ребенка, а королевству наследника, стал концом ее сказки. Он был счастлив. Ей казалось, что он был счастлив, но в тот же вечер, потянувшись к нему, наткнулась на стену, слепленную из заботы, нежности и... холодности. Странное сочетание, оказавшееся крепче гранита.

И его нелепые объяснения, суеверия, рассказы о королеве-матери! Она позволяла кормить себя этим столько долгих месяцев, потому что любила его! В то время, как он... он жил в мире, о котором она не имела представления, кроме книжного и весьма условного!

И в этом мире были не только они вдвоем!

Разговоры слуг, перешептывания за спиной, приезд маркизы. Мари не хотела и не могла признаться себе в том, что ужасно боится ее. Маркиза де Конфьян, бывшая невеста короля, сбежавшая чуть ли не из-под венца. Поговаривали, что это назло ей король женился на женщине, о которой никто ничего не знал. То, что Мари ниже Его Величества по происхождению, было очевидно, иначе давно бы объявили все ее титулы. Но ведь никто не знал, насколько ниже. А вдруг она дочь прачки? Или и того хуже — какого-то итальянского купца?

Это было важно для Мишеля. Мари чувствовала, что важно — он родился сыном короля и влюбился в... художницу из века, когда ей было плевать на то, что кто-то богаче или влиятельнее.

Но это не могло не быть важным для Мишеля!

И что если, увидев маркизу и сравнив ее с собственной женой, король сделает выводы не в пользу жены? Особенно сейчас, когда он... когда он совсем не хочет ее, а она не представляет, как вернуть его интерес. Да, Мари испугалась красоты и ума прекрасной

Катрин, красоту которой пел лучший трубадур Трезмона. Ведь хотел же Мишель на ней жениться! Бог его знает, что произошло между ними тогда. Страхи королевы росли быстрее, чем рос живот.

И вот это проклятое утро, когда оказалось, что они отнюдь не беспочвенны.

Мишель целовал маркизу.

Не скрываясь. В саду собственного замка, зная, что в любой момент может появиться Мари — ведь знал же! Знал! Она каждое утро гуляла там. И все-таки он целовал эту женщину, которая была его невестой в те времена, когда они еще не были знакомы.

Мари схватилась за голову. Воспоминание об увиденном отозвалось в ней болезненным ударом сердца. Все, чего она хотела, это забыть обо всем. Но как забыть? Как забыть о том, что было величайшим счастьем и величайшей мучкой, данной ей в жизни? И она обречена любить его вечно... Тогда как Мишель любил другую.

Так за каким чертом он примчался сюда за ней? Что он забыл здесь? Зачем преследовал?

Мари вздрогнула.

Черт! Черт! Черт! Идиотка!

Он же на улице и часа не протянет! Там же машины!

Она и в самом деле взглянула на часы. Сколько же времени прошло, как она прогнала его? Минут сорок?

Мари неуклюже поднялась с пола и проковыляла к балкону. Резко дернула на себя ручку, впустив в комнату морозный воздух и, вцепившись пальцами в бортик, стала всматриваться в сплошной поток автомобилей и людей на улице.

— Мишель! — выкрикнула она. — Мишель!

Сидя на перилах ограждения вокруг старого дерева, росшего у подъезда, Мишель с любопытством наблюдал за хаотичным движением на дороге. Мчались повозки, бежали люди, а им подмигивали красно-зеленые огни.

Среди шума, творящегося вокруг него, он услышал, что Мари зовет его. Поднял голову и увидел Ее Величество.

— Я здесь! — крикнул он ей в ответ.

— Пожалуйста, поднимись обратно! — едва переведя дыхание, крикнула она. И искренно надеялась, что он не заметил того, как дрожит ее голос. От усталости, от стресса, от страха за него. Когда же она успела из уверенной (ну, более или менее уверенной) в себе женщины превратиться в забитую перепуганную средневековую недотепу?

Глаза же Мишеля от слов забитой перепуганной средневековой недотепы счастливо загорелись. Наконец-то она позвала его. Он быстро взбежал на четвертый этаж, оказался в квартире. И стоял рядом с женой, смотрел, не отрываясь, на ее прекрасное лицо и мечтал, как они вернутся домой.

— Мари! Как мне доказать тебе, что ты — единственная женщина в моей жизни?

— Никак, — уверенно отрезала она, чем моментально погасила его взгляд. — Мне не интересно. Спать будешь на диване. На улицу одному выходить тебе нельзя. Через сколько дней ты вернешься в Трезмон?

— Да хоть на полу, — буркнул Мишель, решив не отвечать на ее вопрос.

Она только поджала губы, развернулась и скрылась за единственной дверью в этой странной обители. Вернулась через несколько минут. В руках ее были брюки и рубашка.

— Алекс оставил, — заявила она с невозмутимым видом. — Переоденься. Главное, не

утащи с собой в двенадцатый век. Мне, видимо, еще возвращать эти вещи.

— Я вызову этого Алекса на поединок, убью его, и тебе не придется ничего возвращать, — хмуро сказал Его Величество.

— Я гляжу, ты уже кого-то вызвал, — холодно ответила Ее Величество. — В зеркало хоть смотрел?

Мишель потрогал свой разбитый нос. В собственных заботах он уж и забыл разгневанного де Конфьяна и растерянную Катрин. Diabolus! Что же такое произошло в саду?!

— Мари! Маркиза ничего не значит для меня. Никогда не значила.

Ее губы сжались в тонкую нить. Потом дрогнули, разомкнулись, и она заговорила:

— Я ничего не хочу об этом слышать. Ты будешь здесь, пока не вернешься к себе, чтобы не угодить под колеса. Я как-нибудь это переживу. Сколько на этот раз у тебя времени? И что ты должен сделать, чтобы убраться?

— Зачем ты так? Почему ты хочешь забыть все, что было у нас хорошего? И как же наш ребенок?

Мишель осторожно взял ее за руку. Но она тут же ее отдернула, будто он оставил на ней ожог.

— Не трогай меня, — прошептала она. Знала, что, если скажет не шепотом, он услышит в ее голосе слезы. — Я не буду об этом думать. Облегчи, пожалуйста, мне жизнь — заткнись.

Мишель нахмурился, кивнул и отошел к окну. Чувство обреченности и бессилия охватывало его. А ведь еще вчера он был счастлив. И был уверен, что счастье его никогда не закончится. Рядом с ним была Мари — его прекрасная принцесса, ставшая для него целым миром. А теперь...

Теперь у него остается последнее средство. Санграль. Его сила, которая поможет королю вернуть Мари. Он любит ее, у них будет ребенок. Они семья. Семей и останутся. Его Величество не представлял себе, как сможет в этом сумасшедшем мире своей жены добраться до Монсальважа и найти проклятый Санграль. Но если это его последняя надежда, он сделает это.

22 декабря 2015 года, Кюкюньян — 22 декабря 1186 года, Трезмонский замок

— Бабенберг. Поль Бабенберг. Он может еще Паулюсом Бабенбергским представляться.

Двадцать три года. Волосы русые, глаза серые, телосложение... — Лиз судорожно вздохнула — телосложение античного божества. Но вряд ли полицейский коммуны Кюкюньян оценит метафору, — телосложение спортивное.

— Так когда, говорите, он пропал? — спросил полицейский, записывая ее слова.

— Сегодня утром. В замке Керибюс. Я же вам объясняла.

Полицейский, чуть пошевелив усами, удивленно воззрился на напавшую на него девушку, требовавшую немедленно организовать поисковую группу.

— Мадемуазель де Савинье, может быть, потерпим хотя бы до конца дня? — в голосе полицейского звучала надежда, впрочем, не очень уверенно. На его памяти такое происходило впервые.

— Вы с ума сошли? — сердито спросила Лиз. — Он же совсем один! Мало ли, что с ним может случиться.

Конечно, Вивьен Лиз прекрасно понимала, что случилось с ее... эээ... парнем? Да! Парнем! Но маленькая надежда, что он все-таки провалился в какую-то яму или ущелье, а не в дыру во времени, не давала ей покоя. А вдруг?

— Мадемуазель, да что там может случиться? Там в жизни ничего не происходило! — упрямо ответил полицейский.

— Если вы мне не поможете, я сама пойду по домам! — воскликнула Лиз, сжимая кулачки. — Буду стучать в каждую дверь и просить о помощи! И я уверена, что кто-то да вызовется помочь, потому что не все такие бесчувственные люди, как вы!

— O piissima Virgo Maria! — воскликнула женщина напротив нее.

Лиз поморгала и тихонько охнула. Она почему-то сидела за большим деревянным столом, а напротив нее грузная дама в средневековой одежде резала крупными кусками мясо. Нож выпал из ее рук. И она тоже охнула. Только не тихонько.

Лиз замерла на мгновение и тут же подпрыгнула на месте, внимательно рассматривая габаритную и очень фактурную женщину.

— Что вы собираетесь делать с этим мясом? — осторожно спросила Вивьен Лиз.

— Тушить в винном соусе с изюмом и сливами, — икнув, ответила кухарка.

— Круто. А с чем подавать?

— Шпинат и бобы.

— Ясно. А где брат Паулюс?

— У себя в комнате.

— Тогда я пойду... исповедуюсь? — Лиз медленно поднялась из-за стола, но старуха вскочила следом и спросила:

— А вы кто? Тоже из дальних стран? Такие срамные одежды у нас в Трезмоне не носят...

— Типа того... только я это... привидение... вот.

Кухарка побледнела, взяла чашку со стола и шумно хлебнула.

И только после этого Лиз почувствовала, что теряет сознание.

В это же самое время брат Паулюс в своей комнате со скучающим видом потягивал из

кружки вино из Пуату, которое, кажется, стало несколько крепче и ароматнее, но от этого ничуть не хуже, а даже еще лучше. Шабли закончилось, пока он предавался эпистолярным мучениям. Написание письма Скрибу, которое он велел мальчишке-пажу доставить маркизу де Конфьяну, заняло порядочно времени. Затем, не удержавшись, он все же сходил на свой виноградник. Тот был укрыт толстым слоем снега, и лишь кое-где были видны голые стебли замершей до весны лозы. Монаху показалось, что и она изменилась. Стала крепче и толще. Он благоговейно прикоснулся к ней пальцами, почувствовав шероховатость стебля, и улыбнулся.

«Летом ты дашь мне урожай», — мечтательно сказал он лозе...

Паулюс почесал затылок и налил себе новую кружку. Он был рад снова оказаться дома, где все казалось привычным и знакомым. Но Лиз ему определенно не хватало. Не зная, чем бы еще заняться, святой брат решил сходить в часовню. Давненько он не молился. Как вдруг дверь содрогнулась от настойчивых ударов, и в комнату вошла странная процессия. Первой вплыла охающая и причитающая Барбара и, придерживая дверь, впустила в комнату мясника Шарля, который давно за ней ухлестывал, принося на кухню только самое свежее и самое лучшее мясо. На спине мясник, будто тушу, тащил... женское тело.

— Твое? — хмуро спросила Барбара.

Паулюс присмотрелся. Лиз? Лиз!!!

— Мое! — бросил он Барбаре и подскочил к Шарлю.

Отлепив его пальцы от ног девушки, он перехватил ее в свои руки.

— Это ж тебе не кусок мяса, болван!

— Конечно, не кусок мяса! Кости одни! — буркнул Шарль и подмигнул Барбаре, однако его знаков внимания старуха не замечала. Она подошла к брату Паулюсу, внимательно окинула его взглядом с Лиз на руках и заявила:

— Ты, главное, брат Паулюс, изгони это привидение поскорее из замка. Нам здесь своих бед хватает. Еще и ты за собой притащил. И место свое помни, а то, чего доброго, отпишет наш король в аббатство о твоих похождениях. Они нынче все будто с цепи сорвались.

Паулюс мысленно в сердцах выругался. Но ссориться с кухаркой было нельзя. Слишком давно она служила в замке, слишком о многом знала, слишком многое могла. А еще была ее тяжелая ладонь — воистину страшное оружие!

— Не переживай, Барбара. Все будет окей, — сказал святой брат миролюбиво. — А помогать нужно всем, даже привидениям. Я же знаю о твоём большом добром сердце. Ты никогда и никому не желаешь зла.

— Что есть, то есть, — смягчившись, ответила кухарка. — Да только на все эти напасти никакого сердца не хватит. Чуть не померла, когда это привидение явилось ко мне и давай про кабанье мясо расспрашивать. Есть ли у тебя, брат Паулюс, чем сердце подлечить?

— Кхе-кхе! — отозвался мясник. — И силы подкрепить тоже.

Паулюс незаметно вздохнул. Аккуратно уложил Лиз на кровать. Сунул Барбаре в руки бочонок с остатками вина.

— С чего бы ты силы-то потерял? — сердито спросил он Шарля. — Впрочем, спасибо вам, — повернулся он к кухарке. — А теперь мне некогда, надо заняться этим... привидением, — кивнул он на Лиз. — Ступайте.

Барбара и мясник Шарль, прихватив бочонок, направились к выходу, но на пороге кухарка не удержалась и добавила:

— И одежда у нее срамная! Может, хоть принести ей чего?

Паулюс почесал затылок. Праздничной сутаны, действительно, в сундуке не оказалось.

— Спасибо тебе, Барбара. Одежда ей пригодится.

И оглядев внимательно габариты кухарки (кажется, она стала еще больше), с надеждой в голосе сказал:

— Вот если бы только чего из королевского...

— Можно и из королевского! Королева на сносях, ей без надобности! — сказала Барбара и, прихватив за шиворот мясника, покинула комнату монаха.

Паулюс подошел к кровати и легонько потормошил «свое привидение».

— Лиз... Лиз...

Привидение только вздохнуло, но ничего не ответило.

Монах метнулся к столу, схватил кружку, набрал в рот побольше вина и прыснул девушке в лицо.

— Лиз!

— *Va te faire enculer!* — прохрипела Лиз, распахнула глаза и закашлялась. — Я тебя прибью! Ты за каким чертом сюда сбежал?

— Да не сбегал я! — отшатнулся Паулюс. — Сам не понимаю, как эта хреновина приключилась. Но как же я рад тебя видеть!

Лиз очень серьезно посмотрела на Поля. Перевела дыхание и, наконец, улыбнулась:

— Точно? В Неаполь от меня мужчины удирали, но в двенадцатый век — в первый раз.

— Какие еще мужчины? Всего несколько часов не виделись, а ты уже других мужчин вспоминаешь, да?

Лиз задохнулась от возмущения. Взъерошенные ее волосы торчали во все стороны, щеки покраснелись.

— А ты... ты... А тебе виноградник твой дороже меня! За ним сюда примчался, да?

Паулюс склонил голову набок, любуясь Лиз, медленно почесал затылок. И многозначительно изрек:

— Если бы я мог иметь виноградник и тебя — я был бы счастлив. Но если мне придется выбирать — я выберу только тебя.

— Ах ты ж... Святой брат! — взвизгнула Лиз и бросилась ему на шею — она всегда была довольно отходчива.

Крепко обняв девушку, Паулюс блаженно заурчал. Пока он быстрыми поцелуями покрывал ее лицо, руки его направились уже привычным путем в поисках пуговок, крючочков и ленточек.

Неожиданно дверь без стука распахнулась, и на пороге снова возникла старая Барбара с узлом в руках. Глядя на такое дело, она изумленно раскрыла рот и схватилась за то место, где под пышной и гневно вздымающейся грудью билось ее большое и доброе сердце. Она издала несколько нечленораздельных звуков, а затем промолвила чуть ли не басом:

— Я погляжу, изгнание призрака проходит успешно!

— Дражайшая Барбара! — голос святого брата стал вкрадчивым. Он подошел к кухарке поближе. — Это самый новый и очень действенный обряд изгнания привидений. Я обучался ему в дальних странах. И даже успешно держал экзамен. Уж поверь мне!

— Срам один в твоих дальних странах! — отрезала почтенная Барбара. — Как бы в обители не прознали — анафеме предадут, как пить дать!

Она сунула ему в руки узел с одеждой для Лиз и, грозно сдвинув брови, добавила:

— Как переоденетесь, быстро ко мне на кухню оба. Поди, не ели ничего с утра.

22 декабря 1186 года, королевство Трезмон, «Ржавая подкова»

Прекрасная Катрин, прощаемся с тобою!

Меж нами холод звезд. Меж нами камни дней.

Ты сердцу моему останешься женою.

Во мне навек живешь — нежнейшею душою.

Но от тебя, Катрин, бегу, загнав коней.

Катрин не задумывалась о том, сколько времени провела в дороге. Для своей поездки она выбрала Фабиуса, про которого Серж всегда говорил, что тот особенно смирен и послушен. Вряд ли этот конь способен догнать Игнаса. Но маркиза, отчаянно погоняя жеребца, вспоминала всех святых с просьбой, чтобы супруг ее все же остановился где-нибудь для отдыха.

Она знала, зачем она едет — вернуть Сержа. Но ничуть не знала, как это сделать. Что она может сказать мужу, как убедить его бросить ужасную затею. Катрин до боли закусывала губы. Он ей не верит. Господи! Он не верит ее словам, не верит ее поступкам. И что бы она ему ни сказала, для него все будет звучать фальшиво.

Не будучи хорошей наездницей, маркиза, после долгих часов, проведенных в седле, чувствовала себя крайне уставшей. От своих раздумий она устала не меньше. Ее терзало то, что не была хорошей матерью, оставив сына на чужих людей. И то, что совсем не была хорошей женой. Теперь уже дважды. Герцога Робера она предавала в мыслях. А Сержа, за которого готова была умирать снова и снова, предала наяву. Как такое могло случиться? Сами боги позавидовали ее счастью, или она совершила непоправимую ошибку, поверив своим глазам?

«Вы сами целовали короля».

Катрин вздрогнула. Никогда ее губы не касались губ Мишеля! Там, в саду Трезмонского замка, рядом с ней был Серж. Муж, считающий ее лгуньей.

Когда стемнело, лесные звуки стали пугать ее. Вглядевшись в быстро сгустившуюся темноту, она с облегчением увидела огоньки постоянного двора. А подъехав ближе, услышала протяжные звуки дульцимера и голос, который узнала бы среди тысяч других.

Отныне только ночь. И серебро покровом.

Скитаться без любви — здесь в солнце нет нужды.

Пусть будет холод звезд — прощальным твоим словом.

А свет их в небесах — светом очей суровых,

Что страннику вовек нужней глотка воды.

«Трубадур и в поход ходит с дульцимером», — усмехнулась Катрин, прошептала благодарственную молитву, понижая натянула на глаза капюшон и зашла внутрь гостиницы, которая слабо освещалась парой факелов.

Увы, мне холод звезд дороги не подскажет.

Увы, скитальцам он — не страсти поцелуй.

Разлуки и беды торжественно на страже,

Он между нами лишь могильным камнем ляжет,

Но слез своих камням, Катрина, не даруй.

Маркиза озабоченно шла по коридору гостиницы за служанкой, которой было велено

проводить нового постояльца. Ни за какие деньги ей не удалось получить отдельную комнату. Самое большее, чего удалось добиться, это выпросить, чтобы у нее был лишь один сосед.

За то время, что она пререкалась с хозяином, песня умолкла, и шаги гулко раздавались в тишине коридора. И что ей делать дальше? Стучать в каждую дверь? Серж говорил, что она слишком умна. Да она глупа, как утка! Теперь маркиза отчетливо понимала, какую дурость затеяла.

Служанка остановилась, постучала в дверь и толкнула ее, пропуская Катрин внутрь.

Серж убрал в сторону дульцимер и устало потер виски. Он глядел на звезды в окне крошечной комнаты, служившей ему пристанищем в эту ночь. Глядел и ни о чем не думал. О чем ему было думать? Ему, еще в это утро имевшему жену, любовь, счастье, будущее. И раньше наступления полудня потерявшему и жену, и любовь, и счастье, и будущее. Сердце его неспешно толкало кровь по венам, а сам он будто замер, ничего не чувствуя, ничего не зная, ни во что не веря. Если он был сосудом, то сосуд опустел.

Себя почти не помнил. Нет, отчетливо вспоминал, что с ним происходило. Сначала поцелуй короля и его жены. Потом отвратительный скандал и с королем, и с Катрин. Спешное решение немедленно уехать, лишь бы не видеть вновь ее умоляющих глаз. Только не в Конфьян, где им придется изо дня в день жить во лжи. А притворяться Серж Скриб не мог и не хотел. Он помнил, как ему седлали Игниса. Помнил, что, не в силах заставить себя смириться, вновь и вновь бросал взгляд на окна Катрин. И знал, что даже если она выглянет — все равно уедет.

Но самого себя маркиз-трубадур не помнил. Сам он все еще стоял у той проклятой липы и смотрел, как король целует его жену.

Любила ли она его или только говорила, что любит? Отрежь ему руки, чтобы он не смог более перебирать струны дульцимера, а он все равно бы твердил, что ее чувство к нему истинно. Потому что знал цену истине. Но был король, который выбрал Катрин. И было что-то еще, что заставило ее целовать короля. Любить женщину, которая ему не принадлежит, было бы мукой, на какую решился бы лишь сумасшедший. Серж Скриб был сумасшедшим. Но жить с женщиной, которая делит ложе не только с ним, и все-таки ее любить — стало бы истинной пыткой. Сумасшедшие тоже боятся боли.

И вот теперь он глядел в провал неба в окне, не помня себя, помня только Катрин. И не знал, как ему быть без ее губ, рук, плеч, волос, глаз... Быть может, Господь сжалится над ним, и этот поход, который затеял герцог Бургундский, станет последним, что ему суждено увидеть. Тем будет лучше. Поскольку в действительности Сержа Скриба, маркиза де Конфьяна более не существовало.

К настоящему его вернул звук открываемой двери. Серж устало посмотрел в глубину комнаты, наполненной тенями. А потом перевел взгляд туда, где показалось дрожащее пламя свечи в руке служанки.

— Прошу вас, мессир, — услышал он грудной ее голос.

И в комнату вошел невысокий мужчина, с ног до головы укутанный в плащ и с надвинутым на глаза капюшоном. Он замер посреди комнаты. Служанка всучила ему в руки свечу и проговорила:

— Там в углу тюфяк имеется, уж простите, что осталось. Коли еще чего будет нужно, я внизу.

С этими словами она удалилась прочь. А постоялец так и стоял посреди комнаты. Лица

его Серж не видел.

— Тюфяк не советую, — тихо проговорил маркиз, — у них и на постели-то полно клопов.

— И стоило ехать в такую даль за клопами?

Серж дернулся и тут же заставил себя принять прежнее положение. На мгновение ему показалось, что голос юноши, а это, несомненно, был юноша, похож на голос его супруги. Но, видимо, лишь показалось.

— Боюсь, меня впереди ожидают не только клопы, — спокойно ответил он. — А за каким чертом вы оказались здесь, месье?

— Потому что одному олуху не сиделось дома.

Нет, ему не показалось. Серж все-таки вскочил на ноги. Этот голос... Он и в самом деле сошел с ума. Теперь она будет мерещиться ему повсюду?

— Вам холодно, месье? — хрипло выдавил он. — Отчего вы не снимите вашего плаща?

«Вашего чертового, *matrem tuam*, плаща!»

— Да, мне холодно. Мне всегда холодно без вас, маркиз.

Это была Катрин. Это, черт подери, была его Катрин! Но он все еще не верил собственным ушам, надеясь, что воображение сыграло с ним злую шутку.

Фигура, укутанная в плащ, подошла еще ближе. Протянула руку к его руке и резко одернула.

Он нетерпеливо, одним движением скинул капюшон, скрывавший лицо его соседа.

Перед ним была Катрин. Катрин. В мужском платье, с остриженными волосами, но Катрин.

— *Matrem tuam*, — теперь уже вслух произнес маркиз де Конфьян. — Что ж, на тюфяке спать вам не придется. Потому, кроме клопов, никакие твари вам не грозят.

Он поклонился и решительно направился к двери.

Ну, уж нет! Не для того она потратила столько времени и сил, добираясь сюда, чтобы позволить ему уйти.

— Серж, подождите, — Катрин двинулась за ним. — Я понимаю, что вы не желаете меня видеть. Но ради этого вам не стоит ездить в ваш поход, в котором вы можете погибнуть. Вернитесь домой, и я обещаю, что больше никогда не попадусь вам на глаза.

Он снова замер. На сей раз, держась за ручку двери. Медленно повернулся к ней и внимательно осмотрел ее.

— Для того, чтобы сказать это, вам не нужно было стричь ваши волосы, мадам. Боюсь, без них вы не понравитесь не то, что королю, но и любому другому мужчине, включая палачей, мясников и... и трубадуров, мадам.

— Вы прекрасно знаете, что путешествие в женском платье было бы для меня невозможно. И для меня не имеет ровно никакого значения, понравлюсь я кому-либо или нет. Если и вам я больше не нравлюсь, это внушает надежду, что вы передумаете уезжать из-за женщины, которая вам безразлична. Нет ничего удивительного, что ваша любовь угасла. Мужчина не может до бесконечности восторгаться завоеванным трофеем. Или вы всего лишь придумали ваши чувства ко мне, как очередную канцону.

— Канцону? — выдохнул маркиз де Конфьян, ошалело глядя на свою стриженую жену.

— Канцону, — повторила Катрин. — Возвращайтесь и продолжайте сочинять дальше. А я вас больше не потревожу, — она помолчала, раздумывая еще над чем-то, и все же решилась добавить. — Закон не позволит мне развестись с вами. Но это можете сделать вы. Причина

для развода у вас имеется. Думаю, королева Мари поможет вам с этим. Но позвольте мне лишь самую малость — знать, что вы живы и в порядке.

— В порядке? Черта с два я в порядке! — воскликнул Серж и вылетел из комнаты, хлопнув дверью.

Но не успела Катрин понять, что произошло, как его длинная фигура вновь появилась в дверном проеме.

— Спать будете в постели. Меня устроит тюфяк, кишачий тварями. На рассвете я уеду. А вы вернетесь в Конфьян, к нашему сыну.

«К нашему сыну. К нашему!»

Маркиза, побоявшись спугнуть то, что ей почудилось в этих его словах, молча кивнула и сильнее закуталась в плащ.

Он снова посмотрел на ее голову, поморщился при виде рыжих обкромсанных прядей и покинул комнату, толком не понимая, что теперь делать. Думать о том, зачем она примчалась сюда, было выше его сил. Он стоял на улице, вдыхал морозный воздух, хмурился оттого, что звезды спрятались под толщей туч, и небо стало совсем темным. Проведал Игниса на конюшне.

— Я придумал чувства, как очередную канцону! — заявил он коню и зло рассмеялся.

А спустя час, вернувшись в комнату, нашел жену спящей на тюфяке.

22 декабря 2015 года, Париж

Невозможно до бесконечности сидеть, запершись в комнате.

Невозможно до бесконечности жалеть себя.

Невозможно до бесконечности прятаться от всего мира и лелеять собственное горе.

Так думала Мари де Наве (пока еще де Наве), держась за ручку двери своей комнаты. Она просидела здесь, среди вышитых матерью подушек, кажется, не менее двух часов. За окном сперва сгустились сумерки, а потом и вовсе потемнело. Света она не включала. Было так просто представлять, что все случившееся — всего лишь дурной сон. Но и обманывать себя до бесконечности — невозможно тоже.

Мари рассердилась и дернула ручку. В гостиной было темно и тихо.

За прошедшие часы, которые Мишель провел, сидя на диване, он так ничего и не придумал. Одна решимость здесь не поможет. Хоть Петрунеля зови на подмогу. Чувство подкатывающей беспомощности злило всегда уверенного в себе короля.

— Где здесь включается твое чертово... электричество? — раздраженно крикнул он в темноту.

— Электричество открыли задолго до меня, да и до тебя, кстати, тоже. Так что оно не мое, — спокойно ответила Мари и щелкнула выключателем. В комнате включился свет, и Мари зажмурилась.

Мишель глянул на жену, стоящую у стены, и странное чувство охватило его. Словно кто-то ласково гладил его по голове, успокаивая и утешая.

— Да какая разница, чье оно, — пробормотал он и поднялся с дивана. — Мари, как хорошо, что ты вышла из своей комнаты.

Избегая его взгляда, Мари торопливо направилась в сторону кухни.

— Разумеется, хорошо. Иначе мы рисковали бы умереть голодной смертью.

— Тебе так не нравилась еда, что готовила Барбара? Соскучилась по своим лепешкам? — попытался пошутить Его Величество, идя вслед за ней.

Мари одарила его далеко не самым добродушным взглядом и процедила сквозь зубы:

— Соскучилась.

С этими словами она открыла холодильник затем, чтобы оценить масштабы катастрофы. Катастрофа была неминуемой — пакет молока месячной давности, половинка засохшего лимона, несколько яиц, давно позеленевший кусок сыра и палитра со старой неиспользованной краской.

Мишель заглянул через плечо Мари в шкаф с остатками продуктов. Особенно его поразила доска с красками, и, удивленно приподняв брови, он сказал:

— А Барбара сегодня обещала кабанье мясо в винном соусе. Тебе же нравилось, — неуверенно добавил он.

— Ты можешь заткнуться или нет? — прошипела Мари, обернувшись, и, обнаружив Мишеля слишком близко, со злостью захлопнула дверцу холодильника. Стараясь не задеть его, она торопливо отошла в сторону и взяла в руки телефон. Ее позабавила мысль о том, что будь ее муж обычным нормальным человеком — отправила бы в супермаркет со списком. Но и здесь непруха!

Мари стала пролистывать контактный лист в телефоне в поисках нужного номера. А

король Трезмонский уселся на странный высокий стул, облокотился на не менее странную узкую и длинную доску, на которой стояли несколько ваз и, подперев голову рукой, стал молча следить за королевой.

— Прости, в пиццерии кабаны закончились. Придется опять давиться пиццей. С беконом будешь или с курицей?

Ответом ей была тишина.

Мари пожалала плечами. И заказала пиццу с морепродуктами.

Потом вернулась на кухню, брезгливо поморщилась от вида немытой с прошлого месяца тарелки в раковине и взялась за губку. Так и не отодрав с керамической поверхности налипшую еще в ноябре овсянку, Мари сердито залила все водой и средством для мытья посуды, которое, кстати, тоже заканчивалось. И с гордо поднятой головой проследовала в свою комнату, где и просидела на кровати, тупо глядя в одну точку, до того момента, пока в дверь не позвонили.

Мишель вспомнил, что после похожего звука, раздавшегося в доме в прошлый раз, Мари ходила открывать дверь и принесла лепешки. Однако сейчас не было слышно, чтобы она покинула свою комнату. Звонок раздался снова, и Его Величество решил открыть сам. Он увидел перед собой молодого человека в черных доспехах и черном шлеме, необычной, впрочем, как и все здесь, формы. В руках он держал квадратную коробку...

— Мари! — крикнул король внутрь квартиры, выслушав парня. — Здесь черный рыцарь требует каких-то евро.

Из комнаты показалась королева. Хмуро сунула в руки «черному рыцарю» несколько банкнот, поблагодарила и закрыла за ним дверь, стараясь не обращать внимания на то, какими глазами посыльный смотрел на весь ее внешний вид, начиная с красного от слез носа, заканчивая средневековым платьем.

Молча она вернулась к кухне и поставила чайник. Молча же раскрыла коробку и вынула кусок пиццы, с тоской вспоминая мясо в винном соусе. Но в ресторан в таком виде не пойдешь, а надеть ей решительно нечего — габариты несколько отличались от тех, в каких она пребывала год назад. Или месяц.... А черт его разберет!

— Вашему Величеству нужно особое приглашение, чтобы приступить к трапезе? — спросила она холодно.

— Я бы не отказался от особого приглашения, — уныло проговорил Мишель, — но я же не дождусь его от тебя, верно? Приятного аппетита, Мари, — сказал он и вернулся на диван.

Она ничего не ответила. Стараясь не заплакать снова, заварила чай. Разлила его по чашкам. Взяла коробку с пиццей и поставила на журнальный столик возле дивана. Находиться с ним в одной квартире было невозможно. И вместе с тем других вариантов совсем-совсем не было. Дом в Бертиньи-Сюр-Орж продан. И потом... обстоятельства ее последнего приезда туда вызвали бы ненужные воспоминания. Впрочем, куда ей деваться от воспоминаний, когда он здесь, на этом диване. И имеет наглость игнорировать ужин!

Говорить с ним было невыносимо. Молчать — еще хуже. Потому она стала бродить по гостиной в поисках пульта от телевизора, параллельно раскладывая вещи, которые были разбросаны со времени ее прежней жизни. Жизни без Мишеля де Наве.

Его Величество по-прежнему молча наблюдал за Мари и завидовал ей. Она может хоть что-то делать, чтобы отвлечься. От него. А он вынужден бездействовать и терять драгоценное время. Его поражало, с каким упрямством супруга не желала ничего слышать и понимать. Но и Мишель всегда отличался немалым упрямством.

— Мари, хочешь, я помогу тебе? — предпринял он очередную попытку.

Пульт нашелся между подушек кресла. Она извлекла его и с удивлением осмотрела. Ей в голову пришла странная мысль. Если бы у нее был кот, он бы сдох от голода, пока она жила в Фенелле. Как же хорошо, что у нее не было кота. Цветов в горшках она не заводила тоже. Она совсем не умела о них заботиться.

— Я хочу, чтобы ты поужинал, — тихо сказала она и включила телевизор, устраиваясь в кресле и стараясь не думать о том, что Мишель теперь всего-то в полуметре от нее.

Он послушно взял кусок лепешки и демонстративно пожевал. С трудом проглотив то совершенно несъедобное, что находилось поверх лепешки, он запил это чаем. В ящике перед диваном замелькали живые картинки, и вдруг Мишель заметил среди них смутно знакомые. Точно! Они смотрели их вместе с Мари. Его Величество живо взглянул на жену.

«В мае делай все, что тебе нравится». Побледневшая, она уставилась в экран телевизора и совсем ничего не слышала. Воспоминания накатили на нее сбивающей с ног волной. Они тогда ходили в кинотеатр... Билеты были только на это... И там она впервые сошла с ума, не понимая толком того, что же произошло. Она помнила, как он взял ее за руку. Как она пальцем провела по его запястью. Как поцеловала его. Его руки, касавшиеся ее волос, будто чего-то волшебного. То, что было потом, она помнила тоже... Как же так вышло, что она полюбила его всего за несколько часов? Как такое могло случиться?

Мари отставила чашку, из которой пила, на столик и медленно встала, придерживая живот.

— Я устала. Спокойной ночи, — проговорила она.

— Спокойной ночи, — эхом повторил Мишель ей вслед.

Собрал все со стола, унес на кухню и, вернувшись на диван, вытянулся на нем, уверенный, что не сможет спать этой ночью.

Шум за окном никак не желал прекращаться. И в оглушительной тишине квартиры он, и в самом деле, походил на рев дракона. Лунный свет, перебиваемый светом тысяч огней в других домах, совсем не проникал в окна. Как была непохожа эта ночь на ту, что он провел в двадцать первом веке всего-то год назад! А были ли они сами хоть немного похожи на тех, теперь уже прошлых?

— Сделки с недостойным Петрунелем никогда и ни для кого хорошо не заканчивались, — послышался из сумрака комнаты знакомый голос.

Кое-что все же оставалось неизменным. Его славноизвестные родственники не оставят его в покое и в этот раз. Первым заявился дядюшка.

— Если бы вы не вмешались, Великий магистр, мне бы не пришлось вновь связываться с Петрунелем, — огрызнулся Мишель.

— Я бы и не вмешался, — спокойно заявил Маглор Форжерон, — коли б она не попросила. Я не хочу быть врагом Мари. А моя прошлогодняя выходка играет не в мою пользу. Если Мари чего-то хочет, лучше ей это дать с наименее разрушительными последствиями. Иначе... хорошего ждать не приходится, дорогой племянник.

Маглор Форжерон вышел из тени, уплетая пиццу, и устроился в кресле возле дивана.

— Кому будет хорошо от того, что она сбежала сюда? Ей? Нашему ребенку? Она обижена, и сама не понимает, что творит. А вы потворствуете ей, — зло выговаривал Его Величество. — И я не мог позволить Мари исчезнуть из моей жизни.

— Откровенно говоря, мне решительно наплевать на тебя и на то, что ты мог или не мог позволить. Ты попробовал. У тебя не получилось сделать ее счастливой. Одним разводом

больше, одним меньше. Алименты платить она тебя не заставит, — хохотнул Великий магистр. — Зато Петрунель ходит с довольным видом. Меня это раздражает. Что ты ему наобещал?

Мишель зло рассмеялся.

— Бросьте! Мари вас тоже ничуть не заботит. Для вас важно лишь то, что ваш драгоценный племянник ходит с довольным видом. Что? Бойтесь, что он превосходит вас силой в ваших пакостных делишках?

— Разумеется, превосхожу! — раздался голос мэтра Петрунеля из кресла с другой стороны. — И дядюшка никак не может смириться с этим.

— Merda! — не сдержался Его Величество. — А не могли бы вы меряться всем, чем вашим душам угодно, не втягивая меня и мою жену в ваши соревнования?

— Позвольте напомнить вам, дорогой братец, что никакой жены у вас более нет. Нечего было с чужими женами целоваться, — засмеялся мэтр.

— Tace atque abi! — пробасил Маглор Форжерон и щелкнул пальцами.

Однако смех Петрунеля стал только громче.

— У меня есть жена! — воскликнул Мишель. — Вы не в силах это изменить, магистр. А чужие жены меня никогда не интересовали. Тем более, сейчас.

— Справедливости ради, дорогой мой Мишель, — мрачно пробубнил Маглор Форжерон, — я ваше трогательное свидание с маркизой тоже имел честь лицезреть.

— Так вот вы и объясните мне, что же именно там произошло, коли вы все знаете! Я был уверен, что это Ее Величество. Каким же образом там оказалась маркиза? — в ярости Мишель переводил взгляд с Великого магистра на Петрунеля.

— Она гуляла по саду. Вы позвали ее. Бросились в объятия друг друга, и уста ваши слились в страстном поцелуе! Это было так романтично! — мечтательным тоном пропел Петрунель.

— Canis matrem tuam subagiget! — заорал Маглор Форжерон и снова щелкнул пальцами.

— Фу, как грубо, — обиженно отозвался мэтр, почесав бородавку на лбу.

— Я и без вас знаю, что видели Мари и маркиз де Конфьян, — отмахнулся король. — Но я видел свою жену! И относительно маркизы Катрин также имею сомнения, что она сознавала, что делает. Я прекрасно помню, как в прошлом году она шарахалась от меня, словно от прокаженного, даже будучи моей невестой. Стоило лишь мне взять ее за руку.

— Нехорошо лгать, сир, — забавлялся Петрунель. — Признайте, вы изменили королеве!

— И не подумаю, потому что этого не было! Не так уж много вы и знаете, как хотите показать.

Мишель тяжело перевел дух. Как же он устал в этом замкнутом круге.

— Если у вас на сегодня все — идите к дьяволу, — мрачно бросил он.

— Как скажете, братец, как скажете. Главное — не забывайте о нашем деле.

Петрунель растворился в воздухе.

Проводив его взглядом, Великий магистр задумчиво посмотрел на короля и сказал:

— А ведь этот рожденный сукой от кобеля ублюдоков прав. Лгать, и в самом деле, нехорошо.

— Vae! Да не лгу я, — Мишель схватил первое, что попало под руку на столе, и запустил в стену. Ярко зеленые осколки разлетелись в разные стороны.

— Зачем же так шуметь? Разбудишь Мари, — нахмурился Маглор Форжерон. — Но если лжешь не ты, то лжет кто-то другой. Доброй ночи, Ваше Величество.

Большой магистр отправил в рот еще один кусок пиццы и исчез вслед за своим племянником.

22 декабря 1186 года, Трезмонский замок

— Да уж... У нас так не шьют... — протянула Вивьен Лиз после ужина, рассматривая себя в оконном отражении — зеркала у Паулюса в комнате не было. А наряд ей определенно нравился. Изумрудный котт из тонкой шерсти застегивался изящной брошью под горлом. Она покружилась влево, вправо. Покрутила в руках обруч и покрывало и отбросила их в сторону.

— Королева у вас коротышка, судя по платью.

— Не назвал бы я ее коротышкой. Но тебе виднее, — подошел к ней Паулюс и счастливо чмокнул в щеку. — А тебе идет... И все-таки здорово, что ты оказалась здесь. Я уж скучать начал. Ты не думай, у нас здесь тоже интересно. Вот только... — он медленно почесал затылок. — Я же здесь монах. И ты... Старая Барбара нас в покое не оставит.

— Тут все просто, — отмахнулась Лиз. — Два варианта. Либо мы ищем дыру во времени и возвращаемся домой. Либо ты перестаешь быть монахом.

— Здесь тоже вроде как... дом.

Он осмотрелся. В квартире Лиз ему нравилось, но здесь, в этой простой комнате, в которой провел несколько лет, он чувствовал себя... хозяином. В то время как там — всего лишь гостем. Но и без Лиз он быть уже не хотел. Снять с себя монашество вряд ли возможно. Тогда остается лишь одно.

— Давай искать дыру, — уверенно заявил Паулюс.

Лиз села на постель и осмотрелась по сторонам. В голове ее энергично зашевелились извилины, и она стала строить версии, где наиболее логично разыскать выход из двенадцатого века. Собственно, если основываться на эмпирическом методе исследований, то вариантов у нее не так много.

— Я точно знаю, — медленно сказала Лиз, — что дыра во времени есть в твоей комнате, хотя в прошлый раз мы ее так и не нашли. И выходит она в мой ресторан. Но зато дыра на кухне ведет в полицейский участок Кюкюньяна!

— Угу, — промычал ей на ухо Паулюс, усевшись рядом и щекоча бока сквозь тонкую шерсть платья. — На кухню лучше не соваться. Барбара нам устроит Ночь всех святых, если мы начнем там что-то искать. А если мы разбудим этого дракона, то умрем с голода.

Лиз многозначительно посмотрела на его пальцы.

— Милый, если ты не прекратишь, то окажется, что я зря надевала это платье. Не буди дракона.

— Твоих дракончиков я не боюсь. Наоборот, я их очень люблю, — бормотал Поль, пытаясь дотянуться до края юбки. Все-таки с обычной одеждой Лиз гораздо проще управляться. — И да, зря ты надевала это платье. Ночь на дворе. Идти некуда, — и бросив возиться с подолом, потянулся к броши.

Лиз облизнула губы и торопливо задергала застежку, касаясь его пальцев.

— Тебе кто-нибудь говорил, что в шмотках монаха ты смотришься очень сексуально? — прошептала она ему на ухо.

— Угу, — промычал Паулюс.

— Кто?

— Ты, — радостно воскликнул монах.

В ответ Лиз пробормотала нечто нечленораздельное и, наконец, справилась с брошкой, освобождая плечи от ткани котта. Но была ведь еще камиза! Да и черт с ней, с камизой!

«Отдам Лиз свою, — подумал Паулюс, — под коттом будет не видно». И со всей силы рванул тонкую ткань.

В этот момент раздался страшный стук в дверь и чей-то громкий плач за ней.

Лиз в ужасе посмотрела на монаха и тихо, почти с надеждой, спросила:

— В сундук?

— В прошлый раз не насиделась? — пробурчал он.

Достав из сундука плащ, протянул его Лиз и, нахмурившись, пошел открывать. Хотя это... дежа вю! переставало ему нравиться.

— Барбара, — жалобно протянул Паулюс, увидев на пороге своей комнаты старую кухарку. А на руках у нее того, кого при нем называли юным маркизом. Маркиз что есть силы кричал, но, едва завидев монаха, замолчал на выдохе, видимо оценивая новое лицо в доме. И несколько раз поморгал — в глазах ребенка не было ни слезинки. А потом снова зашелся криком.

— Кормилица захворала! — пробасила Барбара, перекрикивая ребенка. — Месье Андреас забрал ее к себе, лечить! А мне и приглядеть некогда. Все, что могу, молока ему разогреть. Пусть приучается. Брат Паулюс, будь другом, понянькай эту ночь. К утру Генриетте, уж верно, получше станет.

Паулюс взял на руки вопящий что есть мочи сверток. Он не был уверен в скором выздоровлении кормилицы, коль за ее лечение взялся Андреас. Однако деваться некуда.

— Как хоть зовут-то его? — поднял он глаза на кухарку.

— Маркиз де Конфьян его зовут! — почтительно проговорила Барбара.

— Крестили его как? — сдерживая раздражение, уточнил монах.

— Ах это? Сержем, как старшего маркиза, конечно. Ну ты, брат Паулюс, и странный вернулся из своих дальних стран. Привидение-то твое как? Спит уже?

— Спит! Готовится к возвращению в свое измерение. Ты уж нам завтра завтрак пришли, будь любезна, — Паулюс широко улыбнулся.

Барбара щелкнула брата Паулюса по носу и засмеялась:

— Принесу. К четырем утра. Он как раз проснется. А после поведете юного маркиза на прогулку.

— Ладно, — пробормотал Паулюс, — ступай. Справлюсь с Божьей помощью.

— Так уж и с Божьей? — шутливо проворчала кухарка, пытаясь заглянуть в комнату монаха через его плечо.

— С Божьей, с Божьей, — монах подтолкнул Барбару плечом за порог. И закрыл дверь, толкнув ее ногой.

Сверток продолжал кричать. Паулюс подошел к Лиз и протянул ребенка ей.

— Вот!

— Ну... Круто... — опешив, пробормотала Лиз, — вот и не предохраняйся после этого.

23 декабря 2015 года, Париж

Мари повернула ключ в дверном замке и вошла в квартиру. Было очень тихо. Ужасно, пугающе тихо. Почему-то стало страшно. Вдруг.... Вдруг все? Вдруг он уже вернулся в Фенеллу? Вздрогнула. Сняла пальто и повесила на вешалку. В изнеможении прислонилась к стене, выронив пакет на пол. Просто руки опустились сами.

Когда она уходила, Мишель еще спал. Или делал вид, что спал. С него станется.

Вид у нее был дурацкий. Ничего из прежнего гардероба не подходило, кроме несчастных пижамных штанов и футболки Алекса. Кое-как облачившись в этот кошмар и накинув на плечи пальто, она вызвала такси и отправилась в ближайший торговый центр. Там и переделалась. В нормальную человеческую одежду. Для беременных.

Оттуда отправилась в супермаркет — есть все-таки что-то надо было. Одними страданиями сыт не будешь. И вообще, как говорит Барбара, надо много кушать, чтобы Его Высочество был здоровеньким. Мари грустно улыбнулась собственным мыслям и отлепилась от стены. С трудом наклонилась, чтобы снять сапоги. И, наконец, прошла в комнату, чувствуя, как замирает сердце при мысли о том, что Мишеля там может уже не быть.

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

Он был там. Был. Стоял у огромного, в человеческий рост окна. А услышав ее шаги, обернулся.

— Ты сегодня рано проснулась, — подошел он к ней.

— Разумеется, — холодно ответила Мари и почувствовала вдруг растерянность — она не знала, что делать сейчас возле него, чтобы не расплакаться в очередной раз. — У меня много дел. Очень много дел. Я звонила Кристофу. Оказывается, они не нашли мне замену. Принцессу Легран заменить непросто. Так что я возвращаюсь в агентство.

Нахмурившись, она направилась в сторону кухни, разбирать пакеты. Мишель уже привычно пошел за ней следом.

— Королеву Трезмонскую заменить невозможно. Тебе было скучно в Фенелле? Здесь у тебя дела...

Он задумчиво взял один из пакетов, принесенных Мари, и стал вслед за ней выкладывать содержимое в большой шкаф. Его Величество в сотый раз пытался придумать, как ему попасть в Монсальваж. И в сотый раз он приходил к тому, что без жены ему не справиться.

— Здесь у меня жизнь, — коротко ответила Мари, стараясь не смотреть на него. — Понимаешь?

— Понимаю, — Мишель продолжал выкладывать продукты из пакета, которым не было конца. — Ты хочешь сказать, что весь прошедший год ты не жила?

Он отбросил в сторону пакет, громыхнувший чем-то внутри, и развернул Мари лицом к себе, чтобы видеть ее глаза.

— Я хочу сказать, что, оказывается, я придумала себе ту жизнь, — зло ответила она. — И незачем так шуметь! Подними пакет.

— Придумала? Значит, придумала? Прекрасно! — он отпустил ее. — В таком случае, ты придумала и меня, и нашего ребенка.

И ушел из кухни, вновь расположившись на диване. К черту! В Монсальваж! В конце концов, здесь все говорят по-французски. Надо лишь спросить.

— Подними этот чертов пакет! — донеслось до него.

Его Величество вздохнул, поднялся, вернулся в кухню, поднял пакет и поставил его на стол. Мари вынула из него коробку с круассанами и бутылку молока. Все это придвинула к Мишелю и коротко сказала:

— Пока кофе сварится, хоть этим перекуси. Так когда, говоришь, ты вернешься в Трезмон?

Он взглянул на нее уставшими глазами. Происходящее не укладывалось в его голове. Она считала придуманным прошедший год, в то время как он считал его самым счастливым. Она упорно пыталась его накормить, в то время как он даже смотреть на еду не желал. Она упорно желала знать, как скоро сможет от него избавиться...

— Тебе недолго придется меня терпеть... — негромко бросил он.

— Сколько? — отозвалась она так, будто это было самым главным вопросом на свете.

— Хочешь, я уйду прямо сейчас? — Мишель вновь пристально посмотрел на свою жену. Но ведь и это она считает выдумкой.

— Мы через все это уже проходили, Мишель. Если ты не угодишь под машину, то случится что-то еще. Сиди здесь, пока Петрунель, или с кем ты там на этот раз заключил сделку, не перенесет тебя обратно.

— А если мне придется сидеть здесь целый год? — спросил он, по-прежнему не отводя взгляда.

— Мне все равно. Все кончено, Мишель. Я думаю, чтобы это понять, года тебе не потребуется.

— Даже если я пойму, я не смирюсь с этим. Потому что все совсем не так, как ты думаешь. И однажды ты обязательно узнаешь...

— Черт бы тебя побрал! — не выдержала Мари, чувствуя, что голос начинает дрожать. — Я ничего не хочу знать! Я ничего не хочу видеть! Я устала от этого разговора! Я устала от тебя!

— Значит, мне лучше уйти, — направился в коридор Его Величество.

— Тебе не надоело? — крикнула Мари ему в спину.

В ответ на ее слова негромко хлопнула дверь.

— Идиот! — буркнула сквозь зубы Мари и привычно уже поплелась на балкон.

Выйдя из дома, Мишель медленно пошел по мостовой. Но, несмотря на свои твердые намерения, размышлял он не о Санграле, а о том, что будет, если ему придется вернуться в Фенеллу без Мари. У него есть королевство, обязанности, честь. Но, черт возьми, все это переставало иметь хоть какое-то значение без Ее Величества.

— Вы такси вызывали? — услышал он вдруг. — Месье, я спрашиваю, вы такси вызывали?

— Я никого не вызывал на по... — Мишель осекся. — Нет, месье, я никого не вызывал, — быстро добавил он.

— Уже пятнадцать минут стою. Никто не идет.

Мишель пожал плечами. Он сделал прочь пару шагов и вдруг вернулся обратно к повозке и спросил у ее хозяина:

— Месье, вы не подскажете, как я могу добраться в Монсальваж?

— Куда? — удивленным голосом отозвался тот.

— В Монсальваж, — терпеливо повторил Его Величество.

— Мне будет спокойнее, если из моей квартиры ты отправишься напрямиком в Фенеллу, — сказала за его спиной Мари. Она сердито дергала полы пальто, но те разлетались от ветра, а она никак не могла с ними сладить. — И в какой еще Монсальваж ты собрался?

— Их разве много? — Мишель удивленно взглянул на жену.

— Я не знаю ни одного, — тихо ответила она. — Мишель... Пойдем завтракать... Ну сколько можно уже?

— Я не хочу завтракать. А ты, кажется, не хотела меня видеть. Зачем ты спустилась? Возвращайся домой. Холодно, заболеешь.

— Прекрасно. Ты вообще без куртки. Болеть будем вместе.

Он удивлено взглянул на Мари. Как все глупо выходит. Если даже она ничего не знает про Монсальваж, то на его поиски он лишь зря потратит время. Не лучше ли провести оставшиеся дни рядом со своей сердитой супругой?

— Идем к тебе, — согласился Мишель.

23 декабря 1186 года, королевство Трезмон, «Ржавая подкова»

Умирает ли любовь?

Серж Скриб открыл глаза и уперся взглядом в крошечный провал окна с серым куском неба за ним. Почему-то откуда-то изнутри шел этот вопрос, бьющийся птицей вместе с сердцем о грудную клетку. Умирает ли любовь? Верит ли он сам в то, что смерть любви возможна?

Он почти не спал в эту ночь, прислушиваясь к чуть слышному дыханию, доносившемуся с тюфяка, и задремав лишь перед рассветом.

А потом проснулся от этого вопроса да от стога, источника которого он найти не мог.

Может быть, так стонет его любовь, умирая?

Серж взгляделся в небо. И никак не мог понять — светает за окном или это утро такое. В комнате царил полумрак и невозможный холод, идущий, видимо, из щелей. Он прокрадывался под одежду, доставая до самой души.

«Мне всегда холодно без вас, маркиз».

Серж резко встал на постели. На улице бесновалась метель. Это она стонала. Это она не давала забыть. Это она задавала вопросы раз за разом, терзая его: умирает ли любовь?

Маркиз де Конфьян быстро посмотрел в угол, где на тюфяке спала его жена. И почувствовал, как в нем свой яд начинает проливать горечь. Он медленно спустил свои ноги с постели и подошел к ней. Катрин лежала, закрыв глаза, и была такой безмятежной и такой прекрасной... С коротко стриженными волосами лицо ее казалось совсем юным, мальчишески угловатым, но вместе с тем совершенным. Эта белая кожа... Эти голубоватые жилки у висков... Этот изгиб золотистых бровей...

Из груди его вырвался глухой... то ли стон, то ли рык... И, слившись со стоном метели за окном, он задавал все тот же вопрос, остававшийся без ответа: умирает ли любовь?

Серж взял со своей постели одеяло, вернулся к Катрин и осторожно накрыл ее. Было холодно. Всего лишь зима.

Словно кто-то дохнул ей в лицо, и что-то тяжелое опустилось ей на плечи. От этого Катрин проснулась. Улыбнулась, открыла глаза и вспомнила. Все вспомнила. Улыбка сошла с ее лица.

— Доброе утро, мессир, — негромко сказала она, заметив Сержа, и, поевживаясь, села на тюфяке.

Он не уехал, как говорил. Ночью она боялась, что он не вернется. Хотела обязательно дождаться, но усталость сморила ее. И утро не принесло отдыха, а заставило терзаться вопросами, остающимися без ответов. Почему он не уехал? Есть ли в этом хоть капля надежды, что он передумает? Что может заставить его остаться?

Письмо! Уже у ворот, когда она уезжала, мальчишка передал ей письмо от брата Паулюса для маркиза. Достав из-за пазухи свиток, она протянула его Сержу.

— Брат Паулюс передал вам. Он снова в Фенелле. Я захватила письмо с собой, подумала, что вы захотите узнать новости от старого друга.

Глядя на свою чуть только проснувшуюся и такую взволнованную, немного суетящуюся супругу, маркиз де Конфьян и сам почувствовал себя взволнованным. Нечто тревожное и такое хрупкое крошечным узелком связывало его самого в еще больший узел.

— Как? Этот прохвост вернулся? — спросил он, нахмурившись от собственных мыслей. Ничего тревожного и, уж тем более, хрупкого он не хотел.

Серж потянулся, чтобы взять из ладони Катрин письмо и, невольно коснувшись ее пальцев, быстро отдернул руку со свитком.

— Вы видели его?

— Нет, не довелось.

От маркизы не укрылся этот его жест, будто он боялся, что ее прикосновение ядовито. Где-то внутри защемило, и она почувствовала, как к глазам подступают слезы. Но рыданий в его присутствии она не допустит. Она после оплачет его потерянную любовь.

Серж отошел к окну, разворачивая письмо. В комнате царил полумрак, и лишь у окошка можно было поймать хоть немного света. Все, что угодно, лишь бы держаться сейчас подальше от Катрин.

Наконец он сумел взглянуться в исписанные ровными, без лишних завитков, но вполне разборчивые строки. Однако в самой сути написанного сам черт мог сломить ногу!

«Друг мой, Скриб! — писал достойный всякого уважения монах. — Одно из моих сокровенных желаний — свидеться с тобой. Закатали бы мы с тобой знатную пирушку, как в старые добрые времена. А я бы поведал тебе о своих приключениях, поверить в которые в здравом уме невозможно. И если бы все это не произошло со мной лично, я бы думал, что случившееся — лишь причудливый сон. Но после пары-тройки бочонков хорошего Шабли и не в такое поверишь!

Однако, помня о твоём приглашении в Конфьян, я обязательно постараюсь навестить тебя в самое ближайшее время. Конечно же, прихватив вина. Эх, как же я мечтаю о тех ожидаемых мною днях, когда смогу угостить тебя вином со своего виноградника.

Но сейчас не об этом. В прошлый раз я совсем забыл тебе сообщить, что мадам Катрин ожидает ребенка. Твоего! Я помню, какой ты поборник тайны исповеди, но мне показалось, что, несмотря ни на что, ты должен об этом знать. Имеет ли это значение теперь, коли была свадьба, и каждый получил то, о чем мечтал, решать тебе.

А ты, оказывается, ужасно скрытен. От лучшего друга утаил, что имеешь еще одного сына. Хотя и убеждал меня, что увлечен лишь герцогиней, сам времени зря не терял. Впрочем, оно и верно. Раз уж твоя Катрин все одно предпочитает короля...»

— Он пьян был совсем, когда это писал? — буркнул Серж себе под нос. Однако его немало задело то, что даже Паулюс, неизвестно где слонявшийся целый год, оказывается, знал о том, что Катрин и король стали любовниками. От этой мысли Серж рассердился еще сильнее. Рванул края бумаги и бросил обрывки под ноги.

— Собирайтесь, мадам! Мы немедленно едем. Каждый в свою сторону, — холодно объявил Серж и покинул комнату — следовало проверить коней.

Едва он вышел, маркиза вскочила и подобрала с пола клочок письма. Что такого мог написать глупый монах?

«...ужасно скрытен. От лучшего друга утаил, что имеешь еще одного сына. Хотя ты убеждал меня, что увлечен лишь герцогиней, сам времени зря не терял. Впрочем...» — выхватили ее глаза несколько строчек, и маркиза брезгливо отбросила от себя бумагу, словно то была скользкая жаба, покрытая бородавками.

Она обессилено опустилась снова на тюфяк и отвернулась к окну, за которым ничего не было видно из-за вьюги. Какой она была глупой, поверив трубадуру. Он лишь посмеялся над ней. Эта мысль заставила Катрин горько усмехнуться.

Да, они поедут каждый в свою сторону. Маркиз де Конфьян должен вернуться в маркизат. Для этого у него теперь есть веская причина. Ей же следует вернуться за сыном. За своим сыном.

Покуда маркиза изучала чужую корреспонденцию, маркиз успел сделать несколько самых неприятных открытий. Первым из которых было то, что метель была куда более сильной, чем он ожидал. Все вокруг замело снегом, да и мести не переставало. Потому ни о каком отъезде в ближайшие несколько часов и речи идти не могло.

Вторым открытием стало то, что Игнис, которого он проводывал только накануне вечером, с трудом дышал и фыркал так, что было очевидно — простудился. Отдав хозяину нужные распоряжения и вернувшись назад, в дом, он сделал третье неприятное открытие. Как оказалось, свободных комнат, и правда, более не было. Потому никакой возможности избавиться от Катрин хотя бы на ближайшие несколько часов не имелось.

— Отъезд отменяется, мадам, — заявил он, едва толкнул дверь комнаты, которую ему теперь суждено было делить с собственной женой.

— Почему отменяется? — надменно спросила маркиза. — Мне необходимо немедленно уехать. Да и вы, кажется, торопились.

Он скрестил на груди руки и коротко усмехнулся — ее тону и тому, как не сочетается этот тон с по-мальчишески остриженными волосами.

— Выгляните в окно, и сами все поймете.

— Неужели ничего нельзя придумать?

Она смотрела на его скривившиеся губы, и сердце ее сжималось от боли. Он снова смеется над ней.

— Если вы так торопитесь в объятия Его Величества, то можете рискнуть. Быть может они отогреют и ваш труп, коли вы околаете.

— Не вам меня упрекать! — презрительно бросила маркиза. — Я тороплюсь к Сержу. Я заберу его и уеду к старшему брату в Брабант, — она направилась к двери. — Вам бы тоже не мешало поторопиться. Заняться своим другим сыном. И, вероятно, его матерью.

Серж удивленно посмотрел на Катрин.

— Каким еще с... — понимание отразилось в его глазах, и он замолчал. Злая улыбка искривила его губы, но уста не проронили ни слова. Он медленно приблизился к супруге и всмотрелся в ее зеленые глаза хищной кошки. О, как он любил эти изумительные глаза! Как верил в силу, заключенную в этом взгляде!

— Не советую вам Брабант, мадам, — тихо сказал он, но голос в тишине прозвучал зловеще. — Там сырой климат. И довольно далеко от двора. Ваш венценосный любовник, я полагаю, не особо будет рад столь дальнему вашему пребыванию. Что до Сержа, то его место в Конфьяне.

— С чего бы вам переживать о том, что я собираюсь в Брабант? У вас теперь много других причин для переживаний, — упрямо проговорила она, не замечая его угрожающего тона. — А своего сына я вам не оставлю. Не хватало еще, чтобы им занималась чужая женщина.

Он склонился к ней так низко, что почувствовал ее дыхание на своем лице. И медленно проговорил:

— А вы попробуйте, мадам, заберите его.

Не отводя взгляда от его лица и не отстраняясь от него ни на шаг, маркиза лишь чуть сузила глаза и прошипела:

— Серж — мой! И если вы не отдадите мне его, я всем объявлю, что не вы его отец!

Он только приподнял бровь и выдохнул в самые ее губы:

— Сапа!

А потом резко отстранился и быстро вышел, хлопнув дверью. Уже в темноте узкого коридора он устало привалился к стене и, что есть силы, ударил по ней кулаком. Умирает ли любовь? Нет. Она просто сжигает до самого черного пепла все живое, что есть в человеке.

23 декабря 2015 года, Париж

Она чувствовала на себе его взгляд постоянно. Она не знала, куда ей деться от этого взгляда. Он следил за ней. Или не следил. Она не знала. Знала только, что это то же самое, что пытаться бежать от себя. Она двигалась от стола на кухне к столу в гостиной. Наполняла чашки кофе. Тарелки бутербродами. Зачем-то залила молоком кукурузные хлопья, хотя не собиралась их есть. Все, что угодно, лишь бы не чувствовать этого взгляда. Или хотя бы чтобы он не знал, что она его чувствует.

Наконец, делать стало нечего. Нужно было идти туда, к нему. И ей было страшно.

Этот порыв, когда она, не дойдя до балкона, рванула в коридор, сорвала с вешалки пальто и помчалась на улицу... Мари сама до конца не понимала, что заставило ее хлопнуть дверью, судорожно вызывать лифт, мчаться по улице... за ним... Кажется, она всегда бежала за ним. С того окаянного утра, когда он переходил дорогу на красный цвет, и она перепугалась до смерти, чтобы он не попал под колеса. Тогда началось... А потом она бросилась за ним в двенадцатый век. Супер! Если любовь — это ходить, будто на привязи, то на кой черт такая любовь?

Эта мысль заставила ее мимолетно улыбнуться. Она глотнула кофе. Поморщилась. Оказывается, отвыкла. Год прошел...

Год с ним.

Мари искоса посмотрела на мужа.

— Завтрак подан, Ваше Величество, — буркнула она и предприняла еще одну попытку порадоваться возможности выпить кофе. Радость так и не приходила.

— Мари, я не хочу есть, — устало сказал он. — А оттого, что ты меня накормишь, я не окажусь в Фенелле.

— А если ты там окажешься голодным, маркиз де Конфьян очень просто завершит начатое. Как твой нос?

— Не думаю, что маркиз торчит в Фенелле в ожидании меня. А ко дню нашего поединка... — он не договорил. Все будет зависеть от того, вернется ли он домой с Мари или без нее.

— О! Так уже и день назначен. Жаль, я не узнаю, кто из вас победил, — зло хохотнула она и все-таки придвинула к себе тарелку с хлопьями. Они показались ей совсем безвкусными.

— Я так понимаю, ты на стороне маркиза? Не мудрено! Вы прекрасно провели праздничный ужин. Еще бы! Он — тонкий ценитель изящного, в отличие от меня, — не сдержавшись, выпалил Мишель.

— Что? — выдохнула Мари. — Ну, знаешь ли! Это... Это уже ни в какие рамки...

Он промолчал, понимая, что зашел далеко. Его обвинения были, по здравом размышлении, так же нелепы, как и обвинения Мари в отношении маркизы. В его глазах. Но она-то видела другое.

— Дьявол! — король вскочил и начал ходить по квартире.

Мари бросила ложку на стол и устало посмотрела на него. Эти два дня превратились в тотальный, плохоуправляемый дурдом. Дышалось тяжело. То ли от разбитого сердца, то ли малыш диафрагму придавил.

«А ведь мне рожать в январе...» — как-то уныло и отстраненно подумала она.

— Объясни, чего ты добиваешься? — попросила она и потеряла виски.

Мишель резко остановился и посмотрел на нее.

— Я хочу, чтобы ты меня простила. Я хочу, чтобы ты вернулась со мной домой. Потому что я люблю тебя и нашего малыша, — проговорил он медленно, словно клятву в церкви.

— Конечно! Из любви ко мне ты целовал эту рыжую стерву! Из любви ко мне позволил распространиться слухам о вашем романе! Из любви ко мне допустил, что теперь каждый вправе тыкать мне в спину и жалеть несчастную психически нездоровую королеву, чью спальню ты оставил ради маркизы! Все это из любви ко мне и к нашему ребенку!

Он близко подошел к ней и заглянул прямо в глаза. Они всегда поражали его своей синевой. Но сейчас они поразили его болью, которая ясно читалась в них.

— Мари! А ты чего хочешь? Чтобы мы больше не приглашали Конфьянов? Хорошо. Чтобы я запретил людям говорить? Ладно, я объявлю запрет. Что еще?

Его! Она хотела его и только его! Все остальное давно уже не имело никакого значения по сравнению с тем, что он добровольно от нее отказался. Но все же Мари упрямо мотнула головой, не представляя, как высказать все, что болело в ней столько мучительных дней.

— У меня лишь одно желание, — отчеканила она. — Отправить тебя в Трезмон! Как можно скорее!

Сумасшедшая мысль мелькнула в его голове.

— Тогда помоги мне, — спокойно сказал он Мари. — Мне нужно попасть в Монсальваж.

— Куда?

— В Мон-саль-важ, — повторил Мишель.

— Господи, где это? — устало спросила Мари. — Какое отношение имеет эта поездка к Трезмону?

— Чем скорее я найду Монсальваж, тем скорее окажусь снова в Трезмоне.

— Угу, я так и подумала, — Мари медленно отхлебнула из чашки кофе. И при этом начала испытывать смутное беспокойство. Все и всегда у Мишеля было сопряжено с какими-то сложностями. В прошлый раз он согласился умереть из-за своей влюбленности и волшебного ожерелья. — И какой очередной средневековый артефакт ты должен там раздобыть для мэтра Петрунеля?

— С чего ты взяла? — удивленно спросил Мишель.

— А есть другие варианты?

— Я путешествовать люблю, — буркнул Его Величество, — ты тоже не против. Верно?

— Что-то я не припомню, чтобы за прошедший год мы хоть раз куда-то выезжали, путешественник, — усмехнулась Ее Величество и отправила в рот очередную ложку хлопьев. — Хорошо, как скажешь. Я поищу, как добраться в этот твой Монсальваж, если ты сядешь и поешь. Насколько я помню, ты и не ужинал.

Черт его знает, ужинал он или не ужинал. Как ее может беспокоить такая ерунда, когда рушится вся жизнь? Он хмуро сел за стол и начал сосредоточенно жевать круассан.

Мари удовлетворенно улыбнулась и отправилась в свою комнату. Вернувшись оттуда с ноутбуком, она устроилась на диване и, надеясь на всемогущий гугл, который по-прежнему должен был знать все (вряд ли что-то поменялось за время ее отсутствия), вбила запрос о Монсальваже. Откровенно говоря, название это она слышала впервые. Гугл, в отличие от нее, с этим словом был знаком. Но в несколько ином контексте, чем она ожидала.

— Ты точно собираешься в Монсальваж? — несколько... обалдевая, уточнила Мари.

— Я точно собираюсь в Монсальваж! И чем скорее, тем лучше. Да и тебя это устроит.

Он устал повторять одно и то же всем вокруг. Жене, Великому магистру, даже, порой, прислуге. Складывалось впечатление, что если его спросят в тысячный раз, то он может передумать...

— Но его не существует...

— Как? — недоуменно спросил Мишель.

— Обыкновенно. Его не существует, — ответила она и стала читать вслух: — Монсальваж — замок Святого Грааля. В самом раннем тексте о Граале, романе Кретьена де Труа «Персеваль, или Повесть о Граале» (конец XII века), этот замок вообще не имеет названия. В романе «Ланселот-Грааль» (начало XIII века) замок получает название Корбеник, кельтского происхождения (предположительно, от валлийского «горная крепость»). В «Смерти Артура» Мэлори это название передается как Карбонек или даже Корбин. Одновременно с «Ланселот-Граалем» написан «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха, в котором замок назван Монсальваж. Гора спасения, — она перевела взгляд на Мишеля. — Его не существует. Это легенда. Сказка.

Его Величество задумался. При всей пакостности Петрунеля не может быть, чтобы он отправил его сюда без собственной выгоды. Значит, Санграль найти возможно. И Монсальваж должен существовать.

— А может... какая-нибудь Гора спасения? — неуверенно спросил он у Мари.

Мари отложила в сторону лэптоп и, внимательно глядя на Мишеля, спросила:

— Что ты ему пообещал? Святой Грааль достать? Ну, так вот это тоже всего лишь легенда.

— Грааль? Нет. А что это такое?

— Чаша с кровью Спасителя, — Мари махнула рукой. — Санграль.

— Ну, хорошо, — кивнул Мишель. — Легенда, сказка. Сказка о чаше и горе... Чепуха, конечно. Но гора такая где-то есть?

— Есть. Но если ты не скажешь, на кой черт она тебе нужна, я тоже ничего не скажу! — буркнула Мари и сердито поджала губы.

Его Величество удивленно посмотрел на супругу.

— Что значит, на кой черт? Чтобы вернуться домой. Это мы уже с тобой обсудили. Ты мне поможешь, а я больше не стану тебе докучать.

Мари скрестила руки на груди. Те благополучно улеглись на внушительный живот.

— И? Это не объясняет, на кой черт тебе Монсальваж. Там что, дверь в тронный зал Трезмонского замка?

— Может быть... Мари, какая тебе разница, что там. Мне туда надо. Все!

Ему надо? Ему надо! Мари вскочила на ноги, чувствуя, что еще немного, и она расплачется. Опять. Впервые за этот год у него появился секрет от нее. Роман с маркизой не в счет. Или в счет?

— Разумеется, ты имеешь полное право распоряжаться собственной жизнью, — звенящим голосом заявила Мари. — Но если ты считаешь меня совсем душой... то я даже не берусь анализировать прошедший год! Тебе нужно от меня название? Хорошо. Монсегюр. Если тебе это о чем-то скажет.

— Ни о чем не скажет, — резко ответил Мишель. — Мне нужно не название. Мне нужно туда попасть. Это далеко?

И в этот момент королева Мари охнула и осела на диванчик. Его Высочество весьма ощутимо пнулось ножкой, при этом не озаботившись тем, что королеве это может быть несколько неприятно.

Мишель кинулся к ней.

— Мари! Что?

— Он почти так же сердит, как и я. Не обращай внимания. Ответь мне только... Просто ответь... В этом опять замешан твой волшебный кузен?

— Да, мой волшебный кузен замешан, — устало сказал Мишель, усаживаясь рядом с Мари. — Теперь ты, наконец, расскажешь мне, как я смогу добраться в этот чертов Монсегюр?

— Я поеду с тобой!

— Я поеду один! — твердо заявил Его Величество. — Ты останешься в Париже.

23 декабря 1186 года, Трезмонский замок

Она лежала на морском песке, и теплые волны нежно касались ног. Закатное солнце освещало кожу, превращая ее в золото. И эти лучи тоже были нежными и удивительно теплыми. Приоткрыв один глаз, она наблюдала за пловцом в воде. Он то нырял, то выныривал. То ложился на спину, то раскидывал руки.

«Суйэйдзюцу, — подумала Лиз, восхищенно глядя на него, — только лука со стрелами не хватает».

И вот он стал на ноги и приблизился к ней, отбрасывая со лба мокрые волосы. Теперь она думала совсем не о луке. Думала о каплях воды на теле... своего собственного античного бога.

— У меня песок в плавках! — объявила Лиз, когда он устроился рядом.

— Тебе помочь избавиться от него? — улыбнулся античный бог.

Она хотела что-то ответить, но тут рядом с ними на песке улеглась Барбара в своем синем котте и пробасила:

— Срам-то какой!

Лиз подскочила, проснувшись в один момент.

— Срам-то какой! — верещала старая кухарка, нависая над постелью, на которой вповалку спали уснувшие лишь на рассвете Лиз и Поль. Младенец лежал на животе Поля и с любопытством рассматривал его нос. Сна в его глазах не было вовсе, будто это не он орал столько часов напролет.

Паулюс в ужасе размежил тяжелые веки, которые прикрыл лишь минуту назад. В этом он был уверен. Рядом басила старая Барбара, под боком примостилась перепуганная Лиз, а прямо ему в лицо смотрели широко распахнутые серые глаза ребенка. Прошедшая ночь вместе с этим сущим дьяволенком ставила под сомнение радость святого брата от возвращения домой.

— Где срам? — ошалело переспросил монах у кухарки.

— Да в постели твоей! — ткнув указательным пальцем в нос Лиз, воскликнула Барбара. — Ты почему ей на сундуке не постелил?

— Так она привидение, — отмахнулся Паулюс. — Легла на сундуке, а проснулась тут. Через час, может, улетит в другое измерение. Ты молоко принесла?

— Ты мне зубы не заговаривай, брат Паулюс, — отмахнулась Барбара, — молоко перегрела, стынет. Завтрак для вас готов. А привидение свое давай, отправляй подальше от Трезмона — введет она тебя во искушение, ой введет!

— Никуда я его не введу! — обиженно взвизгнула Лиз. — Лучше заберите вашего монстра, а то он меня введет во грех!

— Какой еще грех? — охнула Барбара, хватаясь за сердце.

— Детоубийства!

— Барбара, сама подумай, что ты говоришь! Она — привидение. Как она может меня куда-то ввести?

Он сел на постели и переместил Сержа-младшего подальше от рассерженной Лиз. Все-таки наследник лучшего друга.

— Как там кормилица себя чувствует?

— Бредит. Месье Андреас говорит, просит позвать к ней монаха, чтобы исповедаться, — отмахнулась старуха. — Как там наш маленький маркиз?

Барбара ловко подхватила Его Светлость на руки и пощекотала шейку. Маркиз хрюкнул и заулыбался, демонстрируя беззубый рот.

— Дьявол ее побери, — пробормотал Паулюс и кивнул на младенца. — И что мне теперь с ним делать? Я из-за него всю ночь глаз не сомкнул. И привидение тоже... Барбара, а может, ты с ним сегодня понянчишься? Я слышал, король с королевой-то куда-то уехали. У тебя работы меньше. А у меня есть бочонок прекрасного вина. Ты такого еще даже не пробовала, — и монах многозначительно подмигнул старухе.

— Э нет! Если вино есть, принесешь к праздничному столу — завтра Сочельник. А на мне подготовка к Рождеству. Некогда мне, брат Паулюс.

Она торжественно сунула Его Светлость в руки брата Паулюса и добавила:

— Я вам испекла прекрасный омлет и утиный паштет свежий приберегла. С корочкой, самой вкусной во всем королевстве! И если эта дуреха Полин не сожгла хлеб, то можете прямо сейчас идти на кухню.

Пришлось смириться с неизбежным. Юный разбойник вновь оставался с Паулюсом и Лиз. И если бы он хотя бы часик поспал!

— Я приду, заберу завтрак в свою комнату, — крикнул он вслед уходящей кухарке.

А потом уныло глянул на Лиз.

23 декабря 1186 года, королевство Трезмон, «Ржавая подкова»

Харчевня при постоялом дворе «Ржавая подкова» была местом довольно примечательным в приграничной жизни Трезмона. Если где и можно было услышать какие-то вести из дальних мест да самые свежие сплетни, так это здесь. И именно отсюда они распространялись по всему королевству и далеко за его пределы. А все потому, что это был едва ли не единственный постоялый двор для благородных рыцарей на всю округу — все прочие пристанища для путников можно было найти лишь при монастырях, а там ни в кости сыграть в веселой компании, ни вина испить для лучшего настроения, ни с дамой уединиться в своей комнате было, как известно, невозможно. Того и гляди — прогонят. В лучшем случае. А в худшем — тот же час от церкви отлучат. И пусть далеко не все благородные рыцари были такими уж поборниками христианской морали, а попасть в немилость ко Всевышнему все-таки боязно.

Из-за метели, бушевавшей всю ночь по королевству, что, уж верно, было явно недобрым знаменем, как, крестясь, говорил хозяин «Ржавой подковы», рыцари, оказавшиеся взаперти, долго по комнатам своим сидеть не могли. Требовала выхода рыцарская их доблесть, а бурные души их жаждали удовольствий и приятного общества. Потому, едва только рассвело, как в харчевне стали собираться благородные мужи, желавшие пропустить кружечку вина с медом да послушать, чего говорят странники из разных городов.

В центре же внимания был трубадур Скриб, слава которого шла далеко за пределы королевства, но о котором мало что было известно в действительности, кроме того, что он сбежал год назад с какой-то герцогиней.

Звуки струн его дульцимера услаждали не слишком взыскательные уши благородного рыцарства, а песенка, что он распевал между глотками чудесного гипокраса, несомненно, лучшего во всем приграничье, заставляла ноги пускаться в пляс.

Пусть вдарят барабаны  
 Всем лютням вопреки.  
 Опустошим карманы -  
 Избавим от тоски  
 Глупцов, что бьются на смерть  
 За взгляд прекрасных дам.  
 Глаза их могут разве  
 Быть славы слаще нам?  
 Отправимся в дорогу,  
 Забудем-ка печаль.  
 Маркизы-недотроги  
 Глядеть не станут вдаль,  
 Нас провожая взглядом,  
 Слезинки не прольют.  
 Любовь их хуже яда.  
 Их души не поют.  
 Изменщица, скажи-ка,  
 Какая в том беда,

Влюблен в тебя владыка,  
Какая ерунда!  
Супруг в поход убрался,  
Знай, пой да веселись.  
Болваном оказался.  
На кой бедняге жизнь?  
Смертельной нету раны,  
Чем рана от любви.  
Пусть вдарят барабаны  
Всем лютям вопреки!  
Во-пре-ки!

Вопреки ожиданиям маркизы де Конфьян, вьюга за окном не только не утихала, а разыгрывалась все сильнее. Застывшим взглядом смотрела Катрин, как снег кружит за окном. И ей казалось, что он укрывает не двор придорожной гостиницы, а ее саму. И ей вовсе не было холодно. Мертвым не бывает холодно. Дышать, смотреть и говорить — не значит быть живым.

Маркиза смахнула одинокую слезу, скатившуюся по щеке. Бездействие утомляло, но кое-что она могла сделать даже здесь, будучи запертой в этой проклятой гостинице. Она прекрасно понимала, что раздражала Сержа, оказавшись в одной с ним комнате. Уже и одного того, что она отправилась следом за ним, было бы довольно. И это ничуть не способствовало тому, чтобы она смогла уговорить его отказаться от похода и вернуться в маркизат.

Что ж, Катрин знала, как избавиться его от себя!

Спустившись вниз, она не могла не услышать царившего в харчевне гомона. Певца, горланящего песенки, она узнала сразу же. Рыцари воодушевленно и не в такт подпевали ему. Несмотря на невероятный шум, маркизе все же удалось переговорить с хозяином. Тот долго возмущенно сопротивлялся, убеждая Катрин, что ничего сделать невозможно. Но она умела быть настойчивой. Наконец, после долгой беседы, во время которой ей стало известно немало новых слов, маркиза получила от владельца постоянного двора согласие, а служанка — распоряжение. И, не удержавшись, Катрин заглянула в харчевню, где царило буйное веселье. Некоторые рыцари плясали с местными девицами, некоторые, вероятно, устав после тяжелых ратных трудов, спали прямо на лавках, уронив головы на столы. Маркиза остановилась неподалеку от входа и безмятежно смотрела на трубадура, развлекавшего публику. Она прекрасно расслышала каждое слово его новой песенки, которая ее ничуть не тронула. Мертвым не бывает больно.

Когда пальцы Скриба извлекли из струн его любимого дульцимера последнюю ноту, Катрин подошла к мужу и спокойно сказала:

— Ваша Светлость, кажется, мой храп сегодня ночью не давал вам покоя. Прошу прощения за доставленное вам неудобство, свершившееся не по злому умыслу. И чтобы мое присутствие вас больше не потревожило, кто знает, сколько еще часов продлится метель, я перехожу в другую комнату. Надеюсь, что мой новый сосед будет менее взыскательным, а вы сможете провести добрую ночь.

Перешептывания чуть притихли, едва благородные господа услышали, что и музыкант-то тоже оказался благородным. Причем, судя по обращению отрока, титулованным.

Меж тем, титулованный музыкант отложил в сторону свой дульцимер и встал в полный

рост, оказавшись гораздо выше отрока и глядя на того сверху вниз.

— Месье, — странно угрожающим тоном проговорил трубадур, — идемте-ка потолкуем!

И, схватив юношу за локоть, потащил его из харчевни.

— Нам не о чем с вами толковать, Ваша Светлость, — огрызнулась Катрин, пытаясь вырвать свою руку из его пальцев. — Мы уже все сказали друг другу.

— Черта с два! — рявкнул Его Светлость и, ловко схватив ее за шиворот, выволок в коридор. Прочь от внимательных взглядов и охочих до чужих разговоров ушей.

Только там он, наконец, расцепил пальцы и отпустил Катрин.

— Ну? И что это значит, позвольте узнать? — спросил Серж, нависая над ней.

— Что это может значить, кроме того, что я сказала? Один рыцарь предпочел тюфяк жесткому топчану. Мы с ним поменялись, — вздохнув, разъяснила маркиза, поправляя свой костюм.

— Стало быть, вы предпочитаете жесткий топчан тюфяку? Отчего же прошлой ночью, когда я велел вам занять постель, вы устроились среди мокриц и гусениц? К слову, спали вы среди них безмятежно, и я не слышал ровно никакого храпа.

Катрин опустила голову. Почему ему так нравится мучить ее?

— Какая вам разница, где спит лгунья, над которой вы посмеялись? — спросила она у своих башмаков.

— Такая, что эта лгунья, волею неба, моя супруга и мать моего сына. А потому позорить имя наследника рода де Конфьян вам не дозволено!

— У вас есть другой наследник. И его мать, которая, смею думать, не лжет. Развод со мной позволит вам разом разрешить все затруднения: избавиться от лгуньи и воздать по заслугам достойной даме и вашему отпрыску.

Серж только усмехнулся и скрестил на груди руки.

— Как вы добры, мадам, к моему сыну. Я всенепременно обдумаю ваш совет. Быть может, вы так же подскажете мне причину, которая позволит нашему разводу свершиться?

Катрин вскинула на маркиза удивленные глаза. Открыла рот, намереваясь что-то сказать, и снова сомкнула губы.

— Не более получаса назад вы на всю харчевню объявили меня изменщицей, — спустя бесконечно долгое время проговорила она. — Вам этого мало?

Откинув голову, он шумно рассмеялся. Однако смех этот был злым, почти яростным. Такого смеха у него не было никогда. Так, будто бы он смеется в последний раз. А потом захлебнулся и резко, оперев руки о стену, склонившись над ней так, что между ними не осталось расстояния, чувствуя, как ее тонкое тело касается его, он выдохнул:

— Да, мне мало! Мне мало, черт вас подери! Вы решили делить комнату с мужчиной, даже имя которого вам неизвестно? И это после милостей короля?

Словно замороженная, не слыша ни звука, Катрин следила за губами мужа. Они изгибались для смеха, кривились в злой усмешке, двигались, изливая на нее беззвучные слова. А когда они остановились, Катрин позволила себе на миг забыться, представив, что все случившееся было лишь ночным видением. Стоит лишь проснуться, и все станет как прежде. Она прикрыла глаза и прижалась к губам Сержа, живым и теплым, своим мертвым ртом.

Это длилось одно мгновение. Мгновение, стоившее целой жизни. Мгновение, за которое он успел родиться и успел умереть. Что это было? Приветствие? Прощание? Если

приветствие — то отчего он испытывал такую жгучую боль. Если прощание — то откуда это счастье, переполнявшее душу. Но мгновение это подошло к концу, едва память его пронзил образ этих же самых губ, прижимающихся к чужим губам. С рыком, вырвавшимся из груди, Серж отстранился. И понял вдруг, что с этим поцелуем он отдал ей свою душу. Души у него больше не было. И никогда уже не будет. И покоя не будет тоже.

Безумным яростным взглядом он смотрел в ее изумрудные глаза, сиявшие во мраке, стусившемся вокруг них.

— Я приказываю вам вернуться в мою комнату. Слышите? Приказываю!

— Я не вернусь в вашу комнату, Ваша Светлость, — бесстрастно ответила Катрин. — Я не вернусь в ваш маркизат. Отныне мне нет места там, где вы.

Руки его обессиленно свесились вдоль тела. Он отступил от нее на шаг. И этот шаг превратился в тысячи лье, разделявшие их. Катрин, в который уж раз, потянулась к его ладони и вновь одернула руку. Ее собственный муж больше не принадлежал ей. Он больше в ней не нуждался. Даже поцелуи ей приходится воровать, как когда-то.

Дрожащими руками, от чего движением вышло неловким, она накинула на голову капюшон и, ничего не замечая вокруг, побрела по коридору прочь. А маркиз, привалившись к стене, пустым взглядом смотрел ей вслед. Все кончено. Любовь умирает? Неужели любовь умирает?

23 декабря 2015 года, Париж

— И вообще! — бушевала Ее Величество королева Мари посреди собственной кухни, сжимая в руках тарелку. — Зачем ты притащил меня в свой Трезмон? А? Если не любил! Если у тебя была невеста! Если у вас с ней так ничего и не закончилось! Зачем? Поиграл и выбросил? И нужен тебе от меня только наследник, да? Так вот это мой ребенок! Я подам на развод и нашу дочь не отдам! А сыновей пусть тебе твоя маркиза Катрин рожает!

И для большего эффекта она подкрепила свои слова тем, что с громким стуком поставила тарелку на стол. И на той немедленно появилась трещина.

Почему-то именно эта трещина отделила благоразумие и сдержанность короля Трезмонского от гнева, захватившего его всего целиком — от мыслей до поступков. Он схватил треснувшую тарелку и запустил в ближайшую стену. Под шорох рассыпающихся осколков он заорал:

— С маркизой Катрин у нас ничего не начиналось. Потому не могло не закончиться! Мой отец хотел объединить наши земли. Это все. А я ни с кем не играл и никого не выбрасывал! Да! Мне нужен наш ребенок! И мне нужна ты! Что здесь непонятного? За каким чертом я бы снова решил оказаться в твоём проклятом времени, если бы не ты?

— Тогда я помогу тебе вернуться в твое! Непроклятое! И мы оба забудем обо всем произошедшем как о страшном сне! Будто ничего и не было!

— Ты вернешься со мной!

— О нет, дорогой! Я останусь в своём времени, проклятом, где ни один человек не слышал про королевство Трезмон, и где меня сочли бы сумасшедшей, если бы я рассказала обо всем случившемся! Судьба у меня такая, казаться помешанной!

— Никто тебя не считает помешанной! Ты слушаешь всякую чепуху, которую говорит тебе Барбара! Нет, я ее точно выгоню!

— Не смей выгонять Барбару! Иначе вы все в вашем королевстве умрете с голоду! Кухарка не виновата в том, что тебе со мной плохо!

— Барбара виновата в том, что тебе со мной плохо! А кухарку одолжу у маркизы де Конфьян!

— Да мне никогда не было плохо с тобой, болван! Это не я целовалась с маркизой!

— Я не знаю, не зна-ю, почему там оказалась маркиза, — выкрикнул Мишель и замолчал, тяжело дыша.

Мари молча взяла еще одну тарелку и со всего размаху разбила ее о стол.

И в этот момент в замке повернулся ключ. Дверь открылась, и на пороге показался... Алекс Романи.

Он озадаченно посмотрел на присутствующих в комнате, будто страшно удивлен их видеть. И бодро сказал:

— Привет, Принцесса. Ты что, вернулась?

— Вернулась! — хмуро рявкнула Мари и потянулась за следующей тарелкой.

— Не вернулась, — прорычал Мишель и отобрал у нее посуду. Кивнув в сторону незваного гостя, спросил: — Это еще кто?

— Мой бывший. Ты его, кстати, видел уже. И собирался вызвать на поединок.

— И что он здесь делает сейчас? Пришел выразить согласие принять вызов? — Мишель

мрачно посмотрел на Алекса.

— Ты зачем приперся? — хмуро спросила Мари у притихшего режиссера.

— Я у тебя... органайзер забыл... ну и так, по мелочам. У меня... ключи остались...

Слушай, ты что? Беременная?

Алекс изумленно оглядывал ее фигуру.

— Что он у тебя забыл? — сдвинув брови, спросил Его Величество у жены.

— Он же сказал! Органайзер! Ты глухой?

— Мари, когда ты успела? — продолжал лопотать Алекс. — Месяц назад ничего же не было? Не было же?

— Я не глухой! Я прекрасно слышу! Так чего не было месяц назад?! Что вообще все это значит? — снова сорвался на крик Мишель.

Мари закатила глаза и сердито заявила:

— Сегодня двадцать третье декабря две тысячи пятнадцатого года. В последний раз он видел меня меньше месяца назад. Согласись, с тех пор я несколько изменилась.

— Мари... — Алекс решил подойти поближе. — Мари, скажи честно. Я — отец?

Ответом ему послужил удар в челюсть.

— Мишель! — воскликнула Мари, бросившись к Алексу. — Ты с ума сошел!

Между тем, «пострадавший», держась зашибленную скулу, изумленно смотрел на обоих:

— Да что здесь вообще происходит?! — взгляд его вернулся к Мари. — Ты из-за этого исчезла, да? Ты не хотела мне ничего говорить? Да? Все из-за Вивьен Лиз?

— Так из-за чего ты исчезла, Мари? — спросил Мишель. — Мне тоже будет интересно послушать.

Мари задохнулась от возмущения. Окажись в ее руках тарелка, она бы не разбила ее, а запустила в Мишеля. Но тарелки не было. Вместо этого она отдернула руку от Алекса, шагнула к своему... мужу. И, замахнувшись, вlepила ему пощечину.

Мишель потер щеку, глядя Мари прямо в глаза.

— Он может забрать свои вещи и уйти отсюда как можно скорее? — спросил он, недвусмысленно подразумевая Алекса.

Мари покосилась на своего бывшего.

— Он может? — протянула она.

— Нам нужно поговорить! — возмутился тот.

— Вам не нужно говорить! — руки Мишеля снова сжались в кулаки.

Не отрывая взгляда от лица своего мужа, Мари проговорила:

— Алекс, пожалуйста, забери то, зачем пришел, и уходи. Мы обязательно поговорим. На работе. Я возвращаюсь после Рождества.

— Рождество мы будем встречать дома. Втроем, — негромко проговорил Его Величество.

— Не будем! — огрызнулась Мари. — Как ты, вообще, себе это представляешь после... после... Как?

— Будем! — он приблизился к ней и крепко взял за руку. — И я хорошо представляю, как... Барбара, которую я ради тебя оставляю в замке, приготовит ужин. Я обещаю тебе его съесть. А ты позволишь мне исправить то, что случилось.

— Мари, а кто это вообще такой? — поинтересовался Алекс. — И какого хрена он в моих брюках?

Его Величество с большим сожалением отпустил руку жены и подошел к Романи.

— Желаете поединок, мессир? — спросил он холодно.

— Чего? — приподнял бровь «мессир».

— Прости, Мари, — буркнул Мишель, и челюсть Алекса снова пострадала от тяжелого королевского кулака.

Второй удар «уронил» режиссера на пол.

— Мишель, прекрати! — воскликнула Ее Величество. — Алекс, уйди, пожалуйста, мы поговорим позже! Я все верну тебе в офисе!

Де Наве обернулся к жене, слегка пожал плечами и отошел от поднимающегося Алекса.

По дороге к двери Романи продолжал что-то бубнить про ребенка, про то, что Лиз была ошибкой, и что им обязательно надо поговорить. А когда Мари, захлопнув за ним дверь, вернулась в комнату, она сердито заявила своему мужу:

— Какой ты рыцарь? Ты дикарь!

— Я твой муж. И этого уже не изменишь.

— Считай, что мы развелись!

Мари села на диван и, схватив лэптоп, отгородилась им от него. И от всего мира заодно.

Мишель сердито глянул на нее и, расположившись на другом краю дивана, включил телевизор, вспомнив, как вчера это сделала Мари. Что показывали в этом чертовом ящике, он не понимал. Он продолжал поглядывать на жену и сердиться.

Они не знали, сколько просидели вот так. То ли несколько минут, то ли несколько часов. Они ужасно злились друг на друга. И вместе с тем... это был один из тех вечеров, когда они были вместе. Все равно, как если бы она устроилась у него на коленях — сердитая, недовольная... А он мирился бы с ней, целуя ее.

Такого никогда не было в их жизни. И вместе с тем было что-то удивительно знакомое в этом вечере.

Она думала об этом. Гнала от себя эти мысли. И была совершенно уверена в главном — он ее любил. И она его любила. Как просто.

Ее голова склонилась, пока подбородок не упал на грудь. И королева Мари уснула. С мыслью об упрямом своем муже.

В который раз глянув на нее, Мишель заметил, что глаза ее закрыты, а дыхание ровное и тихое. Он тихонько подошел к ней и, взяв на руки, отнес в спальню. Уложив на кровать, сел на пол рядом и стал поглаживать по голове.

— Мари, — заговорил он, разглядывая ее безмятежное во сне лицо. — Мари, я люблю тебя. Жизнь моя без тебя станет пустой. Мне так жаль, что ты несчастна, что я не оправдал твоих ожиданий, что ты захотела убежать от меня. Мари, Мари...

Мишель нежно коснулся ее губ и, кинув под голову подушку с кресла, устроился на ночь на полу.

А она никак не могла понять, приснились ей его слова, или он, и правда, произнес их.

23 декабря 1186 года, Трезмонский замок

— Почему ты не спишь? Откуда только в тебе столько живости, маленький дьявол! — бубнил Паулюс, шагая по своей комнате и пытаясь укачать юного маркиза. С большими усилиями святому брату чуть раньше удалось напоить ребенка молоком. И даже после этого маленький Серж отказывался спать. Он по-прежнему смотрел на монаха во все глаза, иногда строя ему гримасы, разгадать которые Паулюсу не удавалось. Но младенец хотя бы не хныкал.

Самому святому брату после бессонной ночи и неудачного во всех отношениях утра, кусок в горло не пошел, несмотря на ароматы, исходившие от омлета и паштета. Все, о чем он сейчас мечтал — выпить пару-тройку кружек вина и выспаться. Без сновидений и в тишине.

— Лииз, — протянул Поль, подойдя к окну. Там выла вьюга, заметая весь белый свет. Но юный маркиз умел перекричать даже вьюгу. — Не сможем мы прогуляться. И я не смогу показать тебе свой виноградник, — монах разочарованно вздохнул. — Вдруг бы он, и правда, после прогулки заснул. А теперь придется терпеть его и дальше. И откуда только силы берет?

Лиз высунула голову из-под одеяла и хмуро посмотрела на Сержа. Ни одному человеку на земле еще не доводилось довести мадемуазель де Савинье до того, чтобы от проблемы она сбежала под одеяло. Сыну трубадура — удалось! Но едва она увидела Поля, таскающего по комнате этого монстра, умиленная улыбка расплзлась по ее лицу.

— А нельзя оставить его кому-нибудь еще? — спросила она с надеждой.

— Мне хочется избавиться от него не меньше, чем тебе, — проворчал Паулюс. — Но кому ж его оставишь? Барбара занята, кормилица больна, Полин, наверное, новенькая. А Андреасу нельзя доверить даже ящерицу. Он и ее уморит! — монах снова взглянул на ребенка. — Вот если бы знать, где сам Скриб или мамаша этого изверга...

— Ясное дело где, — обреченно вздохнула Лиз, спустив босые ноги с топчана, — трубадур по герцогине страдает, а мать этой сволочи мозг ему выносит. Интересно, какая дура на него клюнула! Я бы посмотрела на эту женщину!

— Да я бы тоже не отказался посмотреть. И откуда только она взялась? Вроде бы в деревне Скриб ни с кем не водился... — Паулюс сел на топчан рядом с Лиз, примостил младенца на коленях и задумчиво почесал затылок. — Хотя, герцогиня, вроде, и не дура, а вон до чего у них с трубадуром-то дошло!

— У вас здесь всегда так все сложно?

— Да по-разному бывает, — пожал плечами Паулюс.

Словно в подтверждение его слов юный Серж что-то важно агукнул.

— А тебя вообще не спрашивали, — ткнула Лиз пальцем в малолетнего маркиза и вдруг подняла глаза на Паулюса, — я знаю, как нам избавиться от него!

— Как? — живо отозвался святой брат. Юный маркиз, не издавая ни звука, немигающим взглядом тоже уставился на Лиз.

— Надо найти дыру во времени! — объявила Лиз де Савинье и вдруг подумала, что в последнее время не отличается оригинальностью идей — все повторяется. Но она поспешила запихнуть эту мысль обратно, туда, откуда она появилась — в глубины своего

подсознания. — Начать предлагаю с кухни. Портал открыт явно там!

— Кто открыт? — переспросил Паулюс.

— Неважно! — отмахнулась Лиз. — Надо перешерстить кухню! Потому что обедать сегодня я намерена дома, в Париже.

— Шерсти на кухне точно нет! Барбара, хоть и сердитая, но за чистотой смотрит, — сказал монах, снова начав качать захныкавшего ребенка.

— Шеф-поваром к себе в ресторан я ее все равно не возьму, она меня достала уже. Бери ребенка, пошли на кухню! — Лиз решительно встала, надела башмаки, что были ей сильно велики, и вдруг попросила:

— Закрой ему уши, пожалуйста.

Паулюс удивился, но выполнил просьбу Лиз, приложив ладони к ушам Сержа.

— Как показывает мой опыт пребывания в двенадцатом веке, — прошептала Лиз, склонившись к лицу Паулюса, — с сексом здесь совсем все туго. Это еще один аргумент в пользу возвращения домой. А теперь закрой ему глаза.

Паулюс послушно отвел ладони от ушей ребенка и прикрыл ему глаза.

Лиз наклонилась еще ниже, чтобы доставать до его губ. Провела языком по ним. И только обхватила его шею, чтобы углубить поцелуй, как раздался очередной вопль малолетнего полудурка.

Монах в отчаянии помянул всех святых и тоже вскочил на ноги.

— Идем! — решительно произнес он, сорвал быстрый поцелуй с губ Лиз и уверенными шагами пошел из комнаты, продолжая покачивать ребенка и втайне надеясь, что он, наконец, устанет и заснет.

Межвременье — 23 декабря 2015 года, Париж

— Проходи, король, проходи, нынче у нас прекрасное вино — вино, испив которого, никогда не забудешь вкуса. Имя у вина чудесное. Волшебное. Мы с Белинусом зовем его Любовью. Проходи, король, проходи.

Голос болтал без умолку. Голос старца, сидевшего в углу комнаты с низким потолком, и выбивающего что-то на камне.

— Садись, король. Сейчас придет твой отец. И тогда потолкуем хорошенько.

Король приглядывался к говорившему.

— Отец? Почему отец?

И повинувшись силе, которой было подвластно многое, стал ждать...

— А кого хотел бы ты видеть? — отозвался старец и убрал в сторону свой молот.

— Что это будет? — спросил, подходя, король.

— Ему темно. Он просил сделать лампу. Темно ему, король. Засветишь, когда будет готово?

— Post tenebras lux. Кто выбрал меня?

— Тебя выбрало время. Оно, всемогущее.

Старец посмотрел на короля, и в чертах его отразилось вдруг что-то смутно знакомое.

— Мой сын повелевал двенадцатью рыцарями. И стал королем. Только я совсем позабыл его имя. Ты не помнишь?

— Ты говоришь загадками, старик, — нахмурившись, сказал король. Он не доверял образам, играющим с ним.

Тот коротко хохотнул и показал ему серый гладкий камень, над которым работал. Камень был нетронут. Большой, овальный и гладкий, он тихонько мерцал в руках старца.

— Нравится лампа?

— Нравится, — не отводя глаз, восхищенно проговорил король.

— Ну, так забирай! Я же не представляю, что с ним делать. Пусть мой сын уже, наконец, вернется домой. Не нравится ему царствовать.

Король взял в руки протянутый стариком камень, и тот в одно мгновение разгорелся ослепительным светом.

— Мишель! Мишель! Ты с ума сошел? Ты почему на полу спишь?

Он рывком сел, недоуменно посмотрел на свою ладонь, словно желал в ней что-то найти.

— Не сердись, — проговорил Мишель негромко. — Мне хотелось быть рядом с тобой. Хотя бы еще одну ночь. Не гони меня.

— Не гнать тебя? — прошипела она. — Не гнать? Скажи, я хоть раз тебя прогоняла, тогда как ты!..

Она не договорила и сердито отвернулась.

— Что я? — надменно переспросил Мишель. Ночные образы, приходя не ко времени, делали его раздражительным.

— Уверен, что хочешь это слышать?

— Уверен, что тебе хочется сказать!

— Да! — выпалила Мари, снова обернувшись к нему. Глаза ее в темноте по-кошачьи

поблескивали, а рот некрасиво искривился. — Да, мне хочется сказать! Ты игнорировал меня... месяцами! Ты меня не хотел! Ты фактически меня бросил, отговариваясь всякой ерундой! Я, дура, развесила уши и слушала тебя, а на самом деле ты... тебя...

Не в силах продолжать она замолчала, продолжая испепелять его взглядом.

— Что именно ты называешь «ерундой»? — поинтересовался Мишель, любясь ее возмущенным лицом.

— Те сказки, которые ты рассказывал... почему нам нельзя! Ты думаешь, после того, что я видела в саду, я поверю, что у тебя никого не было? Мог бы прямо сказать, что моя беременность... что тебе... Что тебе неприятна мысль о сексе с беременной женщиной

— При чем здесь мои мысли! — вконец рассердился Мишель. — Это запрещают лекари. И церковь... После всего, что случилось с матушкой, зная отца... Мари, я не могу допустить. Как ты не понимаешь?!

— А как ты не понимаешь! Что у меня есть и мысли, и желания! И что я не больная, слышишь! Не больная! Я просто жду ребенка!

— Он уже скоро родится. Давай лишь подождем.

— Подождем? Хорошо! Давай подождем! Давай подождем, пока ты окажешься в постели своей бывшей или кого-нибудь еще! Только ты ждать будешь в Фенелле, а я здесь! В конце концов, мать-одиночка в наши дни не приговор! И я больше никогда не буду выпрашивать секс у мужчины. Здесь с этим проблем нет!

— Вот сейчас ерунду говоришь ты! — сообщил король. — Ты придумала себе то, чего нет. И веришь в это, совсем не желая меня слушать.

— Разумеется, придумала! Я же сумасшедшая! Поцелуй в саду я тоже придумала! И твою холодность я придумала! Но знаешь что? Не может мужчина обходиться столько времени без женщины, если он ее действительно хочет! Значит ты — не хочешь! Потому что шарахаешься от меня, как от прокаженной!

— Я тебя люблю! И потому буду ждать, сколько потребуется, чтобы и с тобой, и с нашим сыном все было в порядке!

— С дочкой!

— С нашим ребенком!

Мари некоторое время смотрела прямо в его глаза, будто бы что-то отчаянно в них искала и никак не могла найти. Потом судорожно выдохнула и отползла по постели на другой ее край, подальше от мужа. И сухо произнесла:

— Ты как будто каменный. И это ты меня не хочешь слышать — не я тебя. Впрочем, у камней и ушей-то нет.

— Ничего я не каменный, — выдохнул он ей в самое ухо горячим шепотом. От этого шепота Мари вздрогнула и повернула к нему лицо.

— Тогда неужели ты не видишь, — не менее горячо зашептала она, — что я разве что кошкой не кричу?

— Не всегда следует доверять собственным глазам.

— Знаешь что! Это не я тебе изменяла! Иначе моя проблема давно была бы решена!

— Я тебе не изменял, — устало в тысячный раз проговорил Мишель.

— Возможно. Но ты ее хотел!

— Нет! — взревел он. — Как мне тебе доказать?

— Не смей на меня кричать! — взвизгнула Мари. — И возвращайся на свой диван! Утром поговорим, когда успокоишься!

— Нет, я буду спать здесь!

— Тогда уйду я!

Она резво, насколько позволяло ее положение, вскочила с постели и направилась к выходу из комнаты.

— И ты никуда не пойдешь! — распорядился Мишель. Он вскочил следом за ней, подхватил на руки и вернул обратно в кровать. — Будем спать вместе.

Она забарахталась, вырываясь, и возмущенно воскликнула:

— Ты не имеешь права!

— Еще как имею!

— Я с тобой разведусь! — выкрикнула Мари и ударила кулачками по его плечам. — И уеду в Южную Америку!

— Такого королевства не существует, — возразил Мишель, терпеливо снося ее побои.

— Вот и прекрасно! Значит, там ты меня не найдешь!

— Найду. Я найду тебя где угодно.

— Ненавижу тебя!

— А я тебя люблю.

— Ну и пожалуйста, — выдохнула она отчаянно. — Пожалуйста, оставайся. С тобой спать — все равно что одной!

— Ах так! — возмутился Мишель и впился в ее губы горячим, страстным поцелуем.

Мари застыла от неожиданности, позволяя ему прикоснуться к себе, но это длилось лишь мгновение. Она вновь забарахталась, пытаясь выбраться из кокона его рук и рассерженно замычала. Но он лишь крепче прижимал ее к себе, не отпуская ни ее губы, ни тело. Она заколотила ладонями по его спине и попробовала увернуться, чувствуя, как кровь прихлынула к вискам и разозлившись от этого еще больше. А потом сделала то, чего от самой себя не ожидала. Она втянула носом воздух и тут же решительно выдохнула его ему в рот, понимая, что начинает смеяться.

Мишель в ответ тоже весело фыркнул и вернулся к прерванному поцелую.

— Ты невозможный... — успела возмутиться она.

Он лишь кивнул. А после, когда они засыпали, он зарылся носом ей в волосы и шепнул:

— Я невозможный...

23 декабря 1186 года, королевство Трезмон, «Ржавая подкова»

Только у двери комнаты Сержа, которую разделила с ним в прошедшую ночь, маркиза очнулась. Резко развернулась и пошла в другую часть коридора, где было ее новое пристанище. Если бы не метель...

Катрин замерла на миг и толкнула дверь. Нерешительно осмотревшись, облегченно вздохнула. Комната была пуста. Она опустилась на топчан и, откинувшись на стену, прикрыла глаза.

Разбудил ее лишь несколько часов спустя грубый голос у самого лица.

— А ну кыш с топчана, fellator! — пробасил голос, и чужое дыхание обдало ее винными парами.

Маркиза вздрогнула. Прямо перед собой она увидела блестящие белки чужих глаз и свечу, которой возмущающийся рыцарь светил ей прямо в лицо. Маркиза попыталась отшатнуться. Но она и без того опиралась на стену.

— За этот топчан мной уплачено хозяину, — проговорила Катрин, вцепившись до боли руками в необструганные доски.

— А я говорю кыш! — рявкнул не слишком трезвый рыцарь, схватив ее за капюшон и стаскивая с топчана.

Поморщившись от заноз, которые оказались в ладонях, Катрин воскликнула:

— Чем вас кровать не устраивает? Зачем вам топчан?

— Затем, что ты, citosacius, места своего не знаешь. А всяк должен знать свое место! — пьяным голосом объявил рыцарь и, наконец, сдернул Катрин на пол.

Спорить было бессмысленно.

— Да, мессир, — пробормотала она и отошла подальше от буйного постояльца.

Рыцарь, видимо, не особо удовлетворился ее послушанием и, усевшись на топчан, выставил вперед ногу.

— А теперь помоги мне разуться!

— Сами разувайтесь, — пробормотала маркиза, перемещаясь от нетрезвого соседа поближе к двери.

Рыцарь изумленно окинул ее взглядом, будто заинтересовался забавным насекомым, и, улыбнувшись уморительно снисходительной улыбкой, сказал:

— Ааааа... Да ты, поди, попросту не знаешь, кто я!

— Не знаю, мессир.

Рыцарь поднялся с топчана и попытался принять величественную позу.

— И чего ждать от этого Трезмона, когда здесь эдак встречают фрейхерра Кайзерлинга, наивернейшего из подданных Фридриха Гогенштауфена из Вестфалии! — объявил он и рухнул назад, доски под ним скрипнули, а из груди его вырвался протяжный звук отрыжки.

Катрин поморщилась и попыталась вжаться в стену. Теперь она уж не знала, что хуже, быть в одной комнате с Сержем или с этим... фрейхерром.

— Ваша слава раскинулась широко за пределы Вестфалии, мессир, — набравшись смелости, произнесла растерянная маркиза.

— А если так, то разувай меня! — удовлетворившись, потребовал Кайзерлинг.

— Это слишком большая честь для меня, мессир. Я не достоин ее, — Катрин сделала

еще один шаг к двери.

В одно мгновение пьяный до неменяемого состояния рыцарь оказался возле нее и рывкнул прямо в лицо, снова обдав винными парами:

— Я сказал, разувай! А после принесешь мне еще вина да бабенку приведешь. Только смотри, я на кости не бросаюсь. Мне поздоровее!

Катрин становилось не по себе. Но чертова дверь, которая была для нее единственным спасением, словно исчезла среди камней комнатных стен.

— Может, я сначала вам вина принесу, рыцарь Кайзерлинг? — спросила она, посылая небу одновременно молитвы и проклятия.

Рыцарь замер, внимательно вглядываясь сквозь сумрак комнаты в лицо соседа. Мутный его взгляд стал каким-то масляным, почти нежным, как топленое молоко. Он протянул руку и коснулся ее шеи грубой лапицей с обломанными ногтями. Мизинца на руке не наблюдалось.

— А ты, не иначе, от родителей удрал да в Святую землю собрался?

Маркиза отшатнулась.

— Нет, — отчаянно стараясь не расплакаться, сказала она, — я здесь... с родственником.

— Так я тебе и поверил, — загоготал фрейхерр Кайзерлинг, — спишь-то ты здесь, а не с родственником. Пожалуй, обойдемся мы и без бабенки пока. Что может быть лучше доброй мужской компании, верно, юнец? Без мужской компании совсем бы я пропал в походе против Ломбардской лиги! С тех пор, так сказать, имею слабость.

— Так свободных мест не было. Метель, мессир. А родственник мой в соседней комнате живет.

— Ну и славно. Не станем мы мешать родственнику! — радостно заверил Кайзерлинг, стаскивая с Катрин плащ.

И тут совершенно растерянная маркиза нащупала, наконец, дверь. Она толкнула ее, та, к счастью, оказалась не запертой, и Катрин выскользнула в коридор. Не раздумывая, она помчалась в единственное место, где могла чувствовать себя в безопасности — к Сержу.

Оставалось несколько шагов, лишь повернуть за угол...

... что хуже, терпеть приставания фрейхерра или увидеть Сержа в объятиях гостиничной девки?

И все-таки она пережила и то, и другое в этот вечер. Придерживая за локоть одну из служанок, прислуживавших в гостинице, Серж направлялся в свою комнату. И намерения его были очевидны, стоило взглянуть на эту грязную девку, которая ни на что не годилась, кроме как служить подстилкой не слишком прихотливым господам.

Катрин метнулась обратно и замерла, боясь шелохнуться, пока не услышала, как затворилась дверь, и со скрипом опустился засов.

Это стало последней каплей. Маркиза, не задумываясь о том, что плащ ее остался в комнате Кайзерлинга, бросилась на конюшню. Там она велела немедленно оседлать Фабиуса. И вскоре затерялась в метели.

Межвременье, купона «Веселая Нинетт»

Вино было чудесным. Приправленное острое мясо было еще лучше. Причмокивая и вращая глазами, мэтр Петрунель поглядывал на девиц, порхающих меж столами, и, будто бы между прочим, случайно, выставлял напоказ брошь — фамильную драгоценность рода Форжеронов, которую, однако, он стащил у своего старшего брата, убитого королем Александром. Покойнику брошь не пригодится. А символ магической силы Петрунелю, ох, как пришелся кстати. Всем известно — без броши времени не преодолеть. Да еще и знакомство с мэтром завести полезно. Потому девицы поглядывали на него и хихикали в кулачки в ответ на его подмигивания. И что, что он стар и сед? Зато он мэтр, повелитель времени и наследник Великого магистра. К тому же седина мужчину украшает.

Но до чего же хорошо это вино! Оно горячило кровь и добавляло наглости. И вот он уже похлопывал по заду пробежавших мимо девиц с подносами, те испуганно взвизгивали и бежали дальше, бросая на него многообещающие взгляды.

— Ах, вот ты где, недостойный Петрунель! — услышал он голос Великого магистра Маглора Форжерона. Вздрогнул, расплескал вино и посмотрел за спину. Маглор Форжерон глядел на него сурово и холодно.

— Любезный мой дядюшка! — обрадованно воскликнул Петрунель. — Какое счастье, что вы явились сюда. Не желаете ли выпить со мною. Клянусь! Вино отменное!

— Чтобы ты отравил меня и получил титул? Нет уж! Буду ждать, покуда де Наве поумнеет.

— Тогда зачем же вы искали меня, дядюшка? — удивился мэтр.

Маглор Форжерон приблизился к нему и уселся за стол.

— Отвечай, старый вонючий козел, что ты сотворил с Мишелем и Мари? Никогда не поверю, что он по доброй воле целовал другую!

— Фу, фу, фу, дядюшка! — возмутился Петрунель. — Думаю та девица, что поглядывает на нас, поспорила бы с вами насчет того, что вы назвали меня старым вонючим козлом. Сдается мне, дядюшка, ночь у меня будет веселая.

— Это будет последняя твоя ночь, если ты не признаешься, что натворил!

— Да что там было творить? — удивился Петрунель. — Королева ужасно ревнива. Король позволяет ей любое сумасбродство... Вы видели эти кошмарные розы в тронном зале? Как там послов принимать? Их же засмеют!

— *Carut tuum in ano est!* — возмутился Великий магистр. — Что видели наши глаза? И что видели глаза короля?

— Вы же знаете, дорогой дядюшка, как сложно не поддаться зову горячей крови, когда непозволительны ласки жены на сносях! Вот и король поддался. Но вы не беспокойтесь, я ему помогу вернуть дорогую нашу сестрицу. Оно ведь все к лучшему. Добудет Санграль, получит силу камня и нашего великого предка. И сможет заставить жену отправиться с ним домой. С камнем любой сможет!

— Что это значит, *stultus stultorum rex?*

— А то и значит, дядюшка... Что если он не найдет камня, то домой вернется один. И даже вам не разрушить это заклинание. Сколько пальцами ни щелкай.

Будто желая проверить, Великий магистр щелкнул пальцами. Раз, другой, третий.

Хмурился и сердился. Но ничего не получалось вернуть на место.

— Что ты сделал? — рявкнул Маглор Форжерон.

— Всего лишь научился нескольким трюкам. Вы слабеете, дядюшка. И вскоре Великим магистром стану я. А с камнем и силой Белинуса — тем более.

— Не бывать тому никогда!

— А вы пощелкайте пальцами — вдруг что изменится.

Петрунель расхохотался и, подавившись собственным смехом, закашлялся, подлил себе вина и осушил чашу большими глотками. Когда он поднял глаза, Маглора Форжерона в каупоне уже не было. Но это его не огорчило. Он подозвал к себе самую глазастую девицу и тихонько спросил у нее:

— Как, по-твоему, прелестное дитя, похож я на старого вонючего козла?

23 декабря 1186 года, Трезмонский замок

В печи весело потрескивали угли. Пламя танцевало и отбрасывало искры. Весело им! Впрочем, если относиться ко всему этому как к маленькому приключению... Нет. Как к приключению не выйдет. Приключения — это сундук, отменное вино и подслушанные разговоры. А тут бытовуха одна.

Вивьен Лиз сердито оглядывалась по сторонам, пытаясь при этом не уронить с любопытством наблюдающего за ее действиями ребенка. Тот крутил головой, поглядывал на Паулюса, и чуть слышно гугукал.

— Я думаю, искать надо в районе этой лавки, — Лиз ткнула в большую необструганную скамью. — Я на ней сидела, когда меня сюда занесло.

— А что искать-то? Конкретно? — Паулюс уселся на нее, потом попрыгал. Под лавкой, куда с интересом заглянул монах, тоже ничего не оказалось. — Кажется, здесь этой... дыры твоей нет.

— Так ее же не видно! — воскликнула Лиз таким голосом, будто объясняла очевидный факт. В этот момент маленький маркиз одобрительно мурлыкнул и отпрыгнул прямо на ее платье.

— Merde! Слушай, а если я его прибью, мне же ничего не будет? У твоего трубадура еще один ребенок должен быть. От герцогини. Я читала, в Средние века к этому проще относились. Рожали по десять штук и, если один умер, то можно и не заметить.

Святой брат замер и уставился на Лиз.

— Ты просто устала, — мирно проговорил он. — Давай его мне. Трубадур, может, расстроится немного, кто его разберет. А вот мамаша-ведьма... Мало ли, что она может сделать. Проклянет еще! — Паулюс схватился за четки, висящие на поясе, и быстро забормотал Pater noster.

— Двенадцатый век на тебя плохо влияет, — буркнула Лиз, глядя на молящегося монаха. — Дыру ищи! Я постараюсь его не задушить.

— Лиз, — умоляюще протянул Паулюс. — Ну как мне ее искать?

Он почесал затылок и вдруг снова подпрыгнул на лавке:

— Давай попробуем пройти всю кухню, шаг за шагом. Вдоль и поперек. А?

— Ну, пошли, — хмуро отозвалась Лиз. — Только это... давай держаться как-то друг за друга, чтобы, когда одного портал начнет засасывать, сразу и второго засосал. Ну, чтоб наверняка!

— Окей! Давай мне монстра и держись за скапулярий, — Паулюс поднялся с лавки и медленно двинулся вдоль кухни. — Но ведь тогда монстр попадет в образцовый Париж вместе с нами? — монах резко остановился.

— Может, тогда все-таки придушить? И бросить в печь — никто не заметит, — с надеждой спросила Лиз и тут же рассмеялась. — Посадим его в кладовку, там меньше вероятности что-то ему повредить. Придет Барбара и заберет.

Минуту поразмыслив, монах согласился. Кладовка была подходящим местом, чтобы Серж — младший не увязался за ними в 2015 год. Паулюс в два шага подошел к кухаркиным шкафам и распахнул дверцу.

— Стой! — взвизгнула Лиз. — А вдруг там портал? Давай сначала посадим его здесь, на

полу, где я стою — тут точно нет. А потом проверим кладовку!

— Уж простите, Ваша Светлость, вас не приглашаем, — усмехнулся святой брат, укладывая юного маркиза на стол, стоявший прямо рядом с Лиз. Класть его на пол он не рискнул, вновь подумав про неведомую мать младенца. — Пошли! — кивнул Паулюс девушке, протянув ей угол своего скапулярия.

— А с пола бы он не свалился, — усмехнулась Лиз и, решительно взяв Паулюса за руку вместо края одежды, направилась в кладовку.

Многочисленные полки здесь были заставлены бочонками разной величины, какими-то мешочками и посудой. На полу тоже стояли мешки и бочки. Лиз поморщилась — и ступить-то некуда.

— На полу холодно! — упрямо проворчал монах, осматриваясь в кладовке. Вдруг он усмехнулся, быстро раздвинул ногами мешки и бочки, стоящие на полу, рывком втащил внутрь Лиз и закрыл дверь. — Теперь у маленького чудовища закрыты и уши, и глаза, — таинственно зашептал Паулюс, уперев девушку в какие-то полки своим телом и нетерпеливо впечатавшись жадными губами в ее рот.

Она только одобрительно что-то промычала в ответ, и руки ее тут же принялись стаскивать в него осточертевший скапулярий. Портал, в конце концов, подождет. Мысль о том, чем они собираются заняться прямо здесь, в кладовке суровой Барбары, горячила кровь и возбуждала воображение. Ок. Не все плохо в Трезмонском королевстве, пока есть такие укромные места.

Оторвавшись на мгновение от его губ, она прошептала:

— Вот сейчас, что бы ни было, не останавливайся.

И в этот момент до нее донесся плач ребенка.

— Упал! — взвизгнула Лиз в ужасе.

— Cūlus! — в сердцах воскликнул Паулюс и выскочил из кладовки. Наследник маркизата самозабвенно рыдал посреди стола, отчаянно размахивая ручонками.

— Больше никогда так не делай! — заорала Лиз, сердито глядя на Паулюса и подбегая к столу. — Ты ж мой маленький! Оставили тебя одного!

Она взяла Его Светлость на руки и стала старательно качать.

— Ты ж его недавно придушить хотела? — ошеломленно смотрел монах на воркующую над ребенком Лиз.

— Я и сейчас хочу его придушить, — коротко буркнула она. — А вдруг бы он упал и расшибся? Кровь потом оттирай. Что стоишь? Ищи дыру!

Лиз решительно усадила Его Светлость на пол. И ухватилась за скапулярий — от греха подальше.

— Да не знаю я, где искать эту чертову дыру! — рассердился Паулюс. — Я вообще сидел на камне, а потом оказался прямо в кухне. Как такое происходит? — уже спокойнее спросил монах, поднимая ребенка. — Холодно на полу. Надо отнести его к Барбаре на полчаса и быстренько найти дыру, — выдал он Лиз новое решение проблемы.

— К черту Барбару. От печи тепло идет!

Лиз подергала скапулярий. Вдруг глаза ее округлились, и она открыла рот, обалдевшим взглядом глядя на Паулюса.

— Я по-ня-ла, — прошептала она. — Я поняла! Дыра во времени — это ты!!!

— Это еще как? И что ты собралась со мной делать? — Паулюс посадил юного маркиза обратно и отошел от него на несколько шагов. Для надежности.

— Вот когда мы домой вернемся, я с тобой такое сделаю, закачаешься!

Он расплылся в блаженной улыбке довольного кота и проговорил, подтягивая Лиз за скапулярий к себе ближе:

— Ну, и как возвращаться будем?

Оказавшись в его руках, она совершенно серьезно сказала:

— Уверю тебя, мы испробуем все возможные методы.

И в этот самый момент в коридоре раздался какой-то грохот.

— Это еще что такое, — взяв за руку девушку, монах пошел к коридору.

Проходя мимо мальчишки, сидевшего на полу и внимательно разглядывавшего малочисленную процессию, он шепнул ему, сделав «страшные глаза»:

— А ты сиди тихо!

Грохот в коридоре прекратился. Зато раздался чей-то громкий шепот. Судя по голосу, шептала Барбара:

— Подними ты его! Вот. Поставь на место.

— Душенька, да не томи, — отвечал ей голос Шарля-мясника.

— Да будет, будет. Пойдем в кладовку. Там самое подходящее местечко.

И в тот момент, как Лиз и Поль выглянули в коридор, Барбара и мясник слились в страстном поцелуе.

Лицо святого брата сначала вытянулось от изумления, а потом он громко, безудержно расхохотался. Нет, он, конечно, был наслышан про бурную молодость кухарки, когда она не пропускала мимо себя ни егеря, ни конюха. И даже однажды ввела во искушение благочестивого брата Ансельма, грешившего до нее только чрезмерными возлияниями. Теперь же в ее умело расставленные сети попал местный мясник. Ловко!

Отсмеявшись, Паулюс произнес торжественным тоном, словно читал молитву в часовне:

— Срам-то какой, многоуважаемая Барбара!

Вечером того же дня Шарль-мясник сделал Барбаре-кухарке предложение, чтобы не осрамить ее перед добрыми людьми.

— Потому что я честная женщина! — грохотала почтенная дама, и складки ее покрывала тряслись вместе с возмущенным подбородком.

1159 год, королевство Трезмон, обитель, затерявшаяся в горах

— Королева совсем плоха, — проговорила настоятельница. — Несчастливая женщина.

Так молода, так красива...

— Даст бог, и она поправится, — ответил старик-лекарь с бородавкой на лбу. — Что же, матушка, проводите меня к ней?

Старушка кивнула, чуть не уронив вимпл. И они направились вдоль темного сырого коридора в крошечную комнатку, где умирала Блаженная королева, как была прозвана в народе.

Маленькое ее тело, распластанное на постели, металось, будто в горячке. Глаза смотрели так, словно видели перед собой не стены обители, но что-то иное.

— Вы королева? — спросил лекарь.

— Я не королева! — закричала она диким голосом. — Королева еще в пути! Весной привезет ее король! Так мне сказали!

— Кто сказал?

— Кельт! — приподнявшись, выплюнула она и снова упала.

Лекарь нахмурился и подошел ближе.

— Вы видели кельта, королева?

Она схватилась за голову, ударила крошечной ладонью по ней несколько раз и прохрипела:

— Я не королева! Я не королева! Я не королева! Королева придет весной! Она подарит кельту наследника! Она подарит королевству спасение!

— Черт, — пробормотал лекарь. — Какого наследника?

— Сына рода Наве. Сына хранителей камня. Сына рода Форжеронов. Сына великих магов. Наследник кельта. Он спасет королевство.

— Вот как? И как мы узнаем, что это, и в самом деле, он?

— Он будет носить имя подобного Богу и знак змеи!

Лекарь побледнел. Почесал бородавку на лбу. И, приблизившись к королеве, тихо сказал:

— Это сказал тебе кельт? Ты уверена, королева?

— Я не королева! Не зови меня королевой! Я умру графиней Дюша! Но не королевой! Я умру графиней Дюша!

— Как скажешь, — с искаженным улыбкой лицом проговорил лекарь и щелкнул пальцами.

23 декабря 1186 года, Трезмон, «Ржавая подкова»

— Ну вы и олух, Ваша Светлость, — мечтательным голосом проговорила юная Аделина, девушка, работавшая в харчевне «Ржавая подкова» и подчас оказывавшая некоторые услуги постояльцам.

— Олух, — мрачно кивнул маркиз де Конфьян, блуждающим взглядом глядя в черный провал окна. Сердце его рвалось туда, в ночь, в метелицу.

После чудовищного разговора с Катрин он вернулся в харчевню, где продолжились его возлияния, не имевшие, впрочем, никакого действия. А он все надеялся напиться до такой степени, чтобы упасть в беспамятстве и провалиться до утра. Но Серж Скриб никогда не пьянел, хотя и прилагал все к тому усилия, притом — неоднократно.

Кто ни подходил к нему в этот вечер с просьбой спеть еще что-нибудь, убирался не солоно хлебавши. Серж даже не давал себе труда ответить. Просто глядел в одну точку — на пламя свечи на столе. И думал о том, как же будет жить теперь без нее...

«Отныне мне нет места там, где вы». Вынула из него душу и бросила эти жестокие слова, прежде чем уйти навсегда. Он не помнил, как нашел дорогу к своему столу. Он не помнил, как просил снова и снова подлить вина. Он не помнил ничего, кроме ее отчаянного поцелуя и этих страшных слов. Ему казалось, что он все еще там, в этом проклятом темном коридоре, стоит раздираемый болью, терзаемый ее взглядом... И видит, как она уходит, но вот легче ничуть не становится, ведь она уносит с собой какую-то важную часть его самого, без которой он не сможет более легко дышать. Никогда.

И вот теперь, глядя на это окаянное пламя свечи на столе, он знал точно — любовь не умирает. Любовь — единственное, что есть после души, когда душа уносится вслед за возлюбленной.

Великий Боже! Ему и остается только молить небо о том, чтобы еще хоть день, еще хоть час, хоть миг провести возле нее. И этого мига уже будет много. И пусть она стала любовницей короля. Пусть превратила его собственную жизнь в горстку пепла на земле, где более ничего не будет расти. Он все равно без нее не сможет.

Она не оставила ему ни чести, ни гордости, ни надежды. Только любовь. Любовь, подобная пламени, от которого плавится воск.

Неожиданно пламя дрогнуло и едва не погасло. Серж дернулся от неожиданности, подняв, наконец, глаза.

— Ничего ли не угодно Вашей Светлости? — спросила улыбчивая девчушка с голубыми глазами на маленьком пухленьком личике в обрамлении золотисто-рыжих кудряшек. Как у всех девиц, зарабатывавших на жизнь не самым благонравным способом, волосы ее были подстрижены и едва доставали до плеч, а голова была непокрыта. — На кухне есть чудесный козий сыр из герцогства Жуайез, а в погребе довольно вина из восхитительного гренаша. Да и я, быть может, сумею развлечь вас лаской. Так как, Ваша Светлость? Желаете чего-нибудь?

— Яду, — бросил Серж Скриб, невесело усмехнувшись.

— Нет, яды держим только для крыс, — рассмеялась девица, тряхнув кучерявой рыжеватой копной. — Только сыр, гренаш или я, Ваша Светлость.

О том, что трубадур никакой не трубадур, а знаменитый маркиз де Конфьян, чья жена была одной из самых влиятельных женщин королевства, поскольку имела нежную дружбу с

королем, стало известно еще несколько часов назад из обрывков разговоров в коридоре самого маркиза и юного пажа, обратившегося к нему с какой-то просьбой. Мальчишка, как говорили осведомленные, надерзил маркизу, за что был вытасчен на мороз, в метель, избит и оставлен на конюшне — подле умирающего от простуды Игнасиа. Во всяком случае, с того часа рыжеволосого пажа никто не видел, а идти проверять, привязан ли отрок к стойлу не хотелось — метель, и правда, была нешуточная.

— Меня зовут Аделина, Ваша Светлость, — предприняла новую попытку бойкая девица и села за стол к маркизу.

— Не все ли равно, как зовут тебя? — отозвался Серж, глядя на нее из-под нахмуренных бровей.

— Дитя любви, я имею одно лишь имя. Им и дорожу, поскольку ничего иного у меня нет.

— Дитя любви, ставшее ее жрицей, — медленно проговорил маркиз. — Какая последовательность у наших судеб. Так значит, зовут тебя Аделиной...

Девица кивнула и улыбнулась, сверкнув ямочками на почти совсем детских щеках.

— И ты считаешь себя ничем не выше козьего сыра или вина? — продолжил он.

— Что то, что иное благородные рыцари пользуют дабы утолить голод и жажду. Я утоляю голод и жажду иного рода, но суть от того не меняется.

— А ежели бы сам король утолил тобой жажду, стала бы ты от того выше? — живо спросил Серж, сверкнув глазами.

Девица хохотнула и медленно произнесла:

— Король — тоже мужчина. Просто чуть раньше начинает сутулиться — под тяжестью короны.

Серж замер на мгновение. Как просто. Король — всего лишь мужчина, имеющий жажду и голод. Как и Катрин — всего лишь средство их утолить. Как много для нее значит эта корона? Как много для короля значит сама Катрин?

Быть может, и его собственный голод можно обуздать всего лишь сменив средство?

— Идем! — вдруг грубовато рявкнул Серж и встал, громыхнув стулом, из-за стола. Схватил девушку, которая и не думала сопротивляться, за локоть и повел в ту комнату, где еще сегодня утром он любовался на безмятежное во сне тонкое и бледное лицо своей жены.

Он хотел лишь одного. Забыться. Пусть на мгновение. Пусть на мгновение почувствовать себя тем, кто всего лишь утоляет жажду. Ведь как просто! Ни любви, ни нежности, ни привязанности. Один только голод. Голод, который пройдет, стоит лишь расплатиться парой монет.

— Раздевайся! — приказал он Аделине, едва они оказались в его комнате. По счастью, новый сосед его благополучно спал за столом харчевни.

Девушка принялась расшнуровывать тесемки, которыми скреплен был ее котт. Глядя на это действие, Серж не выдержал, подошел и рванул их, освобождая плечи ее и грудь, выступающие из грубого, плохо выделанного льна камизы. Склонился к ней с поцелуем, коснулся чужих — теплых, мягких, но чужих — губ. Прошелся дорожкой жадных поцелуев по шее к тонким, совсем еще детским ключицам. И вдруг понял... нет никакой жажды. Нет никакого голода. Одно только скотство. И как непохож был этот поцелуй на тот, которым одарила его на прощание маркиза. Его прекрасная маркиза Катрин, без которой он не мыслил своей жизни.

Серж отстранился и, не говоря ни слова, принялся зашнуровывать тесемки. Аделина

лишь удивленно наблюдала за его действиями.

— Что же, мои губы недостаточно сладки? Так можно выпить меду, — сказала она капризным голосом.

— Держи на мед! — Серж вынул из кошелька, прикрепленного к поясу, монету, и сунул ей в руки. И запоздало вспомнил, что этот самый кошель вышила для него Катрин. Все на свете для него было связано с ней. И о ней заставляло вспоминать.

Аделина же, кажется, никуда и не думала уходить. Вместо того, чтобы покинуть комнату, она уселась на постель Сержа и посмотрела в окно.

— Коли сейчас вернусь, хозяин решит, что вы недовольны мною. И, верно, избьет меня.

— Ну, посиди здесь, — ответил Серж и тоже взгляделся в окно. Ему почудилось в этой ночи и среди стонов метели ржание коня.

Они молчали совсем недолго. Но этого времени хватило Сержу для того, чтобы сотню раз пожалеть о том, что не догнал Катрин в коридоре, когда она уходила. Знать бы теперь, в какой комнате она остановилась...

Кажется, он готов был забыть обо всем. О ее неверности, ее лжи, ее равнодушии. Лишь бы только она была рядом. Забрать и ее, и маленького Сержа, увезти их в Конфьян и попытаться жить вместе, как жили прежде. Только вот, как прежде, уже никогда и ничего не будет. Но так ли это важно, если он любит ее? Если его любовь к ней не убить? Если она срослась с ним, стала его сутью. Если, черт подери, душу его Катрин унесла с собой!

— У вас разбито сердце, Ваша Светлость? — спросила Аделина.

— У меня разбито сердце, — медленно повторил он. — Король полюбил мою жену.

— А ваша жена? — живо отозвалась она, и глаза ее сверкнули от любопытства.

А жена... А жена целовала его так в том проклятом коридоре, будто прощалась с ним... Но если ничего более не испытывала к нему, зачем так целовать?

— А моя жена упряма и своенравна, — тихо ответил Серж. — И она целовала короля. Я не знаю, почему. Быть может, потому что ей наскучило мое общество. Быть может, потому, что он заставил. Быть может, она просто не умеет любить и хранить верность... Я не знаю почему. Она целовала короля.

Аделина закусила губу и перевела взгляд на губы маркиза.

— И это после ваших поцелуев? Вот же дура!

— Она умнейшая женщина в королевстве. И уж поверь, гораздо умнее меня.

— А что было после?

— А после она остригла волосы, вырядилась юношей и примчалась сюда за мной, — ответил Серж и в ужасе замер, озаренный страшной догадкой. Страшной догадкой. Счастливой догадкой.

— Ну вы и олух, Ваша Светлость, — мечтательным голосом проговорила юная Аделина.

— Олух, — мрачно кивнул маркиз де Конфьян, блуждающим взглядом глядя в черный провал окна. Сердце его рвалось туда, в ночь, в метелицу.

24 декабря 2015 года, Париж

Было еще раннее утро, когда Мишель проснулся. Боясь разбудить Мари, спокойно спящую рядом, он разглядывал ее безмятежное лицо. Она была прекрасна. Приоткрытые, поутреннему пухлые губы с четко очерченным изгибом, длинные ресницы отбрасывали слегка подрагивающие тени на бледные щеки, волосы разметались по подушке веселым ореолом. Думать о чем-то еще он не мог. Не хотел. Вся на земле нежность сейчас была здесь, в этой комнате, возле Мари. Разве все прочее имеет значение, независимо от того, что произойдет, когда она проснется после этой странной ночи — такой значимой и одновременно такой нереальной.

Мари зашевелилась, укладываясь поудобнее на его плече, что-то тихонько пробормотала и вдруг резко открыла глаза. Молча смотрела на Мишеля. И не осмеливалась пошевелиться. Только бы продлить этот момент пробуждения возле него. Потому что не знала, что теперь делать и как теперь жить. Сама того от себя не ожидая, она вдруг потянулась к его щеке и легко, едва ощутимо, прикоснулась к ней губами.

Он повернулся к Мари и, не позволяя своим надеждам глубоко пустить корни в душе, улыбнулся:

— Как спалось?

— Я не знаю... А тебе?

— Превосходно!

Мишель сжал ее в объятиях и легонько поцеловал в висок.

— Завтраком меня накормишь?

Она не сопротивлялась его объятию, однако на лице ее появилось выражение задумчивости. Когда Мари начинала думать, то неизвестно еще, до чего могла додуматься. Эту черту она сама за собой знала.

— Накормлю, — коротко сказала королева, но все еще не вставала, не желая покидать его объятий. Потому что прерви их на мгновение, и она не будет знать, что сейчас и здесь между ними все еще по-прежнему. — Только мне нужно принять душ...

Его Величество согласно кивнул, думая о том, что времени у него остается все меньше. А единственное, о чем он способен думать — простила ли она его?

— Позже, — добавила Мари и помчалась в ванную.

Там ей всегда легче думалось.

Включила воду. Та зашумела, успокаивая бурю, что теперь разыгралась в ее мыслях. В это утро после прошедшей ночи, не чувствуя торжества своей маленькой победы над ним, но вместе с тем испытывая все больше сомнений, она особенно остро ощутила очевидное. Она могла бежать от себя сколько угодно. Но никогда не сможет убежать от своей любви.

Знала, что ей суждено любить его всегда, всю жизнь, что этого не изменить.

И этого никогда не перечеркнет даже то, что он целовал другую женщину на ее глазах. Этого ничто не перечеркнет. Потому что он примчался сюда за ней. Потому что он хотел ее вернуть. Потому что он тоже не сможет без нее. Ведь не сможет?

Переодевшись в пушистый банный халат, чувствуя себя немного лучше после теплого душа, благоухающая ванилью, она стояла у двери и никак не решалась ее открыть. Она совершенно точно знала, что делать. И при этом ей было страшно, как никогда в жизни.

Когда она, наконец, решилась выйти, то просто спросила, как ни в чем не бывало:

— Так что насчет завтрака? Овсянку будешь?

— Буду, — осторожно, будто ступая по льду, кивнул король.

Мари прошла к кухне и поставила на плиту молоко. А потом, не глядя на него, но только на кастрюльку, проговорила:

— Мишель, нам нужно поговорить... Мне кажется, что... нам очень нужно поговорить.

— Нужно, — согласился он, скрывая напряжение. — Давай поговорим.

Мари перевела дыхание. Потом набрала в грудь побольше воздуха и выпалила:

— Я хочу дать нам еще один шанс. Я тебя люблю. И даже постараюсь простить. Но у меня условие.

— Какое?

— Я хочу, чтобы мы жили здесь. Ты же видишь... я не могу там. Не приживаюсь. Я не хочу жить в стране, которой нет ни на одной карте, ни в одном учебнике... И если... если ты меня любишь, Мишель... ты...

Мари замолчала, вдруг услышав то, что звучит в ее словах. И ужаснулась самой себе. То, чего она требовала от Мишеля, было... отвратительно.

Он долго ничего не говорил, не зная, что ей ответить. После случившегося в эту ночь просьба ее была невыносима и несправедлива, но вместе с тем... разве не знал он, что это так? Разве не достаточно в нем мужества, чтобы сознаться себе в том, что она права? Несмотря ни на что, она была права. Она не могла там, у него. Как ни старался он ей помочь. Даже их близость она принимала иначе, чем он, так что говорить о прочем?

— Ты понимаешь, если я останусь здесь, то тебе станут говорить, что твой муж сумасшедший? — обманывать он ее не мог. — Поверь, я очень хочу, чтобы мы всегда были вместе. Я тоже люблю тебя. Но я не смогу остаться здесь. Прости, Мари. Это сильнее меня.

И Мишель вдруг отчетливо понял, что не должен заставлять ее возвращаться туда, где ей плохо. А значит, и искать Санграль больше незачем.

Мари опустила руки, пристально глядя на него, и не могла наглядеться. Все кончено. Все. Кончено. Потому что любовь к ней в нем слабее его чувства долга перед Трезмоном. Король в нем сильнее влюбленного. Но можно ли осудить его за это? Имеет ли кто право? Она не чувствовала, как по ее щеке скатилась слеза. Она не знала, что может быть так больно. Даже тогда, в саду, она не испытала такой боли, как сейчас. Все это означало... жизнь без него. А нужна ли ей такая жизнь?

— Понимаю, — наконец, ответила Мари и удивилась — ее голос звучал, как обычно, будто только что не испытала этой боли, разрывающей душу. — Я все себе придумала. Считай, что я не задавала тебе этого вопроса. Считай, что вообще ничего этим утром не было.

— Овсянка хотя бы будет? — проворчал Мишель.

Она медленно, будто сонная, повернулась к плите, глядя, как закипает молоко. Когда пенка поднялась доверху, сделала огонь поменьше, взяла со стола пачку, высыпала крупу в кипящее молоко. И, стоя к нему спиной, тихо сказала:

— Останься со мной.

— Я не могу. Хочу, но не могу, — прошептал Мишель, обняв жену за плечи.

— Тогда я не скажу тебе, где твой Монсегюр!

Он прижал Мари к себе и подумал о том, что никогда не увидит своего ребенка, дочь ли, сына — какая разница. Что больше никогда она не будет по вечерам сидеть у него на

коленях в их любимом кресле. Что розы в тронном зале однажды станут не видны, исчезнув от света и пыли. И однажды, много лет спустя, все это покажется лишь красивым сном.

Мишель усмехнулся ей в затылок:

— Не говори. Стоит ли тратить время, если это далеко от Парижа?

Мари дернулась в его руках, но не отстранилась:

— Врун. Я думала, тебе туда нужно, чтобы вернуться домой... Так сколько теперь у нас времени?

— Завтра утром я исчезну...

Мари медленно растянула губы в улыбку. И повернулась к нему.

— Значит, Рождество мы встретим вместе. А потом ты вернешься в Трезмон. К ней. Чтс ж, ты попытался, и у тебя не получилось. Я попыталась тоже. И у меня тоже не получилось. Все должно быть на своем месте.

Мишель устало потер глаза.

— Я возвращаюсь домой, а не к ней. Это сюда я отправился к тебе. Потому что я тебя люблю. Потому что я очень хочу, чтобы ты вернулась вместе со мной. Но заставляя я тебя не стану. Если ты считаешь, что твое место здесь — так тому и быть.

— Потому что Трезмон тебе важнее меня и нашего ребенка? — спросила она и осеклась. — Прости... Я не то хотела сказать... Прости...

Мишель взял ее руки в свои, крепко сжал их и, глядя ей прямо в глаза, медленно произнес:

— И ты, и наш ребенок для меня гораздо важнее всего на свете. Но я не могу остаться. Петрунель дал мне всего три ночи.

— Ты все-таки сумасшедший, — коротко хохотнула она и все же заплакала. — Зачем ты с ним связался? Ты же все про него знаешь!

Она поднялась на носочки и поцеловала его в щеку. Совсем не так, как этим же утром в постели, но долго прижимаясь к нему губами и чувствуя, как обрывается сердце.

— Как еще я мог попасть сюда? Маглор Форжерон отказался мне помочь, старый болван! — Мишель на миг отстранился и стал покрывать ее лицо поцелуями. А потом нашел губы и уже не мог от них оторваться. И единственная мысль вертелась в его голове: как он будет без нее?

Мари вырвалась. И посмотрела на плиту, на которой уже подгорала овсянка.

— Давай хотя бы елку поставим... раз это последнее Рождество... — сказала она отстраненно. И усиленно гнала от себя мысли, что... что она ничего не потеряет, если вернется с ним. Потому что уже потеряла гораздо больше — она потеряла способность жить без него.

— Давай поставим, — улыбнулся Мишель, взглянув на кашу вслед за Мари. — Завтрак отменяется?

— Нет. Не отменяется. Отменяется экзекуция с помощью овсянки, — она решительно выключила конфорку. — Мы едем за елкой и по дороге зайдем куда-нибудь.

24 декабря 1186 года, Трезмонский замок

Благочестивый брат Ницетас, здоровенный широкоплечий детина с невинным взором на лице дровосека двадцати пяти лет отроду, еще год назад не был столь уж благочестив, но всем сердцем стремился к тому. Он искал путь истинной веры, но все время оступался и никак не мог найти самый короткий путь к тому, чтобы познать Бога, не позабыв своей выгоды. Добрый бенедиктинец, воспитанный в Санкт-Галленском аббатстве, несколько лет назад паломником он пришел в Вайссенкройц да там и остался, свалившись со страшной лихорадкой и ставший на ноги лишь усилиями брата Ансельма. Тогда же он и решил, что устав цистерцианцев тому способствовал, а посему он-то и есть самый угодный Господу. Однако долго находиться в обители оказалось выше его сил, и скоро он попросился служить Всевышнему там, куда направит его брат Ансельм. Тот лишь покачал головой и сказал:

— Что ж, брат Ницетас, ступай в Фенеллу — туда отныне ведут все дороги с тех пор, как исчез несчастный и дорогой нашему сердцу брат Паулюс.

Так Ницетас и очутился впервые в Трезмонском замке. И в первый же день своего пребывания в королевстве венчал короля и королеву. Он искренно полагал эту миссию очень почетной и надеялся на поощрение. Однако комната, которую сперва ему предложили, была тесна. Потребовал другую — и та, что была им получена, оказалась не многим лучше. После он подметил, что кухарка — не отдавала ему лучших кусков. А ведь брат Ницетас лишь ради ее стряпни готов был нарушить пост, что было с его стороны великой жертвой. Кухарка же была непреклонна — война меж ними разразилась нешуточная. Зато брату Ницетасу удалось избежать греха чревоугодия.

Но последней каплей, переполнившей чашу его терпения, стало то, что ни король, ни королева не желали посещать службы. Объявив меж слуг, что королева бесноватая, он отправился назад, в родной Санкт-Галлен, так и не найдя Бога среди трезмонцев, но прихватив с собой чудесную праздничную рясу отца Паулюса, не иначе безвинно погибшего где-то в Святой земле, как грустно вздыхала старая и злая кухарка, проливавшая слезу по одному только цистерцианцу. Ну и еще по маркизу де Конфьяну. И по мяснику Шарлю. На короля заглядываться кухарка не решалась. А с Ницетасом у них была война.

Итак, решив, что праздничная сутана цистерцианцу отныне без надобности, святой брат отбыл восвояси. Остановившись на постоялом дворе «Ржавая подкова», он проводил ночь в добрых увеселениях, не слишком претивших заповедям Господним, когда подошла к нему прекрасная, как сама Дева Мария, девушка.

— Не желает ли чего святой брат? — спросила она с улыбкой, покуда он изучал рыжеватые кудряшки ее волос, которые двоились и троились пред его не вполне ясным взором. — Еще прекрасного вина из наших погребов? Или козьего сыра из Жуайеза? Или может быть ласки и нежности юной Аделины?

Ночь они провели в молитве. Поскольку на большее святой брат был уже не способен. А перед рассветом явилась ему сама Дева Мария, указавшая, наконец, путь.

— Ну и пьянь же вы, святой брат! — объявила она голосом Аделины. — Что толку от вашего красивого тела, коли вы им и пошевелить не можете? Езжайте в свой Васин... Васан... кройц свой, как проспитеесь. Не умеете грешить — так и нечего пробовать.

И понял в тот момент брат Ницетас — было ему видение. И с тех самых пор стал вести

благочестивую жизнь, вернувшись в лоно цистерцианского ордена да к брату Ансельму под крыло. В Вайссенкройце после его рассказа о явлении Девы Марии, в котором многое было опущено, но многое и приукрашено, к нему стали относиться с большим почтением. А сам он мечтал о канонизации, когда Богу станет угодно прибрать его к рукам.

И лишь одно не давало покоя брату Ницетасу — взятая у брата Паулюса праздничная сутана. Совесть мучила его еженощно, являясь кошмарами в виде покойного монаха, которого он даже не знал. И однажды после страшного сна, в котором брат Паулюс тянул к нему свои руки и грозил Геенной огненной, попросился у брата Ансельма посетить Трезмонский замок, чтобы провести там Рождественское богослужение.

Получив благословение у своего почтенного наставника, он отправился в Трезмон.

И первым делом явился пред очи суровой, но с утра подозрительно довольной кухарке Барбаре.

— У нас свой монах теперь есть! — миролюбиво объявила она. — Радость великая! Брат Паулюс вернулся! И после Рождества он и обвенчает меня и любезного моего Шарля! Коли будет твоя милость вернуть сутану!

Радостно покивав, брат Ницетас бросился в комнату брата Паулюса, чтобы обрадовать того да попросить прощения за доставленные неудобства. И, едва войдя в комнату, он, хватаясь за сердце, возопил:

— Срам-то какой!

Яркое сентябрьское солнце слепило его глаза. Но он был счастлив, просто охренительно счастлив. Он стоял посреди своего виноградника, в котором было уже несколько десятков лоз, и они, милостью Господа, и в этом году дадут ему богатый урожай.

Паулюс подошел к ближайшей лозе и взял в руки упругую янтарно-зеленую гроздь. Внутри каждой ягодки светило свое солнце, которое также слепило его глаза.

— Посмотри, — сказал он Лиз. — Правда, она совершенство? — аккуратно срезав гроздь и оторвав ягодку, он поднес ее к губам девушки. — Как и ты!

И уже представил, что после поцелует эти манящие губы, как рядом с ними оказался монах в облачении брата-цистерцианца и зычно гаркнул:

— Срам-то какой!

Паулюс открыл глаза и шальным взглядом посмотрел на незваного визитера, который стоял у кровати, осеняя своим крестом спящую под боком Лиз. На животе у нее лежал младенец и, не отрывая своих глазниц, разглядывал пряжку на ее платье.

«Он вообще когда-нибудь спит?» — мелькнула в голове святого брата мысль, полная мрачной безнадеги.

— Господи, прости его, грешника! — продолжал верещать святой брат, вращая глазами, будто прямо пред ними раскрыты двери в ад.

А тем временем Лиз с трудом разлепила веки и растерянно посмотрела на монаха. Сначала на незнакомого, потом на любимого.

— Ты мне сейчас ребенка напугаешь! — воинственно крикнула она незнакомцу, прижимая к себе Его Светлость, устроившего им с Паулюсом очередную веселую ночь.

Паулюс устало потер глаза, упрямо закрывающиеся для продолжения сна, несмотря на вопли богобоязненного монаха. Затем спустил ноги на пол и сел на кровати.

— Ты кто такой, святой брат, и что делаешь в моей комнате? — спросил он, широко зевая.

— Брат Ницетас, подлинный цистерцианец, не то что ты, нечестивец и прелюбодей!

— Чего? — протянула опешившая Лиз. — Это кто тут еще прелюбодей?

— Это кто тут еще прелюбодей? — эхом отозвался Паулюс и медленно почесал затылок. — А вот ты, брат Ницетас, самый обыкновенный жулик. Спер мою праздничную сугану и думаешь, тебе простится только потому, что ты подлинный цистерцианец?

— Что? — в свою очередь опешил монах. — Что я, греховодник ты этакий, сделал? Сугану твою я одолжил всего лишь и привез, как только прослышал, что ты вернулся из Святой земли! И что видят мои глаза! Любимец брата Ансельма, этого божьего человека, ты взял в свое ложе, подле которого дозволено в молитве перебирать четки, эту блудницу да обзавелся бастардом!

— *Va te faire foutre, fils de pute!* — вставила свое веское слово Лиз. — Я привидение!

— Она привидение, — Паулюс снова повторил вслед за Лиз. — И ребенка не оскорбляй!

Словно уразумев, что говорят именно о нем, юный маркиз недовольно хрюкнул и скривил личико, приготовившись разрыдаться. Лиз тут же пощекотала ему животик и младенец передумал.

— Принес сугану? Отдай и вали, — коротко деловито добавила она, не глядя на Ницетаса.

Тот многозначительно икнул. И, произнеся в мыслях короткую молитву о спасении заблудших душ, вновь обратился к брату Паулюсу:

— Так а Рождественское богослужение кто править будет, Паулюс Бабенбергский?

24 декабря 2015 года, Париж

Рождественский рынок в Ля Дефанс пестрил фонариками, игрушками и елочной мишурой. И это так не сочеталось с серым, будто замершим в ожидании бури, небом. Морозный воздух тоже казался замершим. И люди вокруг, спешащие и суетящиеся, почему-то представлялись Мари похожими на плавающих в аквариуме рыб. Они медленно передвигались, открывали рты, выпучивали глаза и чему-то отвратительно радовались, стайками торопясь к тому месту, где, видимо, добрый хозяин всыпал в аквариум корм.

Мари старалась улыбаться, но не получалось. Из-за этого она поднимала воротник. И шурилась от ветра.

— Вам в Фенелле надо тоже ставить елку. Это весело, — чуть слышно проговорила она.

— К чему нам теперь в Фенелле веселье? — Мишель пожал плечами, оглядываясь по сторонам.

Было шумно и многолюдно. Его Величество криво усмехнулся. Пожалуй, так и должно быть накануне праздника. И люди вокруг не виноваты, что у него самого больше никогда не будет праздника.

— Ну, и где твои елки? — напустив на себя беззаботный вид, спросил Мишель.

— Вон! — Мари показала рукой на длинный зеленый пушистый ряд. — Мы отсюда до вечера не уйдем. Давай я пойду с одного конца, а ты — с другого. Ты выберешь... самую пушистую... и я... А потом решим, хорошо?

Сказала и тут же рассердилась — чем она занимается? Зачем она этим занимается? Ведь придется просто разомкнуть сцепившиеся с ним ладони.

— Хорошо, — согласился Мишель и, отпустив Мари, пошел в сторону, которую она ему указала.

Ряд действительно были длинным. И расстояние, разделившее их... Было оно больше восьми столетий, которые лягут между ними уже на рассвете? И совершенно непонятно, чему так радуются окружающие? Еще одному уходящему дню? Который ляжет покровом на эти столетия и сделает их еще более невыносимо далекими друг от друга?

— Что-то вы приуныли, Ваше Величество, — вдруг проговорил продавец елок голосом Петрунеля. И лицо его было точь-в-точь, как у злополучного мэтра. Даже бородавка красовалась на месте. Только клетчатая куртка заменила черный плащ. Но воротник куртки по-прежнему украшала брошь повелителя времени.

— Зачем явились? — усмехнулся Мишель, разглядывая яркий костюм кузена.

— Спросить, отчего вы, Ваше Величество, ходите выбираете елку, что, конечно, очень важно, если того хочет королева... Но ведь не в последний же день зимнего солнцестояния!

— Почему нет? День, как день, — Мишель пожал плечами и пошел дальше вдоль елочного ряда.

— Эй! — окликнул его мэтр и выдернул из ряда одну из елок. — Возьмите эту. Королеве понравится. И тем быстрее вы отправитесь на Монсальваж.

— Не понравится! Она кривая, — не останавливаясь, проворчал Его Величество. — Но у меня достаточно времени, чтобы выбрать подходящую, потому что я никуда не поеду.

Петрунель ошарашено посмотрел на короля и поставил елку на место.

— Двадцать первый век скверно на вас влияет, дорогой кузен. Вы сошли с ума?

— Что вы! Я в своем уме, как никогда ранее, — Мишель резко развернулся и оказался лицом к лицу с мэтром. — Чего вы привязались?

— У нас с вами уговор, Ваше Величество. Без Сангралья вы не сможете получить назад свою жену! Она останется здесь. Навсегда.

— Да, Петрунель, она останется здесь. Навсегда, — повторил вслед за ним Мишель.

Петрунель вскинул брови и участливо посмотрел на короля.

— Да вас лихорадит, не иначе, Ваше Величество! Вы готовы потерять королеву Мари из-за такой безделицы как роман с маркизой? Или Ее Величество уже наскучила вам?

— Не ваше дело! — рыкнул Мишель в лицо магистру. — Ступайте и продавайте ваши чертовы деревья!

Он снова развернулся и пошел прочь от Петрунеля.

— Допустим, наскучила, — не отставал от него ни на шаг маг. — Но уверены ли вы, что сможете спокойно спать, зная, что вашего сына воспитывает чужой мужчина!

И, дернув короля за рукав, он показал на другой конец елочного ряда, где возле королевы Мари стоял... Алекс Романи.

Он отчаянно размахивал руками и, судя по лицу, горячо говорил, пытаясь убедить в чем-то Ее Величество.

Мишель снова остановился и с минуту смотрел на разыгрывающуюся на его глазах сцену. И каждое мгновение принимал новое решение. Добавить Алексу затрецин. Убедить Мари вернуться с ним. Придумать, как остаться здесь.

— Говорите уже, зачем явились, — сказал Его Величество Петрунелю, сдерживая закипающий гнев.

— Всего лишь напомнить, что времени не так много, как вам хотелось бы. Вы, конечно, предприняли еще не все. Можно попробовать устроить своей супруге ухаживания с походами в кино и поцелуями на последнем ряду. Можно исполнять любое ее желание. Можно, в конце концов, отправиться к семейному психологу и постараться разобраться в ваших отношениях. А можно отправиться в Монсальваж и найти там Санграль. Он решит ваши проблемы.

В этот момент Алекс Романи бухнулся перед Мари на колени и, хватая ее за руки, на весь рынок воскликнул:

— Мари! Я всю жизнь мечтал о ребенке! Поверь, он изменит меня! Уже изменил!

Лица королевы видно не было — она стояла спиной к королю и Петрунелю.

— Может быть, еще подскажите, каким образом ваш камень решит мои проблемы? — король мрачно посмотрел на мэтра.

— Вы будете обладать силой, способной вернуть вам ее любовь. И сможете забрать ее в Трезмон. Уже навсегда. Поверьте, не стоит недооценивать Санграль. Он может... все!

Мари вырвала ладонь из рук Алекса и что-то тихо заговорила, достаточно тихо, чтобы слов ее слышно не было на этом конце ряда.

Его Величество рассмеялся.

— Нельзя вернуть то, что и так принадлежит мне.

Мари вдруг повернула голову в его сторону и беспомощно кивнула на Алекса, который продолжал что-то болтать.

Почти бегом Мишель бросился к жене, забыв о занудном мэтре. Подскочив к Алексу, он схватил его за воротник куртки, поднял на ноги и холодным тоном проговорил:

— Если вы, месье, еще хотя бы раз подойдете к моей жене и, упаси вас бог, что-нибудь

предложите в отношении моего ребенка, никакой даже самый достойный лекарь вам не поможет. Это понятно?

Месье Романи согласно кивнул, но тут же сообщил:

— Непонятно!

Потом перевел оторопевший взгляд на Мари и спросил:

— Так это кто кого обманывал столько времени? А? Ты была замужем... беременна... И при этом крутила роман со мной? Так это ты использовала меня!

Мари моргнула. Два раза. А потом улыбнулась и тихо сказала:

— Именно, милый. Потому ты с легким сердцем можешь искать себе другую жену и мать своих будущих детей. И даже не одну!

Взяв жену под руку, Мишель двинулся вдоль елок, от которых у него уже рябило в глазах.

— В той стороне нет ни одной красивой. А ты здесь что-нибудь нашла?

— Господи... Бери любую и поехали. Еще немного, и у меня лопнула бы голова.

24 декабря 1186 года, королевство Трезмон, «Ржавая подкова»

Жизнь рыцаря — штука весьма сложная. Попробуй, продержись днем в седле после ночных возлияний, а уж коли еще и будят на рассвете, так и вовсе с коня упадешь. А ежели в бой идти? Или турнир приключится?

Но на рассвете 24 декабря, накануне Рождества, когда, казалось бы, спать да спать кому где (кому в комнатах на жестких топчанах, в предрассветный час кажущихся мягче любых перин, кому в кроватях на женской груди, что приятнее всякой подушки, кому на лавке харчевни после веселой ночи в приятном обществе), благородные рыцари были разбужены гневным голосом сладкоголосого трубадура, только накануне развлекавшего публику веселыми своими сочинениями. Как, однако, противен бывает и такой голос, если ранним утром, когда едва восходит солнце, он вырывает из нежных объятий Морфея.

— Ваша Светлость, — жалобным голосом отвечал держатель постоянного двора, — да почем мне знать, кто там куда переехал. Метель эта, рыцари разгулялись — поди, и сами помните, чего ночью было. Где уж мне еще за юнцами зелеными следить.

— Да оттого, что то прямая ваша обязанность. Вы селили, вы переселяли, а отыскать его мне необходимо сию минуту! — громыхал маркиз де Конфьян. — Коли вы сами не припомните, куда определили его, так мне придется стучать в каждую дверь, покуда не разбужу всех, кто здесь остановился!

— Да вы и так уж всех перебудили, — проворчал хозяин и тяжело вздохнул. — Как хоть звали-то вашего соседа, вы знаете?

Серж помедлил несколько минут. А черт его знает, как она могла представиться этому непроходимому тупице! Хотя за звание тупицы они вполне могли поспорить. Хозяин постоянного двора всего лишь не мог разыскать одного из своих постояльцев. Маркиз же, кажется, потерял единственную женщину, которую мог любить.

Так как она могла здесь представиться? Времени придумывать себе фальшивое имя у нее, конечно, быть не могло. Слишком она торопилась. Серж невольно вспомнил порывистые ее движения, суетливость рук, дрожь пальцев. Не до выдумок!

— Дю Вириль, — медленно произнес маркиз, — его имя — дю Вириль.

— Ах этот дю Вириль! — вспомнил хозяин гостиницы и улыбнулся. —хлопотный юнец. Сперва требовал себе отдельную комнату, а после соседства с Вашей Светлостью был согласен на любую — лишь бы съехать. И нет бы спать — в его годы сон молодой самый здоровый да крепкий, а он среди ночи примчался сюда и потребовал оседлать своего коня.

В комнатенке установилось гробовое молчание. Серж только и мог, что глядеть на хозяина непонимающим взглядом, не моргая и не имея сил вдохнуть.

— Как оседлать коня? — выдавил маркиз.

— Ну да... этого своего... Фабуса... Фубуса... Хороший, к слову сказать, конь. Кто такие эти дю Вирили? Видно, что благородные, но конь-то каков! Эх, Ваша Светлость! А ведь мальчишка и держаться-то толком на нем не умеет...

Разглагольствования хозяина постоянного двора резко прервались оттого, что маркиз де Конфьян в ярости схватил его за ворот и хорошенько встряхнул:

— В котором часу уехал дю Вириль? — процедил он сквозь зубы, еще сильнее пугая и без того перепуганного хозяина своим недобрый взглядом.

— Так говорю же, Ваша Светлость, ночью еще... — заплетающимся языком ответил тот. — Вскоре после того, как вы, Ваша Светлость пригласили к себе Аделину.

— Дьявол! — воскликнул Серж де Конфьян, отпустив незадачливого владельца постоянного двора. Смертельно бледный, он перевел взгляд на окно, где все еще продолжала лютовать метель.

— Что Игнис? — тихо спросил маркиз не своим голосом.

— Хворает, Ваша Светлость. Но я велел конюху укрыть его потеплее да отпаивать вином с настойкой из шалфея. Хуже оттого ему точно не станет.

— Где я могу купить коня? — ровно произнес он.

— Да почем мне знать, Ваша Светлость. Метель-то никак не проходит.

— Я спросил, где я могу сию минуту купить коня! — взревел Серж, чувствуя, что еще немного, и он разнесет этот окаянный постоянный двор со всеми его сырами, винами и шляхами.

— Да бери моего, только заткнись! — поднял со стола голову один из хмурых пьяных да не выспавшихся рыцарей.

Серж ошалело оглянулся на подавшего голос мужчину. Снял с пальца перстень и бросил на стол в качестве платы.

— Инцитат в конце конюшни. Гнедая упрямая скотина! — пробурчал рыцарь, заваливаясь дальше спать.

Оставалось дело за малым. Найти Катрин. Понять, куда она могла сбежать среди ночи в этакую метель. И молить Бога о том, чтобы она была жива, поскольку он не то что не сумеет простить себе ее гибели, он ходить по земле более никогда не сможет.

24 декабря 2015 года, Париж

— Вроде бы даже красивая елка, — повернулся Его Величество к Мари. — А если еще на нее надеть все эти... украшения, — кивнул он на два ящика елочных игрушек, которые после долгих поисков под руководством Мари были обнаружены в кладовке. — Показывай, что делать дальше.

Мари грустно улыбнулась и, встав с дивана, проковыляла к ящику с игрушками. Присела возле них и достала яркий, обманчиво-веселый синий шар. Глядя на него, она подумала о том, что еще немного и расплачется. Все это казалось неправильным и нереальным. Этого не могло быть! Не могло! Начиная с того проклятого утра, как она застала Мишеля с маркизой де Конфьян и заканчивая сегодняшними приготовлениями к Рождеству, когда вокруг нее рушится вся ее жизнь. Почему, черт подери, этот шар синий? Он не должен быть синим! Все вокруг могло быть либо белым, либо черным.

— Ты помнишь мой дом в Бретињи-Сюр-Орж? Чердак помнишь? Мы туда ходили за коробками... Ты там еще чуть не проболтался про ожерелье...

Мишель удивленно взглянул на нее. Подошел к ней и взял из ее рук шар. Красивый и яркий. Заглянул в коробку. Там было еще много таких. Красивых и ярких.

— Помню, конечно, — ответил он. — С чего ты вдруг?

— Там были самые лучшие на свете игрушки. Из моего детства. Некоторые из них еще довоенные — из детства бабушки. В смысле... У меня, конечно, не было бабушки, но матери моего приемного отца. Жаль, что я тогда так ничего и не успела оттуда перевезти. А теперь придется обходиться... этим.

— Не жалей. Эти тоже красивые. Должно получиться нарядно, — он помог ей сесть на диван. — Ты будешь говорить, что и как, я буду вешать.

А в следующем году для их сына игрушки она будет вешать уже одна. И почему-то эта мысль поразила ее. Поразила так сильно, что она изумленно посмотрела сначала на елку, потом на шар в руках Мишеля, а потом на него самого.

— Все просто. Берешь этот шар и цепляешь на любую ветку. Какая больше нравится. Этот можешь повесить где-то по центру. А потом, когда повесишь, подойдешь и поцелуешь меня. Это обязательно.

Его Величество сделал в точности, как она сказала — повесил несколько шаров. Посмотрел со стороны. Усмехнулся. Чего только не придумают!

— По-моему, красиво получается, — сказал он Мари, усаживаясь рядом с ней на диван. И поцеловал ее, как она и просила. Потому что и сам знал — это обязательно. Времени осталось совсем мало. Совсем... И поцелуй у него вышел печальный... безнадежный...

— Очень красиво получается, — тихо ответила Мари и оплела руками его шею. — Давай придумаем, что у нас будет на ужин. А еще надо решить с подарками. На Рождество у нас дарят подарки друг другу. Так полагается.

— Подарки? Что же я смогу тебе подарить?

Мари печально улыбнулась и устроила голову на его плече.

— Оставишь мне свой костюм, — хохотнула она. — Я буду его стирать и проветривать. Прости... дурацкая идея. Я не подумала. Беременность плохо влияет на мои умственные способности.

Он обнял ее за плечи и прижался губами к ее волосам. И в полной тишине глухо попросил:

— Мари, вернись со мной!

Вдруг все стало просто. Стоял ли выбор? Стоял ли он хоть минуту с того дня, как в ресторане семьи де Савинье она увидела его, склонившимся в настоящем рыцарском поклоне? Ведь она же сама сказала Маглору Форжерону, что пожалеет о том, что потеряла его в ту же минуту, как окажется на восемь веков вперед.

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

Мари подняла глаза и внимательно всмотрелась в его черты, будто замершие в ожидании ее ответа. И пересохшими губами прошептала:

— Видимо, придется. Кто-то же должен научить трезмонцев ставить эту чертову елку на Рождество. Посмотри... У тебя все шары с одного края. А справа пустота.

Он слышал ее — и не верил. Смотрел в ее глаза — и не верил. А потом сгреб ее в охапку и выдохнул:

— Правда?

— Правда. Так что можешь порадоваться за трезмонцев.

— Я рад, Мари. Очень рад. Я сделаю все, чтобы однажды ты простила меня.

— Вот как? — хмыкнула она. — Так, оказывается, тебя все-таки есть, за что прощать. Ну, ты и врун, Мишель...

Часы пробили полдень, перебивая ее. Мари тихонько хихикнула. И поцеловала короля Трезмонского.

И в этот самый момент с морозным ветром, распахнувшим балкон, в квартиру ворвался с развевающимися полами черного плаща Великий магистр Маглор Форжерон. И, воздевая руки к небу, воскликнул:

— Mentulam Caso! Вы с ума сошли! И решили свести с ума меня!

— Чем вы опять недовольны, Великий магистр? — спросил его Мишель, недовольный тем, что их с королевой уединение было нарушено.

А Великий магистр ткнул указательным пальцем ему едва ли не в нос.

— За каким чертом ты, дорогой племянник, все еще не ищешь Санграль?! Решил окончательно потерять ее?

Палец переместился на нос королевы Марии.

— При чем здесь Санграль? Мы вернемся с Мари домой, а Петрунель пусть ищет свой камень сам, если тот ему так нужен, — ответил Мишель.

— Вы же вернете нас домой, дядюшка Маг? — поморгав, спросила Мари.

— Нет! Не верну! — почти в отчаянии воскликнул Великий магистр Маглор Форжерон. — Треклятый Петрунель! Я никак не могу обойти его заклинание. Мари! Ты здесь в ловушке! Мне тебя не вытащить!

— Но это значит, что...

— Это значит, что Мишель, — палец снова переместился на нос короля, — вернется. А ты останешься здесь!

И Маглор Форжерон трагически развел руками.

— Это невозможно! — твердо сказал Его Величество. — Санграль может помочь, так?

— Только Санграль и может!.. Ну, либо ждать следующего Дня Змеинового, если, конечно, ты не профукал свое желание, Мишель. Только, боюсь, как бы к тому моменту Петрунель еще чего не придумал... почище истории с поцелуем маркизы.

Маглор Форжерон задумчиво почесал затылок, не обращая внимания, как напряглась и замерла Мари.

— Что значит «истории с поцелуем»? — озадаченно переспросил Мишель, забыв на время про Санграль.

— Некогда объяснять! Это вообще уже не важно! Нужно ехать за Сангралем! До вечера вы еще успеете добраться!

Тут не выдержала королева. Вскочив на ноги, она ткнула пальцем в нос Великого магистра и прорычала не своим голосом:

— Ну уж нет, дядюшка! Вот про поцелуй мне бы очень хотелось узнать!

Маглор Форжерон закатил глаза, скрестил руки на груди и убрал подальше от ее пальца свой нос. Так. На всякий случай.

— А разве могут быть варианты? Это все Петрунель. Пришлось изрядно порыться в заклинаниях, отпечатавшихся во времени. Этот богомерзкий выродок наложил заклятие. Король помнил, что ты прогуливаешься по саду каждое утро, и вместо маркизы увидел тебя. А маркиза помнила, как в этом саду целовалась с трубадуром, когда была еще невестой Мишеля. И вместо короля увидела трубадура. Только если вы уже помирились, то те идиоты все еще сходят с ума. Пришлось устроить им метель, чтобы маркиз не удрал в Бургундию — там собирают войско в Святую землю. Но думаю, к вечеру и они успокоятся. Правда, славно я все придумал?

— Славно. Безусловно, — Мишель бросил быстрый взгляд на Мари. — Надо будет обязательно рассказать маркизу правду о случившемся. Когда вернемся. Но сейчас, коль нам не обойтись без Сангралья, то нужно торопиться.

И тут Мари всхлипнула. Потом снова всхлипнула. И, наконец, бросилась на шею собственному мужу.

— Прости меня! — восклицала она, то смеясь, то плача. А Маглор Форжерон озадаченно смотрел на собственную неуравновешенную крестницу.

— Давно она такая? — спросил он у короля.

Мишель нежно прижал ее к себе и, улыбаясь, сказал:

— Не плачь, Мари! Все хорошо. Все разрешилось. Не плачь...

И перевел взгляд на Маглора Форжерона:

— Лучше расскажите, что вы знаете про этот Санграль.

— Это все гормоны, — глубокомысленно изрек Великий магистр.

Потом уселся в кресло, некоторое время смотрел на елку и, наконец, сказал:

— Санграль. Истинная кровь. Никто не знает, что это, как он выглядит и откуда взялся. Потом, когда все закончится, попросишь Мари рассказать тебе легенду о Святом Граале, но она имеет не так много отношения к тому, что есть на самом деле. Наш предок, Великий Белинус, повелитель дня и ночи, был хранителем Сангралья. Но потом темные силы едва не поглотили его. В день смерти дух великого мага возродился в Санграле, приумножив его силу. И с тех пор все разыскивают его. В нашей семье хранится единственная тайна, которая все еще связывает реальность с камнем. Новый хранитель Сангралья может быть только из рода великих магов, потомком Белинуса. Но при этом кровь его должна быть истинной, королевской. И имя его должно нести в себе Бога. Мишель — подобный Богу. Первая жена твоего отца была провидицей. В день их с Александром свадьбы она увидела тебя. И знала, что ты будешь Хранителем. И тебе суждено спасти камень от темных сил. И для тебя он будет светиться в три самые короткие ночи третьего года после наступления новой эры.

Сегодня — последняя ночь, Мишель. И если сегодня ты его не получишь, то он исчезнет навеки. И вечная ночь поглотит его. А двенадцать рыцарей и их повелитель, кстати, предок твоего отца и основоположник рода де Наве, охранявших Санграль, ждали зря.

Великий магистр Маглор Форжерон замолчал. В комнате было тихо. Только часы продолжали отшагивать это время, которое для всех присутствующих словно бы замерло. Мари подняла высохшие от слез глаза на Мишеля и, нарушив совершенную и торжественную тишину момента, сказала:

— Ну, ты крут!

24 декабря 1186 года, Трезмонский замок

Паулюс сидел в своей комнате на лавке и обреченно смотрел в широко распахнутые глазки Его Светлости. Как можно столько часов не спать? Как вообще с этим ребенком справляется кормилица? Или она потому и решила отдать богу душу, что этот монстр ее доконал?

Чуть похлопывая младенца ладонью, чтобы он хотя бы не хныкал, как всю прошедшую ночь, святой брат прикрыл на мгновение глаза. А когда открыл их снова, к своему великому удивлению и не менее великой радости он увидел, что юный маркиз... спит. Мерно посапывая в такт ладони монаха.

Паулюс тихонько поднялся и с величайшей осторожностью переложил Сержа на сундук. Счастливо улыбаясь, он уселся на край кровати, где дремала Лиз, и потерся носом о ее щеку.

— Лиз! Лиииз... Представляешь, он заснул!!! — прошептал он ей в самое ухо.

— Спаааать, — отмахнулась Лиз и повернулась на другой бок.

— Ну, давай спать, — Паулюс чмокнул ее и, крепко прижав к себе, улегся рядом.

«Море, — думала Лиз, покачиваясь на волнах, — теплое море... Какое нахрен море в Фенелле?»

А впрочем, может, и было море. Монахи даже не соизволили вывести ее на прогулку. Заточили в келье. Сунули в руки младенца и заперли в сундуке.... А ключ выбросили в море. Кстати! Дыру-то она в море забыла поискать!

Лиз забарахталась, пытаясь нырнуть поглубже, и наткнулась на что-то твердое, теплое и знакомое.

«Руки Поля!» — почти промурлыкала она. О! Что эти руки умели вытворять!

Лиз нежно потерлась щекой о его плечо и блаженно вздохнула. В море было очень хорошо.

«Спать, между прочим, некогда! — размышлял Паулюс, невесомо прикасаясь губами к лицу Лиз. — Надо искать эту дебильную дыру. Иначе нам никогда не придется больше спать, тем более, вместе»

Появление брата Ницетаса внушало серьезные опасения. Если Его Величеству не было интересно, что происходит в комнате монаха, а Барбару можно провести и задобрить венчанием, то этот убежденный поборник истинной христианской веры их в покое не оставит. Еще и брата Ансельма приплетет.

Монах снова взглянул на Лиз. Как глупо терять время, когда оно на особенном счету, а благородное чудовище преспокойно дрыхнет на сундуке. Стянув с себя скапулярий вместе с сутаной, он занялся платьем своего «привидения».

— Ох уж эти монахи... — сонно прошептала Вивьен Лиз, все еще находившаяся во власти сна. Резко распахнула глаза и уткнулась взглядом в лицо того монаха, который любимый, нависавшего над ней с самыми очевидными намерениями. Лиз быстро осмотрелась по сторонам, и, обнаружив отпрыска трубадура на сундуке, спящим, как младенец, она оценила ситуацию и сделала правильный вывод.

— Только трусики на мне рвать совсем не обязательно, брат Паулюс, — шепнула она и тихонько засмеялась, чтобы не разбудить юного аристократа.

— Я постараюсь, — хохотнул Поль, не без труда стягивая с Лиз котт и думая, как быстрее избавить ее от камизы. Может быть, в 21 веке так и не шьют, но с одеждой там разобраться куда как проще, не считая иногда большого количества крючочков на чем-то таком причудливом, название чего он пока еще не запомнил.

Не придумав ничего оригинального, Паулюс рванул ткань. Заменить испорченную камизу будет уже нечем, но, определенно, это мало волновало святого брата в данный момент. Его заботило совершенно другое.

Он перекатил Лиз себе на живот и, слабо соображая от фантазий, будоражащих его тело, смял ее губы жадным соскучившимся поцелуем.

В голове Лиз зазвенело — от объятий у нее всегда звенело в голове, и это было ни с чем не сравнимое ощущение. И она далеко не сразу услышала истошный вопль откуда-то с прохода и, тем более, не определила на слух голос вопившего:

— Грешники! Богомерзкие грешники! Ад да разверзнется у ложа твоего, недостойный брат Паулюс! Небо да обрушится на тебя и на твою блудницу!

Через минуту к воплям Ницетаса, изрыгавшего проклятия, добавился не менее истошный вопль Сержа-младшего. И, судя по громкости, проклинавшего присутствующих не менее яростно.

Паулюс обреченно вздохнул, сел на постели и проворчал:

— А тебя, брат Ницетас, Бог накажет за твою злобу к ближнему. Вот чего ты кричишь? Ребенка вон разбудил.

Но брат Ницетас был в ярости. Только задержал внимание на том, как Лиз, обернувшись одеялом, бросилась к младенцу, рассердился еще сильнее от вида ее тонких стройных ног и мрачно и торжественно объявил:

— Ты сам вынудил меня к этому, брат Паулюс! Сразу после Рождественской службы ты со мной возвращаешься в Вайссенкройц! И замаливать тебе свое грехопадение до самой смерти — в стенах нашего славного аббатства. Ибо нет к тебе больше доверия! О, как будет разочарован брат Ансельм, этот божий человек, вырастивший тебя!

Брат Ансельм, конечно, будет разочарован, в этом Паулюс не сомневался. Его воспитатель был хорошим и добрым человеком. Монах глянул на Лиз, пытающуюся успокоить младенца, и медленно почесал затылок.

— У тебя нет прав распорядиться мной, — наконец ответил он Ницетасу. — Вот призовут меня из обители — я и поеду. А покуда оставь меня в покое. Или еще лучше возвращайся-ка ты сам в Вайссенкройц прямо сейчас. И службу праздничную, и венчание я и сам справлю.

— Коли я и вернусь в Вайссенкройц один, то тотчас обо всем будет донесено брату Ансельму, — вкрадчиво заявил благочестивый брат, — и начнется немедленное разбирательство с твоим привидением. Если оно, конечно, привидение.

Лиз бесстрашно посмотрела на брата Ницетаса.

— Конечно, привидение! Неужели ты, святой брат, считаешь, что брат Паулюс согрешил бы с живой женщиной? А про привидений в Писании ничего не сказано! Наверное...

Последнее слово прозвучало не слишком уверенно.

— А вот приедет сюда посланец от папы Луция, он и пояснит, сказано или нет. Но сперва проверит, привидение ли ты. Блудницы от раскаленной кочерги вопят, как от пламени адова.

Паулюс медленно поднялся на ноги и посмотрел прямо в глаза брата Ницетаса.

— Если ты, святой брат, сейчас же не уберешься из моей комнаты, от раскаленной кочерги завопишь ты.

Нет, брат Ницетас несколько не испугался. Было бы кого бояться! Истинный посланник Господа, он осенил крестным знаменем непокорного раба Божьего брата Паулюса и проговорил:

— Собирайся, брат мой. Иного пути у тебя нет и быть не может.

И ушел от греха подальше.

Глядя на закрывшуюся дверь и покачивая ребенка, Лиз глубокомысленно изрекла:

— По-моему, у нас проблемы, к которым жизнь меня не готовила. Меня ведь к тебе в монастырь не пустят, да?

24 декабря 2015 года, аэропорт Орли

Аэропорт Орли был переполнен. До ужина оставались шансы попасть на другой конец страны, а то и за границу. И встречать Рождество там. С семьей, с друзьями. Или просто на крутой вечеринке. Толпа двигалась суетливо и задорно. Чемоданы на колесиках радостно постукивали. Каблуки поцокивали. А смех и болтовня доносились отовсюду. Все-таки Сочельник.

Среди всей этой праздничной суматохи живописно выглядела одна пара — молодая беременная женщина и ее, по всей видимости, супруг в темном плаще на меху в духе средневековых рыцарских романов. Она тащила его за руку. Он тревожно оглядывался по сторонам. Багажа при них не было.

— Посадку на наш рейс уже объявили! — ворчала она и торопилась еще сильнее. — Мы успеем, обязательно успеем! Я не хочу сидеть здесь целый год, пока ты сможешь загадать желание у Змеи! А даже если и не год, и ты вырвешь меня из сегодняшнего дня, то все равно год придется ждать тебе! Так что мы обязаны успеть!

Мишель вполуха слушал щебетание жены, с любопытством оглядываясь вокруг. Двери, которые сами открывались. Лестницы, которые сами двигались. Увидев такое, согласишься не только в чудеса.

Но когда Мари тащила его вдоль больших окон, он увидел огромных белых птиц, стоящих, двигающихся и... взлетающих. Мишель с опаской посмотрел на жену:

— Это что?

— Самолеты, — отмахнулась она. — Мы на таком полетим.

И вдруг остановилась, только сейчас сообразив, что он видит их впервые. И так же она вдруг поняла, что он имел в виду, когда сказал, что в этом времени он будет казаться таким же сумасшедшим, как она казалась в Фенелле. Мари внимательно посмотрела в его глаза и мягко сказала:

— Ими управляют люди. И перевозят на них людей. В моем мире это нормально. Мы летаем. И ты полетишь.

— Как птица? — удивленно спросил Мишель.

— Нет, — улыбнулась Мари. — Ты будешь сидеть в кресле и смотреть в окно. И земля внизу будет маленькая-маленькая, как если забраться на вершину одной из гор вокруг Трезмона. Даже еще меньше. Тебе понравится. Крыльями самолет не машет. Он, вообще, из железа. Кстати... Там и пообедаем.

Мишель кивнул. Он послушно шел за Мари, стараясь особо не говорить и уж точно не задавать глупых вопросов. У длинного стола он, так же, как и она, показал любезно улыбающейся девушке какую-то грамоту, которую перед выходом из дома ему вручил Маглор Форжерон. Через длинный круглый коридор, напоминающий трубу, они прошли в самолет. То была узкая длинная комната с бесчисленным количеством кресел.

Мари нашла их места. И в ужасе раскрыла рот. В их ряду с краю вальяжно расположился... Алекс Романи. Тот не менее ошалело смотрел на Мари и Мишеля. И, наконец, сказал:

— А я к маме лечу... в Тулузу...

Мари коротко кивнула, с опаской посмотрела на Мишеля и спросила:

— Ты к окошку? Или я?

И замерла, ожидая ответа. Если она сядет возле Алекса, то супругу это точно не понравится. Если возле Алекса сядет Мишель, то... то как бы не дойти до смертоубийства.

— У окошка сядешь ты, — твердо заявил Его Величество, пропуская Мари вперед.

Она вся сжалась и медленно, будто во сне, прошла к круглому окну. Села в кресло и посмотрела на мужа. Алекс же наблюдал за ней очень внимательно и, наконец, выдал:

— И не боишься же ты в таком положении летать!

— Не боюсь! — пискнула Мари, ожидая, когда король сядет рядом.

Мишель, не глядя на Алекса, прошел мимо него и молча сел между ним и Мари.

— А вы в какую сторону? — бодро спросил Алекс и тут же ступевался. — Я в смысле, что... С утра елку покупали, теперь в Тулузу... А я... я просто к маме. Мари, ты же помнишь, у меня мама в Тулузе... вот...

Он совсем поник и стал возиться с ремнем безопасности.

— Помню, — буркнула в ответ Мари.

Мишель сосредоточенно наблюдал, что делает Алекс и, обнаружив в своем кресле такой же пояс, стал делать то же самое.

— А давно вы женаты? — предпринял новую попытку Алекс.

— Мы отметили первую годовщину нашей свадьбы, — не глядя на него ответил Мишель.

Алекс бросил обвиняющий взгляд на Мари. Она же, чувствуя себя чрезвычайно неловко, уставилась в окно.

Включились динамики, и после короткой благодарности за пользование услугами авиакомпании начался инструктаж о поведении в чрезвычайных ситуациях.

— Вообще-то, мне ужасно не везет с женщинами, — проговорил Алекс, но, кажется, уже Мишелю.

— Случается, — бросил тот и взял свою королеву за руку. Посмотрел в окно и вдруг заметил, как в нем быстро начинает пропадать земля. Он крепче сжал ладонь супруги. Нельзя было сказать, что Его Величество боялся, но особой уверенности в последующих часах своей жизни он не испытывал.

Мари легонько пожала его пальцы, толком не понимая, куда деться от болтовни Алекса. Тень бывшего преследовала ее второй день подряд. Они, когда встречались, кажется, виделись реже! И она никак не могла взять в толк, почему еще год назад сходила по нему с ума.

— В самом деле, — продолжал болтать Романи, — если задуматься, то я бы уже давно женился. Но вокруг так много прелестных женщин. И при этом ни одна из них не вызывает желания относиться к ней серьезно... Вы меня понимаете?

Кажется, этот вопрос тоже был задан Его Величеству.

— Не понимаю, — усмехнулся Мишель.

— Поймете! — уверенно кивнул Алекс и снова многозначительно посмотрел на Мари.

В конце концов, это стало невыносимым!

— А как же Вивьен Лиз де Савинье? — выпалила она, даже не успев прикусить себе язык.

Алекс недовольно поморщился и уныло посмотрел на Мишеля.

— Там совсем печальна история. Не знаю даже, что хуже... Женщина, которая будучи замужем, обманывала меня несколько месяцев... Хотя я и не знаю, какие у вас там порядки

в семье... Или женщина, которая мне предпочла сумасшедшего!

Мари недоуменно посмотрела на него.

— Сумасшедшего? — переспросила она.

— Вообразите, — не обращая на нее внимания, Алекс продолжал вещать в уши Мишеля, — ради нее я бросил Мари.

— Но мне об этом не сказал, — встала Мари, — кстати, ключи верни.

— А она неизвестно откуда вытащила этого... — Алекс рассеянно полез в карман и стал перебирать в нем какую-то мелочь. — Поля Бабенберга! Он совершенно ненормальный. Уверен, что он — средневековый монах! Это мне Софи говорила... сестра Лиз. Мы общались... Некоторое время...

— Кто монах? — Мишель с любопытством посмотрел на не замолкающего Алекса.

— Поль Ба-бен-берг. Парень Вивьен Лиз. Они уже почти месяц вместе. Ну, так вот он из Васин... Васан.... Кройца какого-то.

— Вайссенкройц! — воскликнул Его Величество.

— Точняк! — обрадовался Алекс. — Он этот... как его.... Вроде вегетарианца, но про цистерну...

— Цистерцианец... — Мишель повернулся к Мари и сказал: — Теперь понятно, где пропал брат Паулюс.

— А он как здесь оказался? — изумилась Мари.

— Ну так вот, — продолжал Алекс. — Этот чудик теперь таскает ее по всем подряд развалинам, говорят, ищут какой-то замок. Кажется, сумасшествие заразительно. В общем, с женщинами мне не везет.

— Черт его знает, — пожал плечами Мишель, не обращая внимания на Алекса. — Может, вместо тебя? Хотя уверен, милейший дядюшка знает точный ответ.

— Господи, — выдохнула Мари, — он нашел здесь девушку... Лиз! С ума сойти... Впрочем, от нее и не такого можно ожидать...

— Да? — усмехнулся де Наве. — Наш Паулюс не робкого десятка, да и монах, честно говоря, из него был не самый прилежный.

С обалдевшим взглядом Алекс слушал, о чем говорит семейство де Наве, и хлопал глазами. Мари едва сдерживалась от того, чтобы не рассмеяться.

— Видишь, — шепнула Мари мужу, — здесь совсем не страшно. Твой Паулюс даже личную жизнь устроил, а ты волновался, что здесь бы не сумел. Но сейчас, как вполне приличный человек, летишь в самолете. И даже не визжишь, как та дама впереди.

Впереди действительно сидела дама, охавшая и ахавшая всю дорогу. Она ужасно боялась перелетов.

24 декабря 1186 года, Трезмон

Куда маркиза ехала сквозь метель, она и сама не знала. В крошечной тьме, под завывания ветра она сердито погоняла коня. И единственное, чего желала сейчас, оказаться как можно быстрее и как можно дальше от постоянного двора, от Сержа, от самой себя, которая стояла в темном коридоре и неотрывно смотрела на губы мужа.

Она не замечала ни морозного ветра, пронизывающего до самых костей, ни колючего снега, который вьюга яростно кидала в лицо полуночной путнице. Она видела перед собой обезображенное гневом лицо супруга, приказывающего ей вернуться, и девицу, бесстыдно льнущую к нему.

Катрин зло хлестнула Фабиуса, тот обиженно дернулся, и через мгновение она поднималась с земли, потирая плечо, которым сильно ударилась при падении. Приглядевшись, она с ужасом поняла, что упала в какой-то овраг. Крикнула, что было сил. Но некому было ей ответить в такой час и в такую погоду.

Яма, в которой оказалась маркиза, была хоть и не очень глубока, но вылезти самостоятельно у Катрин не получалось. Края ее были совершенно голы, ухватиться маркизе было не за что. Нет, она глупее утки! Угодить невесть куда. И ей повезло, что здесь нет капканов или кольев. Катрин сердито нахмурилась и сделала еще один круг по яме, вновь убеждаясь, что выхода из нее нет.

Села, подтянув колени к подбородку и обняв их руками, склонила голову. Через некоторое время спасительный сон стал одолевать Катрин. Непокрытую голову и плечи начало заметать снегом. Ну и пусть замерзнет здесь. Она все равно уже мертва. Мертва с той самой минуты, как муж оттолкнул ее от себя под липой в саду Трезмонского замка. И даже весть о том, что маленький Серж не единственный сын ее супруга, не причинила ей большой мучки. Скорее горечь и чувство уязвленного самолюбия. Может, та, другая, женщина сделает маркиза счастливым.

Неожиданная мысль пронзила ее до самого сердца. Она оживилась, вскочила на ноги и стряхнула с себя сон, дарующий обманчивое благополучие. Маленький Серж! Она должна выбраться отсюда ради него. Маркиз де Конфьян может жить, с кем ему заблагорассудится, но сын Катрин никогда не окажется под одним кровом неизвестно с кем.

Она снова окликнула возможного путника. Лишь вой метели отозвался в ответ. Маркиза потерла ладонями плечи, пытаясь согреться, и позвала Фабиуса. Только бы конь не ушел далеко. Если хоть кто-нибудь заметит жеребца без всадника, тогда у нее есть надежда, что она будет спасена. Услышав пофыркивание Фабиуса неподалеку, она немного успокоилась и принялась мерить яму решительными шагами. Три шага в одну сторону, три шага обратно. Ей досаждали саднящие от заноз ладони, и ныло ушибленное плечо. Ей было ужасно холодно. Но она думала о своем сыне, о том, как доберется до Фенеллы и увезет его, и продолжала ходить. Раз, два, три... Раз, два, три...

Раз, два, три... Раз, два, три... Бог его знает, что он считал. Уж верно не удары сердца. Сердца своего он не чувствовал. Этот бег неизвестно куда перебивал все чувства. Так куда она могла податься одна, в темноте, когда нет никакой дороги?

«Навстречу собственной гибели», — ехидно отвечал ему внутренний голос, но хрип начинавшего уставать Инцитата перебивал этот голос. Конь был плохо управляемым. Но

зато довольно резвым.

Неожиданно где-то впереди Сержу послышалось лошадиное ржание. Он приподнялся на стременах, оглядываясь по сторонам и, наконец, различил посреди бесконечного белого снега, метущего будто со всех сторон, мешающего дышать, превращающего сам воздух в ад, силуэт лошади.

— Фабиус... — шепнул Серж.

Погнал туда, молясь лишь, чтобы всадник был где-то рядом. Сердце оборвалось. Всадника не было.

— Катрин! — что есть силы, закричал маркиз де Конфьян, перекрывая вой ветра. — Катрин!

Ее могли найти проезжающие мимо крестьяне. На Фабиуса могли позариться далеко не малочисленные в этих местах разбойники. Ее крик о помощи мог услышать одинокий путник. Так за каким дьяволом в поле, или где там, кричит маркиз де Конфьян! И можно подумать, он хотя бы вполтину так взволнован, как звучит его голос.

Катрин вздохнула и нахмурилась. Но выбора у нее не было. Ей нужно выбраться отсюда.

— Серж! — выкрикнула она и помахала здоровой рукой, которую должно быть видно из этой проклятой ямы.

— Господи, Катрин! — донеслось до нее. И, наконец, маркиз показался у края. — Жива!

— Жива, — проворчала маркиза. — Вы уж простите, мессир, что не оправдала ваших ожиданий.

Серж опустился на колени и протянул ей обе руки:

— Ты сможешь подтянуться? Или я спущусь и подсажу! — крикнул он.

— Еще не хватало, чтобы мы застряли здесь вдвоем! — фыркнула Катрин и вложила свои ладони в его, поморщившись от боли в плече.

Он дернул ее на себя, и они оба оказались лежащими в снегу. Странно. Он снова чувствовал сердце. Оно колотилось, будто обезумев, и весь ужас, произошедший за последние несколько часов, навалился на него неподъемной тяжестью.

— Мы немедленно возвращаемся на постоянный двор, — проговорил он, чувствуя, что не способен сказать больше ничего. Потому что иначе сказано было бы слишком многое.

Катрин молча кивнула, стиснув зубы. Спорить сейчас она бы не смогла. От резкого рывка плечо теперь горело огнем. И больше ничего, кроме этой боли, она не чувствовала, так сильно замерзла за часы, проведенные в яме. Маркиза высвободила свои руки. Стараясь не смотреть на Сержа, с трудом поднялась на ноги и двинулась к Фабиусу.

Неожиданно на плечи ей легла тяжелая, отороченная мехом, ткань. Дрожащими пальцами Катрин стянула ее у шеи и обернулась к маркизу.

— Спасибо, — произнесла она вдруг охрипшим голосом. — Теперь вы сами остались без плаща.

— Чем скорее мы отправимся, тем меньше вероятность околеть, — бросил он, подошел к Фабиусу и быстрыми движениями привязал его повод к сбруе Инцитата. — Ехать, уж простите, будете со мной. Вы едва на ногах стоите.

Это было правдой. Если уж она вчера не удержалась в седле, сегодня в него даже взобраться бы не смогла. Потому и стояла теперь в стороне, наблюдая за ловкими движениями мужа.

— Где Игнис? — спросила Катрин первое, что пришло в голову, только бы не молчать.

— Пьет вино с настойкой из шалфея, — обронил Серж, порывисто обернулся и несколько мгновений смотрел на нее так, будто все еще не верил в то, что это, в самом деле, она. И, чувствуя, как его собственные глаза начинает пощипывать от слез, подумал только: «Это от снега и ветра». А потом рывком бросился к маркизе, сгреб в объятии и жадными поцелуями стал покрывать ее лицо. И в голове билось единственное: «Жива!».

Резкий вскрик раздался, как только он сжал Катрин в своих руках. А черты ее перекошились гримасой. Серж выпустил жену и испуганно осматривал лицо, будто пытался понять, что вновь сделал не так.

— Что с тобой? — только и смог спросить он.

— Ничего, — зло буркнула маркиза. — Едемте. Вы сами настаивали, чтобы мы поскорее тронулись в путь.

Да, у нее болело плечо от малейших прикосновений. Но она не желала, чтобы он прикасался к ней губами, которыми несколько часов назад целовал гулящую девку с постоянного двора.

Маркиз ничего не ответил. Подхватил ее на руки и устроил на лошади. После сел в седло сам, и они тронулись.

Когда, часом позже, он внес Катрин на руках на постоянный двор, хозяин только стукнул себя по лбу, а сидевший на проходе в харчевню, откуда все было видно, фрейхерр Кайзерлинг лишь глубокомысленно изрек:

— И все-таки, уверяю вас, мессир, нет на земле ничего лучше доброй мужской дружбы!

24 декабря 2015 года, Монсегюр

Они ехали вдоль отрогов Пиренейских гор по дороге от самой Тулузы, где взяли напрокат машину. Мари решительно отказалась от поездки в поезде. Ее сложно было отговорить от удовольствия в последний раз погонять на авто. А она действительно гоняла. Глаза ее горели от восторга и, кажется, она совершенно позабыла о том, что это вовсе не увеселительная прогулка. И ей было все равно, что погодные условия круто изменились. Легкий утренний мороз здесь сменился настоящим снегопадом, отчего дорога была далеко не самой простой. Особенно после года отсутствия практики вождения.

— Ну, круто же! — взвизгнула она на очередном повороте, скользя колесами по асфальту, и посмотрела на Мишеля. — Я думаю, мы почти приехали.

Она указала рукой по направлению показавшегося вдалеке заснеженного холма с остроконечной вершиной — угадывался силуэт полуразрушенной крепости.

Его Величество отвлекся от разглядывания мелькающих за окном деревьев и посмотрел на холм. Сквозь валивший без остановки снег было почти ничего не видно. Он вдруг испытал странную тревогу, подумав о том, что будет, если не найти Санграль.

Мишель взглянул на Мари и спросил:

— Что там теперь?

— Просто стены. Просто развалины. Экскурсии для туристов.

Она почему-то подумала, что это безумно грустно, когда в тех стенах, где он мог жить, проводят экскурсии. И бродят туристы. Была в том некая безысходность.

— Хорошо, что от Фенеллы ничего не осталось, — вдруг сказала она.

Мишель задумался. Хорошо ли это, когда о тебе не помнят, не знают?

— Что такое экскурсии для туристов? — переспросил он, отбрасывая глупые размышления в сторону. Не до них нынче.

— Ничего интересного. Бродят люди по развалинам, а им рассказывают, какой камень что означал когда-то.

Впрочем, что такое экскурсия королю Мишелю I Трезмонскому пришлось узнать уже спустя двадцать минут. Припарковав автомобиль на стоянке у подножия холма, они присоединились к группе туристов, направлявшихся к крепостным стенам, где их ожидал гид. Шел снег и странным казалось уже то, что в Сочельник вообще нашлись желающие бродить по крепости.

Гид стоял в яркой зеленой куртке и шапке, напозавшей на глаза и скрывавшей седые брови и... огромную бородавку. На куртке же красовалась брошь повелителя времени.

— Рад приветствовать вас на земле, где свое последнее пристанище нашли катары и трубадуры Лангедока! — объявил Петрунель, буравя взглядом короля Мишеля.

— Почему меня совсем не удивляет, что вы здесь, мэтр? — спросил, усмехнувшись, тот. — Может, не станем тратить время на разглядывание развалин, и вы сразу покажете, где искать Санграль?

— Я, дорогой мой брат, на работе, как видите. И Санграль раньше захода солнца не покажется. К тому же я не знаю, как он выглядит, иначе к чему бы я просил вас о помощи? — засмеялся Петрунель и посмотрел на королеву Мари. — Ваше Величество! Рад видеть вас в добром здравии.

— И вам не хворать, мессир, — коротко кивнула королева.

— Ну, так что? Будете про катаров слушать? Или мне удалиться с этими господами без вас?

— Да уж расскажите нам, чем трубадуры не угодили... А, кстати, кому они там не угодили? — проворчал Мишель.

— Да уж не королям, целовавшим их жен. Церкви, дорогой брат. Церкви. Попали под раздачу, когда катары свое отхватили.

Мари сердито хмыкнула, но тут же улыбнулась и пожала руку Мишеля.

— О! Как я погляжу, в венценосном семействе перемирие! — радостно воскликнул Петрунелъ и едва не захлопал в ладоши.

— Вы, мэтр, помолчали бы про королей и жен трубадууров. А то ведь я могу и не сдержаться, — он сжал руку жены в ответ. — И что же было дальше?

Петрунелъ улыбнулся и буркнул:

— Ааааа... Драгоценный дядюшка уже развязал этот клубок. В таком случае, прошу великодушно простить.

Он обвел взглядом замершую экскурсионную группу. Вся толпа как будто зависла во времени и застыла в тех позах, в каких застало их Межвременье. А теперь, казалось, они проснулись и стали переговариваться между собой. Тем это было удивительней, что снег теперь уже валил без остановки и превращался в метель. Но они словно не замечали ее.

— Итак, господа, посмотрите на подножье холма. Все завершилось там. Катары, не отрекшиеся от своей веры, и трубадуры, поддерживавшие их, были сожжены на кострах, озаривших Монсегюр. Таков был итог альбигойского крестового похода, десятилетиями сотрясавшего Лангедок, залившего кровью юг Франции и допустившего его разграбление. Но по легенде накануне ночью четверо Совершенных в своей вере вынесли из крепости Святой Грааль. Может быть, это только символ, может быть, их и не было вовсе. Может быть, где-то здесь он все еще хранит вечность... Или был сожжен вместе с катарами и трубадурами. Кому как больше нравится, господа.

У подножия был лишь заснеженный пустырь с огромным камнем, установленным в память о сожженных. Петрунелъ смотрел туда и будто бы что-то видел. А потом тихо сказал, обращаясь к Мишелю:

— Это было в 1244 году. И есть вероятность, что вы, дорогой брат, сможете еще застать это время. Дай вам Бог долгой жизни. Потому что на это стоит посмотреть.

Задумчиво слушая Петрунелю, Мишель с ужасом представлял произошедшее. И как скоро все это случится. И как близко случившееся от его Трезмона. И как он может что-то изменить. Если может.

— Начинает смеркаться, — наконец сказал он мэтру. — Возможно, камень скоро явит себя.

— То есть представление вам поднадоело? — усмехнулся Петрунелъ. Щелкнул пальцами, и туристическая группа развеялась, будто ее и не было. Остались только следы на снегу.

— Куда вы их дели? — тихо спросила Мари.

— Они в аэропортах своих городов. Рейсы отменили из-за нелетной погоды. Их здесь и не было.

24 декабря 1186 года, Трезмонский замок

Нет, не были обитатели замка короля Трезмонского приветливы с братом Ницетасом. А едва прознали, что собрался он увезти брата Паулюса в святую обитель, так и вовсе ополчились против него. Кухарка отказалась подавать ему на обед телятину, выдав лишь тарелку похлебки, довольно пресной на вкус, какой кормят только слуг. И совсем постной. А молодой организм брата Ницетаса просил еды пусть простой, но сытной.

Вина старая Барбара не дала ему вовсе.

«Завтра праздник, завтра и получишь свое вино, как только брат Паулюс проведет рождественскую службу!» — объявила она во всеуслышание. И возражать возможным не представилось. Все эти люди скорее пропустят службу, чем придут не к любимому своему святому брату.

Шарль-мясник отказался помочь с заготовками солонины для аббатства. Это стало страшным ударом для брата Ницетаса. Ведь он так рассчитывал договориться с Шарлем об этом и уже растрепал в Вайссенкройце, что непременно найдет со старым мясником общий язык.

Конюший не согласился выполнить поручение подготовить клячу для брата Паулюса, которую выпрашивал брат Ницетас, чтобы забрать того с собой.

«Будете вы гореть с ним в аду!» — огрызнулся бедный монах и поплелся на кухню.

Причина же всех его бед, святой брат Паулюс сидел там в одиночестве, пил вино из глубокой чаши и глядел на него в упор.

Растерялся бы брат Ницетас от такого взгляда, если бы не был уверен в том, что истинный Бог — с ним. Потому, достойно выдержав взгляд брата Паулюса, прошел он в кухню и сел напротив.

— Это все только во благо твоей бессмертной души, Паулюс Бабенбергский! — объявил брат Ницетас, с тоской глядя на кувшин с вином.

— С чего ты это вдруг так озаботился моей бессмертной душой? — хмуро спросил его Паулюс. — Славы земной ищешь? Мечтаешь попасть в тесную компанию святых?

Он отхлебнул вина из чаши и, заметив тоскливый взгляд собрата, добавил:

— Знатное вино! Лучше, чем у брата Ансельма, ей богу!

Брат Ницетас шумно сглотнул подступившую слюну и бросился в бой, самый праведный бой, какой можно себе представить — бой за душу заблудшего монаха.

— Что ж, я не враг тебе, брат Паулюс! Вовсе не враг! Но столь долго живя в отдалении от святой обители, ты позабыл, кто ты и где твое место. А место твое, добрый мой брат, это вера в Господа Бога нашего. Я всего лишь должен напомнить тебе об этом. Не стану спорить, — замахал он руками, — привидение твое очень красивое. И всякого введет во искушение. Тем скорее ты должен отбыть в обитель, чтобы не успел грех корни пустить в твоей душе! Только о том и прошу тебя!

Паулюс ничего не ответил на душеспасительную речь Ницетаса. Он лишь сделал еще один глоток из чаши, по-прежнему не отводя взгляда от разглагольствующего монаха.

— Пробовал ли ты для усмирения плоти носить вериги, брат Паулюс? — предпринял новую попытку брат Ницетас.

Паулюс вздохнул, допил вино и встал из-за стола. Лиз права, у них проблемы. Дыру они

так и не нашли. Этот полоумный, похоже, решил взяться за его бессмертную душу всерьез. В одиночку им не справиться. А еще есть юный маркиз, который не дает ни минуты покоя и возможности всерьез подумать.

В размышлениях о суровых испытаниях, уготованных им судьбой, Паулюс двинулся из кухни. Но в самых дверях он столкнулся с почтенной Барбарой, пребывавшей в самом романтическом настроении в преддверии собственной свадьбы.

— Ах, вот вы где, бездельники! — пробасила невеста. — Ступайте кто-нибудь к кормилице Его Светлости! Второй день Генриетта молит об исповеди. Не иначе совсем плоха бедняжка! Брат Ницетас! Что ж ты сидишь! Там душа непрощенная чуть ли не отлетает!

Брат Ницетас подскочил на ноги и, подобрав скапулярий, бросился вон из кухни, крикнув напоследок:

— Господь милосердный, благодарю за то, что не оставляешь меня без дела моего!

— Чисто юродивый! — бросила ему вслед старая Барбара.

— И впрямь чудной, — подтвердил Паулюс и улыбнулся кухарке: — Только мне от этого чудного, похоже, беды одни на голову будут. А ты ведь предупреждала...

— Лиз твоя все мне рассказала, — доверительно шепнула кухарка.

Разговор между ней и Лиз состоялся в тот момент, когда кухарка зашла проведать Его Светлость и нашла привидение, которое, как догадывалась Барбара, никакое не привидение, ревущей в унисон с юным маркизом.

Не выдержало размягченное личным счастьем большое и доброе сердце старой Барбары, и сказала она привидению:

«Что ж ты, девонька?»

А девонька шмыгнула носом и проревела:

«Как же я буду без него, Барбара?»

И поведала ей историю о том, как встретились они в дальних странах, да так и не смогли уже расстаться.

— Любишь ее? — спросила она брата Паулюса.

Паулюс от удивления открыл рот и потерял дар речи. На время. А собравшись с мыслями, заикаясь, пробормотал:

— Лю... люблю!

Барбара только кивнула, будто и не ожидала иного ответа:

— Не даст он вам, ирод, жизни! Бежать вам надо!

— Куда только? — все-таки загоревшись идеей, живо спросил Паулюс. — Коней можно и на конюшне одолжить, да вот... обстоятельство тут есть одно...

Лиз говорила, что «портал» обязательно где-то в кухне. Если они сейчас уйдут, то могут уже никогда не вернуться в образцовый Париж. А Паулюс теперь был совершенно уверен, что им необходимо вернуться. Лиз здесь грозили ужасные опасности.

— Я должен посоветоваться с Лиз.

— Ах, молодость, молодость, — довольная, проворчала Барбара. — Посоветуешься, когда окажешься подалее отсюда! Кузина Никталь перед тем, как исчезнуть в болотах, передала мне несколько рецептов своих зелий. Подпоим брата Ницетаса, подсунем ему нашу Полин — он ей очень уж понравился. А он ведь тоже молод и горяч, хоть и хочет прослыть святошей. Коней вам Филипп выдаст самых лучших. Его Величество, конечно, рассердится, но, когда узнает, по какому делу, так возражать не станет. Переночуете на постоялом дворе

«Ржавая подкова» — Шарль сопроводит вас туда под видом купцов, он доставляет туда солонину, и вас доставит, а после убежите куда подальше. Да хоть в Париж!

Он бы и рад подальше, да только из «Ржавой подковы» они туда точно не попадут.

— Хорошо, Барбара, — согласился Паулюс. — Ты славно все придумала. Не зря говорят, что у тебя большое и доброе сердце. Спасибо тебе.

Он расцеловал ее в обе щеки.

— А коней мы потом обязательно обратно пришлем Его Величеству. Передай, пусть не беспокоится. Жаль вот со Скрибом я так и не повидался. И куда его нелегкая понесла в такую погоду?

— Как куда? — удивилась растроганная Барбара, утирая скупую слезу. — В Святую землю. Больше ведь некуда. Жена-то его ему неверна. Ступай и ты собирайся! Генриетта долго не протянет — актриса из нее никудышная, а идет она на поправку полным ходом. Долго брат Ницетас у нее не задержится. Ну да уж я в благодарность за его заботу угощу его лучшим своим медом!

24 декабря 2015 года, Монсегюр

Ей совсем ничего не было видно. Валивший снег залеплял глаза. Тяжелые тучи скрывали и луну, и звезды. Она чувствовала только руку своего мужа и только ветер, бьющий в лицо. Ей не было страшно, но мучительно тягостное чувство поселилось в ней в тот момент, когда они остались одни с Петрунелем в этот вечер. И самое ужасное — усталость от этого бесконечного сумасшедшего дня. Впрочем... она сама была виновата. Потому что нечего сбегать всякий раз, когда муж целует другую женщину. Имея таких родственников, можно предполагать, что глаза лгут ей.

— Мы похожи на идиотов, — проворчала Мари. — Может быть, Совершенные все-таки вынесли его из крепости? Здесь же совсем ничего не видно!

— Вы и не увидите его, Ваше Величество. Санграль способен видеть лишь вас венценосный супруг.

— Который вашей милостью вечно попадает в дурацкие ситуации, — буркнула королева и тихонько ойкнула — потому что на восьмом месяце беременности бродить по крепостям в скалах среди ночи не стоит тоже!

Мишель бросил быстрый взгляд на Мари.

— Потерпи еще немного, — он тоже не видел ничего в сплошной снежной пелене. И к своему ужасу начинал испытывать странную беспомощность от того, что вынужден плясать под дудку Петрунеля. — Может, еще не совсем стемнело?

Они шли вдоль остатков крепостных стен, единственных оставшихся свидетелей далеких и страшных дней. И Его Величество отчаянно молился богу, чего давно уж не делал, чтобы они все же нашли этот камень и смогли, наконец, вернуться домой.

Камень... камень... Лампа!

И вдруг он увидел, как сквозь метель среди камней, из которых была сложена стена, поблескивает огонек. Крошечный, едва заметный, попавшись ему на глаза, он вдруг стал разгораться сильнее, будто светил для него одного. Он бросился к свету и увидел светильник. Форма его была ему знакома — точно такие делали из глины умельцы Фенеллы. Только этот светильник был каменным. Мишель взял его в руки и крикнул:

— Мари! Вот он! Санграль!

Королева стояла рядом и недоуменно взирала на фигуру из серого камня, отдаленно напоминавшую лампу. С одной стороны она покрыта была высеченными в камне знаками, похожими то ли на германские руны, то ли черт его знает на что. С другой стороны она была просто щербата. Просто кусок древнего... мусора.

— Ты уверен? Что-то он не выглядит, как... Грааль.

— Ты не видишь? — король улыбнулся, протягивая ей разгорающийся все сильнее Санграль. — Он светится.

— Его сияние вскружило вам голову, Мишель? — донесся до них голос Петрунеля. Тот стоял теперь уже в своем черном плаще и брошь, скреплявшая его, светилась, будто озаряемая Сангралем. — Отдайте его мне.

24 декабря 1186 года, королевство Трезмон, «Ржавая подкова»

Кухня была наполнена разными звуками, которые издавали кухарки, посуда, печь и животные, запертые в крохотном загоне в одном из кухонных углов. Они раздражали Катрин. Еще больше ее раздражали не самые приятные запахи, которые исходили из котлов и особенно из угла с животными.

Маркиза сидела на лавке, не отрываясь глядя на свои ноги в миске с горячей водой. Она попросту боялась поднять глаза. Потому что и справа, и слева, и даже прямо перед собой она постоянно видела пухлое лицо девицы, которую ночью приводил к себе Серж. Тепла она не чувствовала, ей было по-прежнему холодно. И ей уже никогда не согреться. Сквозь этот вечный холод сознание ее изводил неприятный, дребезжащий голос девчонки, не замолкающей ни на минуту.

Девица, меж тем, грела над печью полотенца, в которые было велено увернуть ноги Катрин, и одновременно готовила какой-то напиток из настойки шалфея и вина, который хозяин постоянного двора считал чудодейственным и приказал давать его юному дю Вирилю каждый час. Чаше, чем Игнису.

— На пустой-то желудок быстро опьянеете, — проговорила девица. — Давайте я вам сыра козьего отрежу. Он у нас чудесный. Из Жуайеза. Хозяин только оттуда его и привозит.

— Не опьянею, потому что не стану это пить, — твердо сказала маркиза, не обращая к ней лица. — И козий сыр я не ем!

— Э нет, мессир, выпить придется, — усмехнулась служанка. — Иначе и мне, и вам несдобровать. Меня, уж верно, после вчерашнего-то накажет хозяин. А вас — Его Светлость.

Катрин подняла на нее глаза и, надменно растягивая слова, спросила:

— И как ты заставишь меня это выпить?

Девица лишь пожала плечами и тряхнула рыжеватыми кудряшками.

— Если сами, мессир, пить не будете, Его Светлость позову. Он вам в глотку и вольтет. Он такой.

— Какой?

Служанка мечтательно закатила глаза и вздохнула полной грудью.

— Такой, что если что сказал — сделает.

Маркиза снова опустила голову не в силах смотреть на девчонку. Не все ли ей теперь равно, какой он? О чем он говорит, и что он делает?

— Принеси мои башмаки, — глухо приказала она служанке.

Вместо того, чтобы сделать приказанное, девчонка сняла полотенца, подвешенные на крюк над печью, и подошла к ней, расправив их и явно намереваясь вытереть маркизе ноги.

— Ой, а ступни-то у вас, мессир, какие крохотные, — восхитилась служанка, — любая королева позавидует!

Катрин выхватила у нее полотенца и повторила:

— Принеси мне мои башмаки!

И тут случилось необъяснимое. Девица икнула, подпрыгнула на месте и внимательно взгляделась в лицо маркизы. Ротик ее очаровательно приоткрылся буквой О. А потом она улыбнулась и тихо сказала:

— А потом она остригла волосы, вырядилась юношей и примчалась сюда за мной...

— Если ты сейчас же не принесешь мне мои башмаки, тебя накажет не только хозяин. Тебя поколочу я! — зло сказала Катрин и замахнулась на девицу полотенцами.

— Так вы маркиза де Конфьян! — воскликнула служанка, ничуть не испугавшись. — А я — Аделина!

Катрин вскочила и мокрыми ногами пошлепала к выходу из кухни. Однако не успела сделать и нескольких шагов, как проход ей загородила долговязая фигура ее мужа. Осмотрев ее хмурым взглядом от кончиков пальцев на ногах до головы, он еще сильнее нахмурился и сказал:

— Когда же вы, наконец, станете хоть немного благоразумней?

— Она умнейшая женщина в королевстве. И уж поверь, гораздо умнее меня, — пискнула из угла Аделина, за что была награждена самым красноречивым взглядом маркиза.

Катрин заметила взгляд, который муж бросил на нее. Катрин заметила взгляд, который он же бросил на девчонку. И криво усмехнулась:

— Зачем вам-то мое благоразумие?

— Если бы вы были хоть немного благоразумны, я бы не вытаскивал вас сейчас из ямы. Но, по всей видимости, вы сами решили себя доконать. То, чего не сделала вьюга, сделают ваши мокрые босые ноги на каменном полу.

— Я не подала ей башмаков, — снова пискнула Аделина.

— Молчать! — рявкнул в ответ Серж и вернулся к рассматриванию гневных зеленых глаз своей маркизы.

— Я не просила вас вытаскивать меня. И если бы вы были благоразумны, то не стали бы этого делать. Все было бы решено, и вам не пришлось бы озадачиваться разводом, — зло сказала Катрин.

Серж устало прикрыл глаза, чтобы не сорваться на крик.

— Я никогда не разведусь с вами, — коротко сказал он. — А теперь ступайте сушить ноги.

Она подошла к нему вплотную, привстала на цыпочки и, прижав губы к самому его уху, прошептала:

— Не разведетесь со мной, даже зная, что я любовница короля?

Он стиснул зубы так, что на щеках заходили желваки. И одной рукой обхватил ее талию, прижав к себе. И так же на ухо прошептал:

— Даже так. Но я заставлю вас очень сильно пожалеть об этом.

Маркиз де Конфьян подхватил на руки коротко остриженную жену и направился в свою комнату. Она же не склонна была устраивать скандал в коридоре. Но как только они оказались наедине, попыталась вырваться.

— Что ж, тогда мне самой придется попросить короля, — заявила она. — Уверена, он поможет. Я не желаю быть женой человека, который имеет детей на стороне и в первой же попавшейся гостинице приводит к себе первую же попавшуюся девку!

— Замолчите сейчас же! — выдохнул Серж, сжимая ее еще крепче и будто надеясь, что этим причинит ей боль. Таковую, какую она ему причинила в то проклятое утро, когда вся их жизнь разрушилась. Но ведь она любила его! Его, а не короля! Не мог он ошибиться! Не ошибаются так жестоко! Нет, он не знал, что там было между нею и де Наве. Пусть даже что-то и было. Но ведь она принадлежала ему — она всегда принадлежала ему, кто бы ни коснулся этих губ и этого тела.

Он положил Катрин на свою постель — почти грубо — и быстро стал обтирать ее ноги

одеялом.

Катрин глухо рыкнула. Едва она упала на кровать, весьма неудачно, плечо тут же напомнило о себе. И чтобы отвлечься от тупой боли, маркиза обиженно дернула ногами.

— Прекратите изображать заботу. Не тратьте на меня ваше драгоценное время, за которое вы можете что-нибудь сочинить или поразвлечься.

— *Vae!* Я же просил замолчать! — воскликнул Серж и быстро переместился по кровати, навалившись на нее и найдя, наконец, ее рот, который она не желала закрывать!

Не понимая, что это такое происходит, Катрин в растерянности замерла на мгновение. Не хотела видеть и чувствовать его таким. Злым, грубым, причиняющим боль. Чужим. И это она виновата, что теперь он такой. Если бы в ее силах было изменить случившееся...

Маркизе удалось чуть отстраниться, и она попросила:

— Серж, прошу вас, не надо.

Он ничего не ответил, снова придвинувшись к ней и продолжая покрывать поцелуями ее лицо и шею, натываясь на ворот одежды. Этот ворот, кажется, сердил его еще сильнее. Он рванул за край, желая освободить ее, но ткань не поддалась. Нетерпеливыми пальцами Серж нащупал застежку, расстегнул и, наконец, впился губами в ключицу, двинулся поцелуями к плечу и вдруг замер, глядя на огромное синее пятно, расплывавшееся на белоснежной коже. Судорожно глотнул. И резко поднял глаза, чтобы встретиться с ее зеленым взглядом.

Катрин виновато улыбнулась:

— Я ударилась... немного. Когда упала в ту яму.

— Мне жаль, — очень серьезно сказал он, продолжая вглядываться в ее глаза.

Кажется, за эти два дня, два сумасшедших дня, она совсем забыла, как он умеет смотреть на нее. И как что-то неизменно теплое всегда разливается в ней от этого взгляда. И теперь он хочет лишить ее и себя, и своего взгляда, и неизменно согревавшего тепла. Она подняла руку, провела по его щеке и тихонько сказала:

— Я сама виновата. Я неблагоприятна.

Он снова промолчал. Он не мог говорить. Ему, черт подери, больно было говорить, думать, вспоминать, на что-то надеяться. Он мог только целовать ее. Медленно, нежно выпутывать из кокона одежды. Касаться кончиками пальцев жемчужно-белой кожи. Заново изучать ее так, будто не видел и не прикасался целую вечность. Вечность из двух дней. И это страшнее столетий. Любовь умирает? Только она и живет тогда, когда в нем уже ничего не осталось!

А Катрин впервые так нуждалась в словах. И с отчаянием понимала, что он не станет с ней говорить. Все, что ей оставалось — целовать его. Целовать, зная, что впереди вечность без него. Видеть его внимательные глаза, вглядывавшиеся в нее до самого сердца, чувствовать его руки на своем холодном теле, зная, что ей уже никогда не согреться. Она прикидала к нему, мечтая продлить время рядом с ним хотя бы еще на несколько мгновений. И потом каждый этот миг она будет вспоминать всю оставшуюся ей вечность.

— Вы слышите? Ветер не воеет больше, — тихо прошептал Серж, глядя в серый провал окна, за которым больше уже не мело. Он прижимал к себе ее тонкое тело, не желая выпускать его из объятий еще очень долго, желая продлить эту нежность — пусть и на целую жизнь. И знал точно — стоит ее отпустить, как нельзя уже будет притвориться, что все по-прежнему. Единственное, что еще оставалось возможным — пытаться жить дальше. А жить друг без друга они не умеют. Это он тоже знал точно.

— Не воеет, — согласилась она, не слыша, что творится за окном. Она слушала стук его

сердца. Оно стучало для нее. Сейчас и здесь оно стучало только для нее. И пусть было то, о чем она никогда не забудет. Что всегда будет стоять между ними. Но сейчас и здесь они вместе.

Катрин посмотрела на мужа:

— Мессир, вы вернетесь в Конфьян?

— Вернусь.

Он так и не желал смотреть куда-то, кроме окна, за которым было серое небо, скрывавшее солнце под покровом туч. Разве бывает такое счастье, от которого так становишься несчастен? Теперь трубадур Скриб знал, что бывает. Но Господи, зачем она, она — принадлежавшая ему каждым ноготком, каждой ресницей, каждым вдохом своим — зачем она целовала короля?

24 декабря 2015 года, Монсегюр

— Его сияние вскружило вам голову, Мишель? — донесся до них голос Петрунеля. Тот стоял теперь уже в своем черном плаще, и брошь, скреплявшая его, светилась, будто озаряемая Сангралем. — Отдайте его мне.

Его Величество нахмурился, сжимая Санграль в ладони.

— Нет, мэтр, вы не получите камень. Вы сами говорили, что он мой. Моим и останется. И служить будет только мне.

— И как же вам не стыдно, Ваше Величество! Королевством управляете — и врете! Вы же поклялись жизнью королевы!

И Петрунель ткнул пальцем в Мари. У той отвисла челюсть, и она испуганно посмотрела на Мишеля.

— Бросьте, мэтр! Вы и сами плохо знаете, что такое честность. Но жизнью Мари я не клялся. Я еще не сошел с ума, чтобы беспрекословно выполнять все ваши условия. Король в моем королевстве было достаточно.

— Жулик! — восхищенно воскликнул мэтр Петрунель. — Отдай Санграль! Я просил его всего на пять минут!

— И не подумайте! За эти пять минут вы можете натворить такого, что альбигойский крестовый поход покажется рыцарским турниром для детей.

Улыбка на лице Петрунеля стерлась, на смену ей пришел гнев. С мрачной решимостью он двинулся на короля.

Мари с ужасом наблюдала за обоими мужчинами. Пальцы ее, вцепившиеся в рукав Мишеля, сжимались все крепче. Будто собой она могла загородить его от ярости мэтра.

— Прекратите сейчас же! — воскликнула она, толком не понимая, кому это кричит.

Даже не подумав прислушаться к ее крику, Петрунель уже тянул руки к де Наве.

— Не бойся, Мари, — проговорил Мишель жене, кинув на нее быстрый взгляд и отводя руку с камнем от скрюченных пальцев мэтра.

В то же мгновение она перестала бояться. Она рассердилась. Кажется, только сейчас она поняла, что по милости этого самого идиота, носившего черный плащ, именовавшего себя магом и мечтавшего о титуле Великого магистра, она очутилась здесь и вынуждена заниматься непонятно чем, когда единственное, что ее должно волновать — это вязание пинеток. Мари отцепила пальцы от рукава Мишеля и набросилась на Петрунеля. Тот дернулся от удара, неловко вскинул руки и толкнул ее в живот. В следующее мгновение она видела его искаженное ужасом лицо, потом лицо Мишеля, даже успела залюбоваться им, забыв обо всем на свете. Потом она видела звезды, нависавшие над нею и будто танцующие. Или то были снежинки? Что же страшного в снежинках? Даже удариться виском об острый выступ стены не было страшно. Потому что после яркой вспышки всего лишь наступила тьма.

А по белому снегу и черному камню тонкой струйкой стекала кровь — жизнью из тела королевы Мари.

— Мари... — пробормотал Мишель, не понимая, что произошло.

Он кинулся к ней, прижал к себе, пытаясь услышать ее дыхание.

— Мари! — выкрикнул он, не желая верить в очевидное.

Потом долго смотрел на расплывающееся темное пятно на снегу и, подняв глаза на мэтра, выдохнул:

— Убийца!

Небо замерло. Метель замерла. Мир вокруг остановился. Был только король, державший на руках свою королеву. Внутри него было и небо, и метель, и мир. И все оно взорвалось безумной... нет, не болью... Чем оно взорвалось? Чему не было имени?

— Это не я, — прошептал Петрунель. — Она сама... Я не хотел...

Мэтр в ужасе смотрел на тело молодой женщины. Потом перевел взгляд на собственные руки, которые сотворили с ней это. И выдохнул:

— Король... все же ты поклялся жизнью этой королевы...

— Не смей обвинять меня, а тем более королеву! — загремел голос Мишеля. — Ты и только ты виноват в ее смерти! И ты ответишь за это!

Петрунель продолжал смотреть на собственные руки. И словно бы совсем не слышал короля. Потом медленно поднял глаза и тихо сказал:

— Неужели?

А потом одним простым жестом щелкнул пальцами. И единственное, что все еще видел теперь перед собой — это не остывший труп королевы. И лампу, валяющуюся у ее ног.

24 декабря 1186 года, Трезмонский замок

Поль что было духу мчался к Лиз. Мысли его перескакивали с вынужденного побега на Скриба в Святой земле, а потом от брата Ницетаса устремлялись к дыре, ведущей домой. Домой! Наконец-то он точно знал, где его дом. Оставалось найти способ туда вернуться.

Теперь уже несомненно бывший монах влетел в свою комнату и с порога заявил Лиз:

— Собирайся! Мы уезжаем!

Вивьен Лиз, укачивавшая благородного отпрыска маркиза де Конфьяна, приложила к губам палец и тихо сказала чуть слышим голосом:

— Тише, он засыпает. Куда ты собрался?

— Не я, а мы! — громким шепотом проговорил Поль. — Ницетас всерьез задумал увезти меня в обитель. Но это бы ладно, — махнул он рукой. — Для тебя это будет опасно. И даже Барбара не сможет прятать тебя вечно. Поэтому она предложила нам убежать. Вот только дыра... она останется здесь, — и он жалобно глянул на Лиз.

Заплаканные глаза ее неожиданно вспыхнули радостью. Она торопливо уложила ребенка на постель, стараясь не разбудить его, и тут же бросилась на шею Полю.

— Мне нечего собирать, — весело объявила она. — И дыра от нас никуда не денется. Я все придумала! Сбежим куда-нибудь, где можно будет спокойно подумать, как вернуться домой!

— Она-то не денется, мы от нее денемся. Ты же говорила, что она в кухне.

— Бедный мой, бедный, — Лиз взъерошила его волосы, — совсем тебя это все запутало! Я же потом говорила, что дыра — это ты!

— Я думал, ты шутила. Но я тогда совсем ничего не понимаю.

Он сел на кровать, глянул на младенца, который лежал с открытыми глазами и, кажется, затаив дыхание, прислушивался к их разговору.

— Черт! — глядя на маркиза, ругнулась Лиз. — Все труды насмарку.

Она уселась к Полю на руки, не желая отпускать его ни на минуту, и обратилась к юному де Конфьяну:

— Учти, что обо всем, что ты сейчас услышишь, ты должен будешь молчать до конца жизни! Но если со временем придумаешь, как воспользоваться полученной информацией и навестить нас дома, мы будем рады. Только сперва подрасти, чтобы не орал по ночам!

Чувствуя себя сумасшедшей, она перевела взгляд на обалдевшего Поля.

— Что ты так смотришь? Это все ты виноват!

— Я виноват, — кивнул он. — Но хотелось бы узнать, в чем именно?

— Ну, я образно, не обижайся! — спохватилась она. — Просто... ты сам все это как-то проделываешь. Смотри. Когда я сюда попала в первый раз, я попала к тебе. Это ты меня как-то сюда притащил. Случайно, наверное. Потом мы попали ко мне домой. Просто потому, что тут нам жизни не давали. Помнишь — сундук, трубадура, герцогиню, Барбару... Тебе все это надоело, вот мы и очутились у меня. А потом... потом ты заскучал... Надоело тебе... Думал только о винограде своем! И перенесся сюда. И я была бы на тебя из-за этого очень сильно рассержена, если бы меня ты не уволок за собой несколькими часами позднее — значит, по мне ты тоже скучал! Все просто! Мы должны понять, как эта хрень в тебе работает! Установить причинно-следственные связи. Применить знания, полученные путем

эмпирических исследований... Как-то так.

Лиз замерла, внимательно рассматривая нос Поля.

— Я сумасшедшая, — тихо изрекла она.

— Ничего ты не сумасшедшая, — Поль зарылся объектом изучения Лиз ей в волосы и поцеловал в шею. — И хотя я понял немного, но раз ты уверена, что мы можем уехать из замка, значит, надо торопиться. Барбара и Шарль помогут нам. А я снова пропущу свадьбу! — весело рассмеялся Поль Бабенберг.

— Переживешь! Свадьба — это нудятина! Соберется куча родственников, все будут буровить какую-то хрень... А в возрасте нашей Барбары это вообще смешно! И вообще, институт брака давным-давно свое отжил.

— Если ты так считаешь... — Поль снова согласно кивнул.

Он поставил на ноги Лиз, взял начинающего хныкать маркиза на руки и решительно направился к двери.

— Пора!

— Пора! — отозвалась она, бросая прощальный взгляд на крошечную комнатку бывшего монаха Паулюса Бабенбергского, с которой было связано так много в ее жизни.

24 декабря 1186 года, Трезмон, «Ржавая подкова»

В жизни всякого рыцаря, несомненно, важным навыком следует считать умение определять то самое время, когда пора повернуть назад коней и вернуться восвояси. А поскольку окончание метели способствует тому, чтобы поступить подобным образом, то и рыцари, поселившиеся на постоялом дворе «Ржавая подкова», стали расползаться кто куда. Те, что успели обучиться навыку — те спешили назад, в свои замки, где ожидали их жены. Те, что помоложе, а более всех — безземельные, все-таки отправлялись к герцогу Бургундскому, дабы попытаться славы в Святой земле и, как знать, прославить имя свое на века. Ну и за то получить от короля какой-нибудь бесхозный замок.

Но ни маркиз де Конфьян, ни граф дю Вириль не относились ни к тем, ни к другим. Оба были слишком молоды, чтобы растерять кураж юности да обрести степенность и благоразумие зрелости. И вместе с тем достаточно богаты, чтобы не мечтать о благах, что дает слава. Потому оба собрались домой в тот же день. Рыцари только перешептывались — неужели их владения где-то рядом? На приятелей они не походили, а прислуживать маркизу графский сын бы не стал. Тут рождалось новое предположение: а что если дю Вириль — младший сын, не имеющий никакой надежды на наследство? Тогда вполне возможно, что его пристроили оруженосцем к мессире де Конфьяну. Но и это звание было слишком низким для графского отпрыска.

Фрейхерр же Кайзерлинг уверял, что де Конфьяна и дю Вириля связывает нежная мужская дружба, но никто ему не верил — мало ли что привидится спяну?

Так, под все эти перешептывания, юная Аделина выскользнула из кухни и, усмехаясь себе под нос, поскольку одной ей была известна правда, направилась во двор, кутаясь в рваную шаль. Увидев там ту, что назвалась именем дю Вириль, она спешно подошла к ней и, сверкая улыбкой на пухлом, совсем почти детском лице, сказала:

— Могу я обратиться к вам с просьбой, мадам? Не откажите бедной Аделине!

Однако мадам не обращала на Аделину ровно никакого внимания. Передернула плечами и уткнулась подбородком в мех плаща. Плащ был велик ей, явно с плеча Его Светлости.

Закутавшись в плащ мужа, Катрин потухшим взглядом рассматривала двор гостиницы, где суетились разъезжающиеся рыцари. Лицо ее было бесстрастно, в то время как душа билась в рыданиях, хотя должна была бы радоваться. Маркиза добилась того, ради чего уехала из дома и оставила сына: Серж отказался от участия в походе, в котором мог бы исчезнуть навсегда. Но сердце ее обливалось слезами, понимая, что кроме счастья знать, что он жив и не бросается в каждую схватку, у нее больше ничего не осталось. Ее любовь оказалась бессильной против его гнева. Ее любовь оказалась маленькой против обычных мужских радостей. Почему он не хочет отпустить ее? Как ей жить, когда он не желает смотреть на нее?

От этих мыслей выглядела мадам очень грустной. И чего, спрашивается, ей грустить, когда ее маркиз любит даже пусть и остриженную, хуже уличной девки? Ах... Как же любит! Служанка мечтательно вздохнула, но от своего отступить не намеревалась. Она всегда была не робкого десятка, а потому попросту подергала грустную мадам за рукав.

— Просьба, говорю, у меня, мадам!

Очнувшись от своих невеселых дум, Ее Сиятельство перевела взгляд на гадкую девчонку, которая имела дерзость прикоснуться к ней. Но ни один мускул не дрогнул на ее лице.

— Чего тебе? — спросила она ровным, чуть презрительным тоном.

— Не найдется ли в вашем замке места для меня? — спросила Аделина с самой почтительной улыбкой.

«Но я заставлю вас очень сильно пожалеть об этом». Что ж! Он выбрал действенный способ: собрать вокруг себя всех своих девок. Но с этой они ошиблись. Девчонке стоило ехать с ним, а не обращаться к ней.

И вновь ничем не выдав горечи, разлившейся по каждой жилке, в которой медленно текла ее остывшая кровь, маркиза де Конфьян произнесла:

— Найдется. Но в мой замок ты отправишься сама. Принеси мне бумагу и чернила, я напишу тебе записку.

Вместо того чтобы немедленно исполнять приказание маркизы, Аделина счастливо рассмеялась, тут же расплакалась и, хватая маркизу за ладони, стала благодарно целовать, приговаривая:

— Какая же вы добрая, мадам! Вовек не забудет бедная Аделина вашей доброты! Я ведь все могу! И по кухне, и белье стирать, и замок ваш до блеска довести! Все-все! Спасибо вам, мадам!

— Ты рискуешь никогда не проявить свои умения, — проговорила Катрин, чуть скривив губы, покуда ее никто не видел, — если сейчас же не выполнишь то, что я тебе велела.

Служанка спохватилась и вмиг сбегала на постоянный двор, стащила у хозяина письменные принадлежности и, счастливая услужить новой своей хозяйке, быстро вернулась.

— Вот, мадам, я все принесла, как велели!

«Расторопная какая», — подумала Катрин. Ее терзали самые омерзительные образы расторопности девицы, стоящей перед ней. С каменным лицом она быстро черкнула несколько строк. Сердце саднило, как и ее ладони. Но из рук занозы можно было достать, и руки заживут. Сердце теперь будет кровить всегда. Маркиза протянула свиток Аделине, глядевшей на нее счастливыми глазами.

— Передашь эту записку кастеляну Жуайеза, — теперь Серж не обвинит ее в жестокосердии. — Но если месье Гаспар хотя бы раз пожалуется на тебя — даже постоянный двор ты будешь вспоминать как пребывание в раю.

— Верой и правдой буду служить вам, мадам! — пустилась в разглагольствования служанка. — Это только говорят «гулящая Аделина». А такие, как я, добро всю жизнь помнят. Каждый день буду Бога молить за вас и за Его Светлость! Вы уж будьте к нему полюбезнее, он так любит вас, так любит! Я ведь все понимаю — женщины подневольны. И коли король приказал, так и выбора нет. Но вы уж как-то, чтобы он хоть не знал. Ежели что, спросите Аделину, она вам расскажет, как от короля не понести, да чтобы Его Светлость в неведении оставался.

Катрин на мгновение прикрыла глаза, забыв, как дышать. Есть ли предел ее смирению? Гостиничная девка рассуждает о силе любви ее мужа. И собирается ее учить, как его обмануть. Сделав судорожный вдох и выдохнув мешающий в горле ком, она, наконец, сказала:

— Лучше забудь мое имя навсегда, — голос ее не слушался. Прерывистые звуки больше

походили на хрип умирающего животного. Господи! Когда уже эту утку отправят на рагу!

Служанка поморгала, глядя на прекрасную, хоть и остриженную маркизу. И что же это благородным так трудно живется?

— Ах, мадам, — проговорила она, — Аделина все знает про разбитые сердца! Пройдет!

А если она не хочет, чтобы проходило? Ведь если пройдет — это будет значить, что ничего не было. Ни любви, ни безграничного счастья.

— Уйди, глупая девчонка! — глухо выдохнула Катрин.

— Как прикажете, мадам! — согласилась Аделина и склонилась перед маркизой в самом почтительном поклоне, одновременно поправляя свою драную шаль. Уже отвернувшись, чтобы уходить, она вдруг обернулась к маркизе и, чуть подмигнув, сказала: — Ничего не было!

И побежала прочь — собираться в Жуайез.

На дворе продолжали галдеть отъезжающие рыцари. Катрин изможденно потеряла виски. Глупая гадкая девчонка права. Ничего не было. Ни любви, ни счастья. Несчастная герцогиня придумала себе мужчину, которого полюбила в один миг и навсегда. Ей никогда не узнать, зачем он дал ей свое имя. Но ей не привыкать закрывать глаза на безразличие мужа. Герцог Робер никогда не смущался ее закрытой спальней. И находил себе развлечения в деревне. Разница была лишь в том, что похождения герцога ее ничуть не трогали. Ей это было даже на руку. Но и теперь она справится. Она сумеет. Разбитое сердце пройдет, коль ничего не было, и она научится делать вид, что ничего не замечает.

Игнис на поправку не шел. Никакой возможности забрать его с собой не представлялось. Единственное, что еще Серж мог сделать для любимого коня — щедро оплатить конюху его уход. И попросить доставить животное в Конфьян, как только тому станет лучше.

Теперь же он стоял у выхода из конюшни, где еще седлали Фабиуса и Инцитата, и смотрел на Катрин. Маленькая. Одинокая. Замерзшая. Она вызывала в нем странное чувство. Наряду с любовью, он чувствовал еще и удивительную готовность... быть с ней. Оставить все, как есть. Было и было. Просто... просто они никогда больше не станут ездить в Фенеллу. И если он попадет из-за этого в немилость короля, то так тому и быть. Когда-то у него ничего не было, кроме дульцимера. Теперь он имел все, о чем только мог мечтать человек. Но единственное, что он по-настоящему боялся потерять — это Катрин. Нежность шевельнулась в нем навстречу к ней. Если бы только все забыть! Если бы только принять решение никогда не оглядываться. Переломить себя, переступить через честь и гордость. Впрочем, нужны ли ему честь и гордость, если из-за них он ее потеряет?

Да, любовь ее была странной, не поддающейся пониманию. Но то была любовь. Иначе она не стояла бы теперь там. Маленькая. Одинокая. Замерзшая.

Серж двинулся к жене, на ходу надевая рукавицы.

— Как вы себя чувствуете, мадам? — спросил он, надеясь только на то, что голос его звучит достаточно спокойно.

— Со мной все в порядке, — отозвалась Катрин. — Вам не о чем беспокоиться.

Она взглянула на него, пытаясь увидеть глаза. Те смотрели устало, но вместе с тем спокойно. Такого спокойствия в них не было все эти сумасшедшие два дня.

— Покажите ваши руки, — с мягкой улыбкой попросил он.

Катрин усмехнулась.

— В них нет ничего интересного, — и, сжав пальцы в кулаки, спрятала руки поглубже в

плащ.

— Вы собирались ехать за мной одному Богу ведомо куда, но, кажется, даже не взяли с собой рукавиц. Катрин, вы такое еще дитя. Покажите ваши руки.

— Я поеду за вами даже во владения к черту, — пробормотала она, протягивая ему ладони.

Он взял их в свои руки, скрытые теплыми рукавицами, и горько усмехнулся. А потом, кивнув на припухшие следы от заноз, тихо сказал:

— Это тоже в яме?

Еще два дня назад Катрин бы радовалась его заботе. Теперь же та досаждала. Не желая быть обузой, она впервые решительно солгала:

— Да, — и кивнула в подтверждение своих слов.

Он все равно ей не верит, так какая разница.

— Как вам будет угодно.

Серж сдернул с себя рукавицы и сунул ей.

— Сегодня вам придется довольствоваться моим гардеробом, — добавил маркиз.

Катрин послушно натянула на себя рукавицы, мечтая о том, чтобы они поскорее съехали с этого постоянного двора. Но мечте ее не суждено было сбыться так скоро, как она сама рассчитывала.

Едва ли не сбиваясь с ног, из харчевни к ним спешил слегка протрезвевший фрейхерр Кайзерлинг из Вестфалии. В руках он тащил внушительный узел и, что есть мочи, кричал:

— Мессирь! Постойте! Не уезжайте!

Катрин в ужасе метнулась поближе к маркизу, почти вжавшись в него. Маркиз же, недоумевая, невольно обнял ее и прижал к себе. Этот жест отчего-то тронул его до самой глубины сердца. Покуда она, испугавшись, бросается к нему, он не позволит себе покинуть ее.

— Мессирь! — задыхаясь, протянул фрейхерр, наконец, добежав до них. — Юный мессир позабыл в нашей комнате свой плащ. Я считал своим долгом вернуть его!

— Вы очень любезны, фрейхерр Кайзерлинг, — через силу вымолвила Катрин, не решаясь забрать у него из рук свою одежду.

— Да берите же, — фрейхерр подошел ближе и протянул плащ Катрин.

Серж же удивленно следил за происходящим, и видя, как маркиза отпрянула от протянутого узла, будто от гадюки, решительно забрал его из рук незнакомца.

— Что же вы, юноша, не сказали мне вчера, что вас уже связывает нежная дружба с Его Светлостью. Я ведь по незнанию все... — принялся болтать фрейхерр.

— Я говорил вам, что я здесь с родственником, — заикаясь, пробормотала Катрин.

— С братом. Старшим, — сквозь зубы процедил маркиз, чувствуя, как его охватывает гнев.

Воображение живо подбросило ему картину того, что так напугало Катрин. Он опустил глаза к ней и тихо спросил:

— Он что-то сделал тебе?

Ее хватило лишь на то, чтобы отчаянно замотать головой и крепко обнять его руку.

— Что ж, коли так все благополучно разрешилось, — довольный собой и собеседниками воскликнул фрейхерр, — то позвольте откланяться! Доброго пути вам, мессирь. Коли чего, заглядывайте к нам, в Вестфалию. Спросите фрейхерра Кайзерлинга, и всякий вам укажет, где его найти.

С этими словами он поклонился и был таков, даже не подозревая о том, что еще мгновение, и здоровье его очень сильно пошатнулось бы, поскольку маркиз де Конфьян едва сдерживал желание на нем размять свои кулаки, которые от бессилия чесались.

— Очередной ваш поклонник? — спросил он Катрин, глядя вслед фрейхерру и надеясь лишь, что то, как Катрин сейчас держит его за руку, поможет ему совладать с собой и не двинуться вслед за вестфальцем.

— Что вы, — манерно произнесла маркиза, — зачем мне какой-то фрейхерр из какой-то Вестфалии, коли у меня есть король.

— Ехать будете снова со мной на одной лошади. Когда Инцитат устанет, пересядем на Фабиуса! — рявкнул он, но от нее не отпрянул, не отстранился.

— К чему такие сложности? — проворчала Катрин, все же отпуская его. — Когда Инцитат и Фабиус устанут, можно будет остановиться на ближайшем постоялом дворе. Думаю, там найдется комната для меня, корм для коней и своя Аделина для вас.

Губы его искривились в подобии улыбки.

— Ах да, как я мог позабыть? Вы верите лишь в любовь меж равными — герцог, маркиз, король. Трубадуру же довольно и шлюхи из придорожной харчевни.

Он вручил ей узел с ее плащом, рывком поднял ее над землей и усадил на коня, который дожидался их.

— И ехать мы будем без остановок. До заката я намерен добраться до Фенеллы, забрать нашего сына и отправиться домой.

— Я не посмею указывать трубадуру, чем ему следует довольствоваться. Он вправе решать сам, — Катрин вздохнула. Как же она устала спорить с ним. Если бы только он поверил ей, она простила бы ему все.

Устроившись на коне позади нее и почувствовав, наконец, собственную жену в плену своих рук, которые невольно обнимали ее, держа повод, Серж только и смог, что выдохнуть ей в ухо:

— Трубадур решил.

Вневременье, Санграль

В воздухе что-то звенело, почти причиняя боль. Отдавалось набатом в голове, билось в висках, заставляло пересыхать в горле.

Потом звон резко прекратился. Зато раздался голос. Где-то совсем рядом.

— Вот и ты. Я ждал тебя.

— Кто ты? — спросил Мишель, оглядываясь, но ничего не видя. — Где ты?

— Не узнаешь?

Перед глазами короля чуть забрезжил свет. И в этом свете отразился темный силуэт. Он все приближался, приближался, но разглядеть его до конца было невозможно — изображение будто расплывалось перед лицом.

— Я же узнал тебя сразу, Наве.

— Кто ты? — настаивал Мишель.

— Я — прошлое. Ты — будущее.

Воздух колыхнулся. А картинка, наконец, стала четкой и ясной. Перед Мишелем стоял он сам. Лет на сорок старше. С белоснежной бородой, длинными волосами и в черных истрепанных одеждах. Но все-таки это был он сам.

— Я — Великий Белинус, — сказал старик. — А ты — король из рода Наве.

— Ты повелитель дня и ночи, — медленно проговорил Мишель. — Ты все можешь. Помоги мне!

Белинус улыбнулся. Улыбка на его лице казалась величественной и прекрасной.

— Ты сам себе можешь помочь. Ты — повелитель. Ты — истинная кровь. Сын рода де Наве, первых стражей. И сын моего рода — рода великих магов. Так чего ты боишься?

— Я ничего не боюсь, — уверенно ответил Мишель. — Мне нужно вернуться. Я должен спасти королеву.

— Возвращайся и спасай, — пожал плечами Великий Белинус. — Но помни, смерти королевы — наименьшее зло, какое могут причинить темные силы, если камень попадет в руки несущего гибель.

— Я буду помнить об этом всегда. Клянусь!

Белинус посмотрел в окно.

— Скажи мне, цветут ли пролески? Я ничего не вижу.

— Нет, Белинус, пролески появятся еще не скоро.

— Жаль... только по ним можно судить, сколько осталось. Почему ты все еще здесь? В камне тебе делать нечего.

— Ты говоришь загадками... По пролескам можно судить лишь о наступлении весны.

— О смерти тоже. Твоя жена умерла. По ней пролески не зацветут.

— Но я могу это изменить, и пролески обязательно зацветут. Для нее.

Великий Белинус опустил голову.

— Пусть будет так, — сказал он. — Камень теперь в руках темной силы. Отвоюй камень. Верни жену. Я не могу отпустить тебя. Но ты можешь сделать все сам. Есть ведь ожерелье змеи. И есть твоя кровь — она истинна. Сильнее ее нет ничего, Наве.

Мишель удивленно посмотрел на Белинуса.

— Ожерелье? Но ведь оно исполняет желание только в День Змеиный?

Из груди великого мага вырвался смех. Он смотрел на короля так, будто не верил своим глазам.

— Король! Король! Тебе дана великая сила — ты потомок многих поколений магов. Так неужели же ты думаешь, что волшебство, заключенное в Змее, только день в году может служить тебе? Это только в твоей голове. Это все только в твоей голове. Освободи Змею. Заставь ее подчиниться! Прикажи ей!

Слегка нахмурившись, Мишель приложил руку к ожерелью.

— Я ухожу, Белинус. Прощай!

Улыбаясь, Его Величество протягивал Мари разгорающийся все сильнее Санграль.

— Ты не видишь? — спрашивал он жену. — Он светится.

24 декабря 1186 года, где-то на дорогах Трезмона

И что дальше?

Проживать каждый день, терзаясь мыслями о том, что супруга ему неверна? Растить детей, вглядываясь в их черты — не узнает ли он в них чужие? Приходить в ее постель, зная, что в иные ночи она принадлежала другому?

Черта с два другому!

Серж стиснул зубы и бросил взгляд на ее маленькую головку, укрытую плащом.

Если бы она просто сказала, что ошиблась. Что тот поцелуй был ошибкой, что де Наве принудил ее.

«Там были вы! Вы. Я ни в чем не виновата перед вами», — насмешкой отозвалась его память.

У памяти был голос Катрин. У памяти был взгляд Катрин. У памяти были губы Катрин. Такие желанные губы, что и король не удержался.

Оказывается, так просто — ехать, прижимая ее к себе. И сквозь толстый слой ткани чувствовать в ней средоточие всей жизни. И совсем не страшно от мысли, что его нет — есть только она одна. Она, пролившаяся кровью в его венах. Она, бьющаяся сердцем в его груди. Она — единственная его песня.

И нет никакой зимы. Внутри него бушевал пожар. И тугим комом у горла было все — и любовь, и горечь, и надежда, и неверие, и нежность, и страх. И все это причиняло невыносимую боль.

Не зная, как избавиться от нее, Серж просто склонился к голове Катрин и поцеловал в макушку сквозь шерстяную ткань капюшона.

Маркиза почувствовала его поцелуй, которым он прикоснулся к ней, которым он вдыхал в нее жизнь, которым он дарил ей себя.

Это было странно и необъяснимо. Рядом с ним ей всегда было тепло. Рядом с ним никогда не бывало зимы. И сейчас она чувствовала жар внутри. Сердце ее билось быстрее от этого жара, заставляя гореть лицо, тело, руки. И пусть все в ней сгорает, но в этом горении она оживет рядом с ним.

«Муж мой, как мне доказать вам, что вы — единственный мужчина... Вам ли не знать, что никого больше быть не может...»

Катрин сняла одну рукавицу, надела ее на руку Сержа и скользнула в нее своей ладонью.

Он молча позволял ей проделывать это. Когда ее теплая ладонь коснулась его, холодной, он провел пальцами по ее пальцам. А потом крепко сжал — так, что, кажется, расцепить их было уже невозможно.

«Но вы его целовали, любовь моя...»

Только бы он никогда не выпустил ее пальцы из своих. Только бы он всегда держал ее в кольце своих рук.

Она откинула голову ему на плечо.

«Мои губы принадлежат вам. Как они могли касаться другого?»

Прижался щекой к ее холодной, розоватой от мороза щеке. Вдыхал с ней один и тот же воздух. Так близко, что, кажется, дыхание их стало одним на двоих.

«Я не знаю как... я не знаю... я ничего не знаю, ведь сердце мое не согласно с тем, что видели мои глаза. Быть может, они обманулись?»

Катрин замерла, ощутив нежность его прикосновения. И она исчезла, растворившись в нем навсегда.

«Мои глаза видели вас. Быть может, они обманулись?»

Он резко остановил коня. Ком в горле все нарастал, причиняя теперь уже нестерпимую боль. И только теперь он вдруг понял, как избавиться от этой боли. Достаточно просто сказать:

— Я люблю тебя.

24 декабря 1186 года, Трезмонский замок

Лиз в отчаянии смотрела на маленького Сержа де Конфьяна, заходившегося криком на руках Поля, как только приближалась Барбара, чтобы его забрать. Он будто искал у бывшего монаха защиты и помощи, а кухарка никак не могла понять, как такое могло случиться, что всегда питавший к ней расположенность юный маркиз теперь променял ее на Поля и Лиз.

— Как же он? — спрашивала Вивьен Лиз де Савинье, глядя на младенца. И понимала, что ее сожаления ничего не изменят. Им надо бежать. А у ребенка есть родители, которые шляются неизвестно где.

Прощание затягивалось. Выстроившиеся в длинный ряд обитатели замка спешили выразить своему любимому монаху пожелания в новой жизни и душевно попрощаться — ведь это не удалось им в прошлый раз, когда он исчез, никому ни слова не сказав. А тут сам Бог велел. И потому слов было сказано очень много. Кажется, в замке и в деревушке, окружавшей его, не было человека, который не знал бы о готовящемся побеге святого брата и его возлюбленной. И все тащили им теплые вещи, снедь, деньги. Чудак-мельник привез огромный мешок муки. Когда гора вещей, принесенных добрыми жителями Фенеллы, сравнилась высотой с ростом Поля, Барбара, оперев руки в бока, объявила:

— Пора и честь знать!

— Как же он? — всхлипнула снова Лиз, глядя на отчаянно рыдающего маркиза.

Поль, не теряя надежды успокоить маленького Сержа, подмигнул девушке, желая ее подбодрить. Она сама была готова разрыдаться, как младенец. Да слезами делу не поможешь. И он глянул на строгую кухарку.

— Мы и сами рады уехать, Барбара. И поскорее. Но Шарль-то где пропадает? Ты говорила, он с нами поедет.

— А он, видать, оповещает о вашем отъезде очередного крестьянина с дальних лугов! — сердито буркнула невеста почтенного мясника, глядя на собравшуюся вокруг них толпу. — Вот же болтун!

— Так вы его ждете? — донесся до них голос конюха Филиппа, уже оседлавшего для брата Паулюса и Лиз лучших скакунов из конюшни Его Величества. — Он ведь ногу подвернул, когда на дальний луг к старику Лорану бежал с новостями! Тут его месье Андреас и сцапал! Лежит теперь этажом выше, мается. Тот ему припарки свои ставит. А он только стонать и может, хотя сперва и пытался объяснить месье Андреасу, как важно ему немедленно отправиться с братом Паулюсом в «Ржавую подкову».

— Вот же фигня, — пробормотал Поль. — Столько времени потеряли. Сейчас этот идиот Ницетас явится, и опять начнет мне втирать про геенну огненную.

— Это ты называешь фигней? — спросила Лиз. — Это фигня, по-твоему? Это, любовь моя, полное дерьмо!

— Sancta Maria, Mater Dei! — прошептала Барбара и перекрестилась. — И в Париж вам нельзя! Уж лучше возвращайтесь в дальние страны. Только там вас и поймут!

В ответ на ее слова младенец-маркиз зашелся криком, сильно превышающим 130 децибел.

— Omnipotens Deus! Барбара! А мать этого изверга где? — не выдержал Поль.

— Как где? — удивилась Барбара, будто это было очевидно. — За маркизом де

Конфьяном поехала! Остригла волосы и отправилась в Бургундию. Полин все думает, куда б эти косы приспособить. Себе не может — очень уж рыжие. Ждет ярмарку. Вдруг кто купит.

— Ну, пусть кормилица заберет его. Нам ехать надо, — перекрикивая Его Светлость, сказал Поль.

— Как же он! — снова запричитала Лиз и потянулась за юным маркизом Сержем, который охотно рванулся ей навстречу, чуть не выдравшись из рук Поля. Она осторожно перехватила ребенка и прижала к себе.

— Он просто хочет есть! — вдруг послышался голос кормилицы Генриетты, и кругленькая маленькая женщина, отчаянно шмыгающая носом, вошла в зал, на ходу расшнуровывая вырез котты.

— Она прямо здесь собирается это сделать? — брезгливо спросила Лиз Поля. Даже младенец на мгновение притих, озадаченный происходящим.

— Да какая разница где, — буркнул Поль. — Может, замолчит, пока есть будет.

— Но здесь же люди... Может, лучше Барбара согреет ему молока? Он ведь приспособился, вроде.

— Вообразите! — болтала тем временем Генриетта, пытаясь сладить с узелком, стягивающим шнуровку. — Мессир Андреас даже кровь мне хотел пустить, когда его любимая пытка раками не помогла. У меня, сказал он, ее слишком много. Оттого и распирают лихорадка и жар. А то, что сопли текут, так это всего лишь божья воля! Вот жива была ведьма Никталь, никто в наших местах беды не знал. Она травку какую принесет, все мигом проходит. Не то что лечение этого изувера. Ну да ничего. Только к нему Шарля-мясника привели, он про меня позабыл, я и улизнула. Господи, да развяжется эта тесемка или нет.

— Может, все-таки молока? — снова с надеждой спросила Лиз.

— Нет уж, — ответила Генриетта, потянувшись за маркизом. — Рано ему!

Несогласный с ней маркиз тут же завопил, прижимаясь к груди Лиз.

— Может и рано, но у него уже неплохо получалось. Мне кажется, мы никогда отсюда не уедем, — Поль уселся на лавку и, смирившись с неизбежным, потянулся за кувшином на столе, который к его радости оказался полным.

Нет, не кричавший ребенок, не толпа прощающихся с ними крестьян и слуг, не подвернувший ногу Шарль, не безумная кормилица, не тянувшийся за вином Поль вынудили Лиз усомниться в том, что она нормальная. Почувствовать себя сумасшедшей ее заставил вопль, разносившийся в каменных стенах Трезмонского замка:

— Я изгоню! Изгоню беса, вселившегося в тебя, порочная дочь Всевышнего! Блудница!

— Отпусти! Говорю, отпусти! Косы повисымаешь! — донесся до них голос Полин.

И в зал, едва держась на ногах, почти вполз совершенно пьяный брат Ницетас, тащивший за косу сердитую служанку.

— *Exorcizo te, immundissime spiritus, omnis incursio adversarii, omne phantasma, omnis legio, in nomine Domini nostri Jesu Christi eradicare, et effugare ab hoc plasmate Dei!* — кричал он, а язык его заплетался.

— На кой черт ему такое красивое тело, коли он им ничего не может? — вырвав-таки из его ослабевших рук косу, хмуро вопрошала Полин.

Лиз едва не схватилась за голову, но вовремя вспомнила, что у нее притихший ребенок на руках.

— Много будешь пить, таким же станешь, — только и сказала она, обращаясь к Полю.

— Не стану! Ну, если только ты не станешь мне травок всяких подсыпать, как Барбара этому идиоту, — хохотнул Поль и двинулся в сторону брата Ницетаса, который снова попытался броситься вслед за отбежавшей в сторону Полин.

— Уймись, святоша! — Поль взял Ницетаса за грудки и встряхнул его. — Нет в ней бесов. В этом замке вообще бесов нет. Давно изгнаны. И ты бы отправился вслед за ними, если жизнь твоя праведная тебе дорога.

— *Ipse tibi imperat, qui te de supernis caelorum in inferiora terrae demergi praescepit. Ipse tibi imperat, qui mari, ventis, et tempestatibus impersvit,* — продолжал бубнить брат Ницетас, осеняя крестным знаменем теперь уже Поля. — Чеееееррт... Святую воду-то я и позабыыыыл.

Юный маркиз громко хрюкнул и захихикал. Он пока еще не очень хорошо умел смеяться, но и Лиз, и кормилица, и Барбара точно знали, что он смеется.

И в этот момент в каменных стенах Трезмонского замка раздались твердые и уверенные шаги. В залу вошел маркиз де Конфьян и рыжеволосый юноша с ним. Почему-то рука в руке.

Юноша надменно огляделся. Подошел к Лиз, молча забрал у нее ребенка и вернулся обратно к Сержу.

— О! Трубадур явился! — только и смогла выдать из себя Лиз, понимавшая, что еще немного, и у нее начнется истерика — от хохота. Она вдруг поймала себя на мысли, что, несмотря на то, что по идее она должна бы быть несчастна, ей никогда в жизни не было так весело.

— Друг мой Скриб! — радостно воскликнул Поль, подойдя к маркизу и хлопнув его по плечу. — Как здóрово, что ты вернулся. Значит, все же закатим пирушку.

Маркиз хмуро обвел взглядом всех присутствующих и, не увидев среди них короля, холодно сказал:

— Уже напировался. Ноги моей в Фенелле более не будет. Немедленно собирайте вещи маркизы. Мы отправляемся в Конфьян на рассвете! Генриетта! Собирай Сержа!

— До рассвета еще далеко, выпили бы хорошего вина. Ты бы мне рассказал, что здесь произошло, пока меня не было. Я, знаешь ли, кажется, совсем ничего не понимаю, — Поль удивленно разглядывал стриженую герцогиню, держащую на руках юного маркиза.

— Вино, друг мой Паулюс, приезжай пить в Конфьян. Оно не хуже королевского. Кстати, будь добр, покажи маркизе моего второго ребенка, коли ты единственный, кто его видел.

Серж бросил на Катрин быстрый взгляд из-под полуопущенных ресниц. Будто ждал от нее чего-то. Маркиза застыла, прижав к себе маленького Сержа, словно его прямо сейчас у нее заберут. И только сердце ее безудержно колотилось в ожидании ответа святого брата.

Поль тем временем медленно почесал затылок и произнес:

— Так вот же он! — кивнул бывший монах на младенца. — А маркиза-то где? Кому показывать?

— Маркиза перед тобой. Маркиза Катрин де Конфьян. И сын у нас пока один. Ты лучше скажи, сколько ты выпил, когда писал то письмо!

— Э нет, брат. Ты меня не путай. Это герцогиня Катрин, которая проявила благоразумие и предпочла короля Мишеля, став королевой Трезмонской.

Серж побледнел и сжал кулаки.

— Болван! Это моя жена! И покуда я жив, ею и останется. А я постараюсь жить очень долго!

— Пьянство — грех, — глубокомысленно изрек брат Ницетас.

«Глупый монах!» — подумала Катрин, взглянув на мужа. Ужасные слова, которым она поверила, лишили ее покоя на несколько дней.

Поль же недоуменно перевел взгляд с маркиза на мадам Катрин, потом на старую Барбару. И, вновь взглянув на Сержа, задал дебильный вопрос:

— А какой нынче год от Рождества Христова?

— Совсем плохой, — ахнула старая Барбара, хватаясь за сердце. Оно, большое и доброе, подскочило к самому горлу.

— Одна тысяча сто восемьдесят шестой, слава Господу! — провозгласил брат Ницетас из-под лавки, пытаясь дотянуться до кувшина с вином.

24 декабря 2015 года, Монсегюр

— Ты не видишь? — спрашивал он жену. — Он светится.

— Его сияние вскружило вам голову, Мишель? Отдайте его мне.

Петрунель, улыбаясь, протянул ладонь.

— Нет! — ответил де Наве и крепко взял Мари под руку. — Вы никогда не получите Санграль.

Мари тут же прижалась к нему, будто боялась, что он отпустит ее от себя хоть на минуту.

— Ах, как трогательно! — воскликнул Петрунель, и тут же улыбка стерлась с его лица. — Вы лжец, король! Вы поклялись жизнью королевы!

— Вы тоже лжец, мэтр. А значит, мы квиты!

В глазах мага вспыхнул гнев. Полы его плаща зловеще развевались вокруг тела, а метель, кажется, все усиливалась. Мэтр двинулся на короля, протягивая руки вперед, желая отнять лампу волшебного камня силой.

— Прекратите сейчас же! — взвизгнула Мари.

Мишель сделал шаг вперед, прикрыв собой жену, и скрестил руки на груди. Сквозь сжатые пальцы его кулака прорывались лучи яркого света, видимые только ему.

— Вы думаете, что сможете совладать с Сангралем, мэтр? — рассмеялся Его Величество.

— Он мой на пять минут! Вы обещали! — возмущался Петрунель. — Отдайте мне его! И будем считать, что ничего не было. Иначе вам придется пожалеть об этом!

— Вы не всеильны, как бы вам того ни хотелось.

— Что ж, — засмеялся Петрунель. — Вы напросились сами. Сами вынудили.

Он поднял пальцы вверх, готовясь щелкнуть ими. И в этот момент Мари попыталась вырваться из-за спины Мишеля, чтобы наброситься на мага. Видимо, с кулаками.

— Стой, Мари! — грозно проговорил Мишель, схватив ее за руку. И снова обернулся к Петрунелю: — Ну, что? Не получается?

Петрунель усердно щелкал пальцами. Но что-то явно шло не так. Несмотря на мороз, он даже вспотел, бедняга.

— Ты почему на меня кричишь? — сердито сопя носом, сказала Мари, осознав, что опасность, видимо, миновала, и ее муж все держит под контролем.

— Ты иногда бываешь страшно упряма, — голос Мишеля стал по-обычному мягким и ласковым. — Но я прошу, до тех пор, пока мы не вернемся домой, слушайся меня, любовь моя!

Тем временем Петрунель старательно протирал брошь повелителя времени краем своего плаща, периодически пощелкивая пальцами. Не помогало. Наконец, не выдержав, в отчаянии посмотрел на короля, подбородок его возмущенно затрясся, и он промолвил:

— Если бы не я, вы бы и не узнали про Санграль! Где ваша благодарность?

— В гробу ты увидишь его благодарность, недостойный Петрунель! — донесся до них голос Маглора Форжерона, и стены старой крепости содрогнулись от грома.

Шагая по скрипящему под ногами снегу, к ним шел Великий магистр.

— Ты нашел Санграль, дорогой племянник? — вопрос его звучал как утверждение.

— Нашел. И думаю, нам пора возвращаться.

И в этот самый момент Петрунель набросился на короля Мишеля I Трезмонского с кулаками и воплем:

— Санграль мой!

— Нет, мэтр, он мой! — Его Величество оттолкнул от себя назойливого родственника. — Да, вы хотели, чтобы я его нашел. И сотворили ради этого все возможные подлости. Но вы не получите камня. Никогда!

Петрунель упал на землю и весьма ощутимо ударился. Но этого ему показалось мало. И он отчаянно забился головой о большой булыжник, лежавший у ног короля.

— И этот идиот просил меня уступить ему титул, — печально сказал Маглор Форжерон. — Что ж, король, я нашел причину, по которой не мог отправить и Мари, и тебя домой. Петрунель построил свое заклинание на том, что есть третий человек — ваш нерожденный ребенок. И именно он удерживал королеву здесь. Теперь я могу отправить в XII век и Мари, и вашего ребенка. Но не смогу отправить тебя. Этот болван накрутил там таких выражений... Мне нужно еще время, чтобы распутать...

— Так отправляйте их, да поскорее! — воскликнул Мишель.

— Как скажешь, племянник! — радостно сказал Маглор Форжерон.

Но прежде, чем он успел щелкнуть пальцами, Мари возмущенно заверещала:

— Что значит «отправляй»? Ты меня не спросил! Я без тебя никуда не...

Раздался щелчок, и королева исчезла.

Мишель облегченно вздохнул. Теперь его семья была в безопасности. И он перевел взгляд на продолжающего извиваться в снегу Петрунеля.

— Вам не надоело, мэтр?

— Не надоело, — горестно ответил Петрунель и отправил в рот ком земли со снегом.

— Что ты сделаешь с ним? — спросил Маглор Форжерон. — Учти, что меня по-прежнему беспокоит судьба моего титула. И вы с ним — единственные наследники.

— С ним? Не знаю... — Его Величество с кривой усмешкой поглядывал на Петрунеля, не понимая, паясничает тот или и впрямь сильно расстроен. — Может, отправить его в древние времена, а?

— Боже упаси. Распугает мамонтов.

Маглор Форжерон подошел к катающемуся в грязи Петрунелю и снял с его плаща брошь повелителя времени. Некоторое время он внимательно рассматривал эту брошь, а потом громко рассмеялся.

— Полюбуйся, Мишель! — сказал он, протягивая ее королю. — Я так и знал, что он похитил ее у своего старшего брата! К слову, убитого твоим папашей. Но сути это не меняет! Отправляй его, куда хочешь. Я умываю руки.

Его Величество взял брошь и, разглядывая ее, думал о том, что сделать с кузенком. Этот злобный магистр достоин того, чтобы его отправили на четыре стороны или развеяли по ветру. Но потом Мишель решил, что такие методы достойны самого же Петрунеля. И не соответствуют королевской чести. Он снова повертел в руках брошь.

— Ты любил управлять временем. Вот и отправишься туда, где времени нет. И тебе нечем будет повелевать.

— А чем ты лучше меня? Лжешь на каждом шагу! Никакого доверия к правителю! — воскликнул Петрунель, отвлекшись от своего занятия.

Мишель молча смотрел на мэтра. «Ну и семейка!» — уныло думал он.

— Тебя учить ею пользоваться или сам справишься? — спросил Маглор Форжерон, глядя на брошь в руках племянника.

— Справлюсь, — ворчливо отмахнулся Мишель и щелкнул пальцами. В тот же миг Петрунель исчез. Стало тихо и спокойно. Метель прекратилась. Редкие снежинки весело падали с неба.

— Пожалуй, и мне пора, — повернулся он к Великому магистру.

Маглор Форжерон с гордостью смотрел на своего племянника. Кажется, даже скупая слеза скатилась по его щеке.

— Видела бы тебя твоя мать, — буркнул он, совершенно не думая о том, что это его милостью королева Элен погибла. — Я навещу вас на Рождество, если ты, конечно, не возражаешь.

— Да куда от вас денешься, — усмехнулся Его Величество и снова щелкнул пальцами.

Он стоял на верхней площадке донжона своего замка и вглядывался в темноту, простирающуюся вокруг. В небе мерцали звезды, от света тонкого серпа луны искрился снег, укрывший землю. И все это может исчезнуть через каких-то пятьдесят лет. Даже если его самого уже не станет, будет его сын... Это королевство... данное ему во владение по праву рождения. Эти люди, обитавшие здесь и нуждавшиеся в его защите. В конце концов, его собственная семья... Весь этот мир его — под звездами, под луной... Который может быть сметен однажды грядущим, о котором ему дано было знание... Зачем ему это знание, если все предрешено, если ничего нельзя предотвратить?

Мишель де Наве, потомок великих магов с истинной королевской кровью щелкнул пальцами. И королевство Трезмонское исчезло, будто его и не было никогда. Теперь навсегда оно будет скрыто от глаз человеческих и охраняться силой Змеи, Броши времени и Сангряля.

24 декабря 1186 года по трезмонскому летоисчислению, Трезмонский замок

Маленький Серж спокойно спал в своей колыбели под присмотром оправившейся кормилицы. Счастливо улыбнувшись, маркиза де Конфьян еще некоторое время глядела на малыша и, поцеловав его на ночь, удалилась к себе.

В своих покоях отпустила служанку и устало опустилась на кровать. Эти три невероятных дня она не замечала ничего. Теперь же все навалилось опять. Голова болела от бессонной ночи, ушибленное плечо ныло сильнее обычного, щемило сердце. Хотя ей и стало чуть легче, когда все разрешилось с заблуждениями брата Паулюса.

Катрин сняла с головы вимпл, потрогала ладонью торчащие в разные стороны, короткие волосы. Коснется ли их когда-нибудь рука мужа... Пока они возвращались в Фенеллу, маркиза была уверена, что Серж простил ее. Она почувствовала это. Потому он и признался ей в любви. Но что, если она все лишь придумала себе? И он ей по-прежнему не верит. Придет ли он к ней...

Ее Светлость подошла к столу, на котором горела оставленная служанкой свеча, и задула ее. Она желала темноты.

Как эта ночь, безмолвная, темна.

И как безжалостна к возлюбленным разлука.

И каждый миг — как вечность — в адской муке -

В надежде, что покажется луна,

И разглядишь меня ты у окна.

И перед небом мы навек супруги.

Как это сердце глупо и смешно.

Как за душой все рвется сквозь метели.

Душа с тобой. Осталось только тело.

Да сердце, увядая, все равно

Вслед за глазами — на твое окно,

Влюбленное, отчаянно глядело.

И тень твоя покажется ль в ночи?

И осветит мой мир сияньем красок.

И я стою, отрекшийся от масок.

И я молю: ты только не молчи!

И тень твоя теперь нужней свечи.

Ее я отыщу без света и подсказок.

Как когда-то давно, он стоял под ее окнами и глядел в их черноту. Как когда-то давно, мелкие одинокие снежинки серебрили его виски. Как когда-то давно, голос, охрипший на морозе, выводил грустную мелодию, рвущуюся из его сердца и устремленную — к ее. Будто то была тонкая нить, что связала их когда-то давно, и он лишь молился о том, чтобы и теперь еще она существовала. Потому что все в нем кричало — он не сумеет жить без нее! Он никогда не умел без нее жить с того самого дня, когда встретил юную графиню дю Вириль, в тот же день их первой встречи ставшую женой его покровителя. Ставшую герцогиней, проклятием его и благословением его. Ставшую для него — всем.

И эти дни, когда он будто сошел с ума, может быть, они только привиделись ему?

Может быть, ничего не было? Не было этого безумного года? И он все тот же трубадур, влюбленный в герцогиню, стоящий у стены Трезмонского замка, и молящий ее о милости даровать ему свое сердце.

Он тот же. А она? Она та же?

Когда они ехали в Фенеллу что-то в нем шевельнулось навстречу ей — и нашло в ней отклик. Так, будто это его душа вернулась к нему и говорила с ее душой. Этот момент совершенной близости, близости, что была сильнее и крепче поцелуев, объятий, слов — не почудился ли он ему?

Господи... что это было тогда? Значит ли это, что вера его затмила разум? Пусть! Пусть! Если только она его любит, ему не нужен более разум. Ему останется только вера — и это единственное, что имеет значение.

— Я люблю вас, мой трубадур, — послышалось откуда-то от кустарников. — Я никогда и никого не любила, кроме вас.

Серж вздрогнул и обернулся в поисках источника голоса.

— Катрин... — шепнул он, будто не веря себе.

Она вышла из тени и подошла к нему ближе.

— Ваша канцона прекрасна, но ужасно грустна, — улыбнулась уставшей улыбкой. — Мне жаль, что так все вышло.

— А вы ведь когда-то любили мои грустные канцоны, — тихо ответил Серж.

— Я и сейчас их люблю. Но я знаю, что вам больно, потому что мне тоже больно.

— Вы... замерзнете здесь...

Не выдержал. Бросил дульцимер на землю. Рывком притянул ее к себе и ладонями обхватил лицо. Такое прекрасное, такое любимое лицо, заменившее ему целый свет.

— А вам больно, Катрин? В самом деле, больно? Вы не придумали себе эту боль?

Она слабо дернулась в его руках. Показалось... ей все показалось. И весь разговор по дороге домой был лишь в ее голове.

— Вы по-прежнему не верите мне, — она помолчала и, сделав глубокий вдох, сказала: — Мессир, вы вправе поступать, как сочтете нужным. Я подчинюсь любому вашему решению.

— Я верю вам, — прошептал он, удерживая ее, не давая ей вырваться. — Я верю вам, если вы верите самой себе. Потому что люблю вас слишком сильно, чтобы не верить. Вы слышите, Катрин? Я вам верю!

Она приложила ладони к его рукам.

— Слышу, — шепнула она. — Я слышу вас, даже когда вы молчите.

Серж сглотнул ком, подступивший к горлу и склонился к ней, собираясь ее поцеловать, но остановился за мгновение до того, как их губы могли соприкоснуться.

— Верните мне поцелуй, что задолжали в утро, когда мы расстались в этом саду. Ведь вы тогда целовали меня, жена моя. Так довершите то, что начали тогда.

Не мешкая ни минуты, Катрин обвила руками его шею и прикоснулась губами к его губам. Сначала легко и нежно, но с каждым движением ее поцелуй становился все более жадным и нетерпеливым. Она целовала его так же, как тем утром. Так же, как могла целовать только своего любимого трубадура.

И задыхаясь от нежности и желания, захвативших его, он подхватил ее на руки, оторвался на мгновение и прошептал:

— Я больше никогда не стану петь канцон зимой. Вы мерзнете.

Увернувшись от его губ, она рассмеялась:

— Это жестоко — лишать меня своих канцон на целую зиму. Лучше не пойте их на дворе, чтобы в следующий раз мне не пришлось вновь выходить за вами.

— Прекрасно! Отныне я стану их петь исключительно в нашей спальне! — он, смеясь, глядел на ее лицо, на нежные губы, на ясные глаза, на высокий лоб, на рыжую прядку, торчавшую из-под капюшона. И вдруг смех замер на его губах. Лицо сделалось серьезным и мрачным.

— Прости меня, — проговорил он, с трудом выбирая слова. — Прости... твои волосы... Я никогда этого не забуду...

— Это слишком малая цена за вашу жизнь. Но я была бы рада, если бы мне больше никогда не пришлось ее платить.

— Клянусь! Никаких походов! — торжественно объявил маркиз. — Пожалуй, если нам еще когда-нибудь столь нелепым образом придется доказывать друг другу свою любовь, местом сражения я выберу опять же — нашу спальню.

25 декабря 2015 года, Париж

Все еще пытаюсь понять, как же так вышло, что в Трезмоне прошел целый год, в то время как в образцовом Париже лишь месяц, Поль Бабенберг обнаружил себя в квартире Лиз, с ее медведем в руках. И облегченно вздохнул. За время, проведенное в 1186 году он решил, что в 2015 ему нравится больше. И ничуть не расстроится, если больше никогда не увидит Трезмон со всеми его обитателями. Точняк! Ну, если только не считать Скриба. Хотя последний, кажется, на него сильно обижен. Но кто ж мог знать, что герцогиня выбрала маркиза! Король-то получше будет. И это ее сын — маленький дьяволенок, который лишил их с Лиз сна и покоя на целых три дня!

«Точно ведьма. Права Барбара. Эх, жаль полудурка», — подумал Поль и почесал затылок.

— Черт! — взвизгнула Лиз. — Ты хоть бы предупредил! Меня эти скачки во времени пугают!

Она осмотрелась по сторонам.

— Я же говорила, что дыра — это ты!

— Угу, — буркнул Поль, отбросил в сторону медведя и притянул к себе Лиз. — Ты такая умная. Может, знаешь, как запереть эту дыру? Надоела эта нудятина...

— Не знаю, — счастливо улыбнувшись, шепнула та в его губы, — я уже говорила тебе как-то. Мне хоть куда угодно, лишь бы ты меня с собой прихватить не забыл.

— Нет! Тебе туда больше нельзя. Либо в сундуке придется прятаться, либо, Ignosce mihi, Domine, бесов изгонять начнут. Ты видела этого Ницетаса? Суший идиот! Остаемся здесь, — он прижался к ее губам. Но неожиданно отстранился и заглянул ей в глаза: — А как ты смотришь на то, чтобы завести маленького Бабенберга? Или маленькую...

— С ума сошел! — возмущенно воскликнула Лиз и быстро отсела от него. — Никаких детей! Чайлдфри! Все! Нанянькалась!

— Ну, хорошо, хорошо, — примирительно пробормотал Поль и, помявшись, спросил: — А чайлдфри — это как картофель? Лиз, ты же не собираешься... ничего такого... — он сделал «страшные глаза».

— Какого такого? — шепотом уточнила Лиз, насторожившись.

— Я не знаю... но мелкий маркиз тебя так достал, что ты готова была его бросить в печь...

— Ты совсем уже? — окончательно обалдев, гаркнула Лиз. — Я тебе что, инквизитор?

— Нет, конечно... Но я же еще не очень в твоём времени... эээ... разобрался. Может, так принято... Не сердись, — подсел Поль к девушке.

— Да разве можно на тебя сердиться? — Лиз обняла его за шею и нежно поцеловала висок. — Просто никаких детей. И все. Договорились?

25 декабря 1186 года по трезмонскому летоисчислению, Трезмонский замок

Счастливым Мишель почти бежал по бесконечным коридорам замка, торопясь к жене. То, что он сейчас испытывал, было бы похоже на чувство, которое испытывает вернувшийся домой рыцарь после победы над драконом.

Он подошел к своей спальне, толкнул дверь, которая к его огромной радости была не заперта. И увидел королеву, сидевшую в «его» кресле. Глаза ее были заплаканы и сердиты. Мишель улыбнулся самой довольной улыбкой, подошел к Мари и поцеловал ее.

— Теперь все и всегда будет хорошо, — прошептал он ей.

— Не будет! — рассерженно выпалила Мари и вlepила пощечину королю.

Мишель потер щеку и, продолжая улыбаться, поднял ее из кресла.

— Не спорь! — уселся сам и притянул жену к себе на колени.

— Если ты еще когда-нибудь так сделаешь, то я... я... Мишель, я за эти несколько минут здесь в одиночестве такое себе представляла, что... Посмотри, у меня, наверное, вся голова седая!

Очувтившись здесь, в этом кресле, без него, она едва не сошла с ума от одной мысли, что теперь неизвестно, чем это все может закончиться — он решил за нее. Как лучше ей. Но при этом ей бы было куда как спокойнее, если бы они оставались вместе.

— Не говори глупостей! Ничего ты не седая, — поцеловал Мишель ее в висок. — Но, на всякий случай, я люблю тебя не за цвет твоих волос, — рассмеялся он.

Мари положила голову к нему на плечо по старой своей привычке и стала перебирать пальцами его мягкие пряди. Господи! Ведь она не думала о том, что им доведется еще когда-нибудь вот так сидеть здесь, на этом месте. Вот так — касаться друг друга. Вот так — принадлежать друг другу. И она сама чуть все не разрушила.

— Ты простишь меня? — тихо спросила королева.

— Простить тебя? — переспросил Мишель — Если для тебя это важно, я простил тебя. Давно. Когда сидел один... здесь... без тебя, — он долго молчал. — Но я тоже должен попросить у тебя прощения. Ты поверила в то, что увидела... значит, я что-то делал неправильно... Прости меня, Мари.

Она только покачала головой, будто слышала самую большую глупость в мире.

— Нет! Это я ужасная! Отвратительная! Капризная, глупая, ничего не умею! Вечно попадаю в дурацкие ситуации! А теперь еще и толстая! Как меня можно любить? И я ужасно боюсь... вдруг ты поймешь, что ошибся тогда... Я думала, что ты это уже понял...

Мишель весело рассмеялся.

— Тебя можно любить очень сильно, — насмеявшись, сказал он. — Ужасную, капризную неумеху.

Она очень серьезно посмотрела на него. Было в ее взгляде что-то такое, чего не было никогда раньше. Что-то очень важное, что случилось в этот момент.

— Мишель, — тихо сказала она, — там, на Горе Спасения, я подумала... А ведь если бы что-то с тобой случилось... я бы умерла... Пожалуйста, никогда больше не отправляй меня никуда в одиночестве. Где бы ты ни был, я должна быть с тобой.

— Обещаю тебе, — он нежно коснулся щеки Ее Величества, — мы всегда будем вместе.

Они не знали, сколько прошло времени. Казалось, что оно остановилось. Но за окном

начался неминуемый рассвет, в комнате быстро светлело. День обещал быть солнечным. Праздничным. И Мишель вдруг вспомнил:

— Мари! Ты не знаешь, Конфьяны здесь? Они тоже должны узнать о проделках Петрунеля. Маркиз с его богатым воображением наверняка придумал себе такого, чего и в нескольких канцонах не расскажешь!

— Я о них совсем забыла, — пробормотала Мари, выныривая из своего состояния полудремы. Она была спокойна и счастлива, глядя, как солнечные лучи, проникая в огромные окна, касаются лица короля Мишеля. И никак не могла понять — откуда в ней столько любви? Разве может быть столько любви? Разве может любовь становиться больше с каждым днем?

Она сладко потянулась и, окончательно сбрасывая с себя это ночное умиротворение, быстро поцеловала мужа в щеку и легко соскользнула с его колен, будто бы не носила впереди себя внушительный живот.

— Еще очень рано. Давай подождем с поисками твоей маркизы до завтрака, — проворковала Мари и показала ему язык.

Мишель, улыбаясь, поднялся за ней.

— Я могу сходить один. По дороге скажу Барбаре, чтобы Полин принесла тебе завтрак.

— Маркизы тебе мало? Еще и Полин? — засмеялась Мари. — Или, может быть Барбара? Нет уж, пойдем вместе. Если считаешь, что они довольно выспались, чтобы вытащить их из кроватей, то так тому и быть, хотя я считаю...

В этот момент ее тирада была прервана лошадиным ржанием во дворе. И до них донеслась не менее смачная тирада конюшего, отдававшего распоряжения бестолковому Филиппу. Мари, схватив мужа за руку, торопливо засемила к окну, где разворачивалась прелюбопытная сцена.

— Велено же было отправить за Игнисом человека? — бушевал конюший. — Велено! Так какого черта, дурья твоя башка, коня до сих пор здесь нет? Что сказать Его Светлости?

— Так болен конь! — возражал Филипп. — Куда его гнать-то в такую погоду. Да и я дурак, что ли, чтобы в ночь ехать?

— Велено было — к утру собрать все!

— Так это уже не ко мне! И даже не к вам!

— А что я Его Светлости скажу?!

Мишель немедленно оторвался от окна и посмотрел на Мари.

— Видишь! Идем скорее. Мы можем опоздать, и они уедут. Это вполне в духе маркиза, — заявил король, решительно потащив жену за собой. — А потом я тебе обещаю, мы будем есть хоть целый день. Тем более, сегодня Рождество!

— Главное — береги нос, — засмеялась Мари, следуя за своим мужем.

— Генриетта с маленьким Сержем уже ждут внизу. Ваш дульцимер в сундуке. Мы можем отправляться, — одетая для дальней дороги, Катрин подошла к маркизу де Конфьяну. — Мне не терпится уехать.

— Да уж, главное, что не забыли дульцимер, — хохотнул Серж. — Я вчера весьма неловко позабыл его в саду. Цел он хотя бы?

Он отошел от окна, возле которого забавлялся, слушая перебранку конюшего и конюха.

Удивительным было это утро. Спокойным и тихим. Потому что на душе его было спокойно и тихо. У него, как и неделю назад, была жена, которую он любил до самозабвения. Был сын, без которого он не мыслил своей жизни. И был его дом, куда он

стремился всеми силами души. Все остальное вдруг сделалось совсем неважным.

Он поймал ладонь Катрин и нежно прикоснулся к ней губами.

— Вы же знаете, — тихо проговорил маркиз, — то был мой любимый дульцимер. Второго такого нет во всем королевстве.

— Я знаю, — улыбнулась маркиза, — потому велела, чтобы его отыскиали в саду.

Она неотрывно следила за Сержем, словно боялась, что, как только она перестанет смотреть на него, он исчезнет. Или она проснется. Катрин все еще не верила до конца ни в то, что произошло три дня назад, ни в то, что все это оставлено в прошлом.

Но он только покачал головой, будто раздумывал о чем-то. А потом сказал:

— Я позабыл о том, что мы собирались посетить местного ювелира. А теперь совсем уже нет времени.

Серж достал из кошелька, висевшего на поясе, крошечный кожаный мешочек и повертел в руках.

— Это должно было стать довеском к рождественскому подарку. Но... Выходит, что это подарок.

Развязал шнурок на мешочке и высыпал себе на ладонь небольшую серебряную брошь с изображением розы. Работа казалась несколько грубой, но что-то неуловимо прекрасное было в этой незатейливой вещице.

— Мне она досталась от матери. Она надела ее на меня в день моего отъезда в святую обитель, когда волей отца я должен был стать монахом. Это был знак ее любви ко мне. Теперь же я хочу, чтобы это было знаком моей любви к вам.

Катрин взяла из его ладони брошь и с замиранием сердца рассматривала ее. Этот простой подарок взволновал маркизу до глубины души. Она почувствовала, как слезы набегают на глаза.

— Я всегда буду носить эту брошь. И так ваша любовь всегда будет со мной, — не желая омрачить праздник своими слезами, Катрин спрятала лицо на груди мужа и глухо проговорила: — Свой же подарок вы получите только дома.

— В таком случае мне не терпится поскорее туда отправиться, — усмехнулся маркиз, взял Катрин под руку и направился прочь из комнаты. — Если, конечно, королевский конюший в состоянии решить вопрос относительно лошадей. Что-то я уж больше часа наблюдаю за его потугами. А еще даже сундуки не разместили. Любовь моя, мы ехали всего на несколько дней, что во всех этих сундуках? Неужели все это пригодилось?

— Это могло бы пригодиться, если бы... — маркиза запнулась на мгновение, — если бы вы и я не отправились в непредвиденное путешествие.

Они вышли во двор, и наблюдая, как слуги пытаются взгромоздить один из сундуков в сани, Катрин сказала:

— Но, право. Прикажите все это оставить. Мне ничего не нужно, кроме вас и сына.

— Нет уж! — снова рассмеялся Серж. — Здесь ничего моего не останется!

Он всучил ей свои рукавицы и отправился помогать слугам тащить следующий сундук.

Прижав рукавицы мужа к щекам, Катрин восторженно смотрела, как легко у Сержа получилось все устроить. То, что не успели сделать за час, было сделано в самый короткий срок. И теперь они могут, наконец, отправиться домой.

— Филипп, — сказал маркиз де Конфьян, намеренно не замечая конюшего, но обращаясь к конюху, — прошу, как только станет известно, как Игнис, вели переправить его в Конфьян. Боюсь, бедное животное нескоро еще сможет выдержать долгую дорогу. А до

Трезмонского замка из «Ржавой подковы» ближе, чем из маркизата. Сделаешь?

— Как прикажете, Ваша Светлость, — радостно заулыбался конюх, только год назад провожавший печального трубадура домой. — Коли чего, Его Величество король Мишель меня отпустит, чтобы сослужить вам службу.

Ни единый мускул на лице маркиза де Конфьяна не дрогнул при имени короля, он сумел совладать с собой.

— Тем более, если отпустит, — как ни в чем не бывало, буркнул Серж. — Главное, чтобы сам без предупреждения не являлся.

— Отпустит, отпустит... — раздалось за спиной маркиза. — Доброе утро! — поприветствовал Его Величество маркиза и его супругу. — Уезжаете уже?

Серж резко обернулся. Король и королева рука об руку стояли посреди замкового двора и выглядели торжественными и спокойными. Бровь маркиза дернулась, а губы искривились в ироничной улыбке.

— Уезжаем, — коротко ответил он и, не желая продолжать, посмотрел на Катрин. — Немедленно зовите Генриетту. Где она бродит с нашим сыном? Филипп, веди Инцитата!

— Генриетта здесь, мессир, — откликнулась Катрин, испытывая неловкость от присутствия хозяев замка. Было бы гораздо лучше, если бы они смогли уехать, не повидавшись с де Наве. Из дома можно было бы отправить записку с извинениями.

— Маркиз! Подождите еще пять минут. Это важно, поверьте! — сказал Мишель.

Серж снова бросил взгляд на руки короля и королевы. Ее Величество, стоявшая возле него бок о бок в том проклятом саду в то проклятое утро, казалось, была совершенно довольна жизнью и мужем. Отчего-то это еще сильнее рассердило его. Он резко схватил Катрин за руку и привлек к себе.

— Времени у нас нет. Прошу простить вашего непочтительного слугу, но вам прекрасно известно — почтительностью Серж де Конфьян никогда не отличался. Более того, он скорее отличался непочтительностью. Но в этом не только вы имели возможность убедиться.

— Почтительность никогда не входила в число ваших добродетелей, — усмехнулся Мишель и посмотрел на Катрин: — Мадам, уверен, вам будет интересно узнать...

— Мы, действительно, торопимся, Ваше Величество, — не дослушав, сказала маркиза.

— Мадам, — теперь уже почти свирепо рявкнул ее супруг и указал ей на сани. — Едемте. Иначе я за себя не ручаюсь.

Катрин кивнула и, не глядя на королевскую чету, расположилась в санях.

— И еще, — продолжал маркиз, — коли Вашему Величеству будет охота снова пригласить нас, так уж не взыщите — ноги маркиза де Конфьяна не будет на этой земле. У него есть своя! Филипп! Где Инцитат?

Впрочем, Филиппа он не увидел тоже. Двор опустел — слуги разбежались, предчувствуя бурю и желая наблюдать ее откуда-то из-за угла, но не быть зримыми свидетелями.

— Вы, маркиз, перешли от непочтительности к дерзости! — терпение Мишеля было не безгранично. — Я могу и не приглашать вас в гости, но, думаю, вы не посмеете ответить отказом, ежели получите приглашение на поединок!

— Да хоть сей же час! Охотно! — отозвался маркиз и потянулся к пряжке, скрепляющей плащ, чтобы сбросить его.

— Довольно! — не выдержала королева Мари и выдернула руку из руки короля, став между двумя рассерженными мужчинами. — Довольно, мессир, или за себя не поручусь я!

Маркиза, вновь оказавшись рядом с Сержем, перехватила его руки, не позволяя расстегнуть плащ.

— Прощу вас, Серж! Остановитесь, — быстро прошептала она.

Он замер и посмотрел на тонкие ее ладони, что были все еще припухшими и красными от заноз, попавших в них накануне. Сглотнул подступивший к горлу ком. И, наконец, не выдержал, склонился к ним и поцеловал. Нежно и с обреченностью.

— Как прикажете, моя маркиза, — коротко сказал он.

Мишель тем временем подошел к Мари и снова взял ее за руку. Слишком свежи были воспоминания о том, что произошло в Монсегюре.

— Маркиз! — вновь подала голос Мари. — Есть нечто, о чем мы можем рассказать только вам, но о чем вы непременно должны узнать, чтобы понять, что не так уж сильно мой муж заслужил ваших оплеух. И моих, кстати, тоже.

— Ваше Величество слишком добры, — отозвался Серж, уже не глядя на королеву, но глядя только в глаза своей маркизы.

Однако Катрин, оторвав свой взор от глаз мужа, с любопытством посмотрела на Ее Величество. Сердце ее забилося чаще в ожидании того, что собиралась сказать Мари.

Королева же лишь сильнее сжала ладонь короля и безмятежно продолжила:

— У нас есть родственники. Весьма сомнительного происхождения и не самых благородных помыслов. Большие любители интриг и различного рода трюков. В годовщину нашей с королем свадьбы один из них пожаловал, чтобы поздравить нас и предложить Его Величеству одну забаву...

Часом позднее маркиз де Конфьян, оказавшись в который раз в гостевых покоях Трезмонского замка, который хотел как можно скорее покинуть, стоял на коленях перед своей супругой и молил ее о прощении.

## Эпилог первый. Жизнеутверждающий.

Январь 2017 года, Париж

Вдыхать на четыре счета. Выдыхать на шесть. Черт подери! Где там шесть, а где четыре! Между схватками или во время? Какой debil еще успевает считать!

Все, что пройдено на курсах для молодых родителей, теперь было даже не забыто, а отмечено из памяти за ненужностью и невозможностью реализации в экстремальных условиях.

На очередном повороте Лиз взвизгнула и заныла:

— Если мы не ускоримся, роды будешь принимать сам!

С ужасом взглянув в зеркало на Лиз, Поль отвлекся от дороги и почти догнал ползущий впереди «Рено». Он резко вывернул руль и, судорожно вспоминая все молитвы, которые когда-то знал, рванул машину дальше по трассе. Визг резины по асфальту на секунду перекрыл вскрики Лиз.

— Пожалей ребенка! — рявкнул Поль. — Неужели ты хочешь, чтобы его первым впечатлением от этого мира стало мое перепуганное лицо. Терпи! И ему скажи, пусть терпит! Скоро приедем.

— Ну тебя, — отмахнулась Лиз Бабенберг и слабо улыбнулась — схватка отпустила. — У тебя вполне себе умильная рожица. Так что сойдет, как первое впечатление. Я тут подумала, что мы еще успеем заехать за картошкой фри. Что-то есть хочется.

— Какая картошка, matrem tuam! — заорал Поль. — Это яд для твоего организма. Не смей травить моего ребенка. Говорил тебе, давай сэндвичей сделаю... так ты: не хочу, не буду, поехали скорее. А теперь ей картошка, — ворчал он, продолжая лавировать между машинами.

— Поооооль, — протянула Лиз, — ну Пооооооль.... Ну я, правда, есть хочу. Давай хоть за мороженым заедем, а? Мне же рожать! Как рожать на пустой желудок? Упаду там в голодный обморок... Сделают мне кесарево — я и пискнуть не успею.

— Не нуди! — миролюбиво сказал Поль. — Приедем в больницу — я принесу тебе и мороженое, и обед, и какао.

— В больнице вкус будет не тот! Он будет отравлен медицинскими парами!

— Я сбегаю в соседнее кафе!

— Пока донесешь, пропитается! — сердито воскликнула Лиз и тут же выпучила глаза и тихонько застонала. — Mentulam Caso! Опять! Гони скорее в больницу! Сейчас прямо тут рожу!

— Да приехали уже!

Поль подогнал машину к ближайшему входу и выскочил из машины, бросив дверцу и не заглушив мотор. Он схватил первого попавшегося санитаря за грудки и закричал ему прямо в лицо:

— Vae! У меня жена рожает! Face aliquid! — и стал трусить ошалевшего медика, как грушу.

Тот с трудом оторвал от себя пальцы перепуганного папаши.

— Не ори, сейчас врача дежурного позову. Моя пятерых уже родила — и ничего.

Тремя часами позднее, Лиз сидела в своей палате и радостно жевала сэндвич, запивая

его какао.

— Года через полтора за вторым приедем, — сообщила она мужу.

— Ну, если только за вторым сэндвичем, — буркнул все еще бледный Поль.

— Сэндвичи отвратительные, — кивнула Лиз и откусила еще кусочек. — Отойди ты от него, он дрыхнет. Иди лучше меня поцелуй. Это я рожала.

Поль послушно подошел к Лиз и поцеловал ее в губы. Целовался он так же классно, как и год назад. Отсутствие сутаны его не испортило.

— А по-моему, ничего так сэндвичи, — он достал из кармана фляжку, сделал пару больших глотков и откусил от сэндвича жены. — А все-таки это здорово! Теперь нас трое? — он рассмеялся, снова поцеловал Лиз и вдруг воскликнул, почесывая затылок: — Слушай, а как мы его назовем, а?

— А как, по-твоему, мы должны его назвать? — засмеялась Лиз. — Паулюс, разумеется. Я другие варианты не рассматриваю, милый.

— Нет! Нет!! НЕТ!!! Я прошу тебя. Я сделаю все что угодно. Только давай назовем его иначе, — сделав самые умоляющие глаза на свете, Поль бухнулся на колени перед кроватью, сложив руки в молитвенном жесте.

От неожиданности Лиз уронила сэндвич на покрывало и изумленно посмотрела на мужа.

— Классное имя, ты чего? Ну... Не Ницетасом же его называть...

Полю было не до смеха. Когда-то в детстве брат Ансельм рассказал ему жуткую легенду о нечеловеческих несчастьях, которые преследуют монахов их обители, если те носят одинаковые имена. Потому аббат никогда не принимал в обитель монаха, если у них был уже брат с таким же именем.

— Лиз! Пожалуйста, — жалобно протянул он. — Ну есть же куча офигительных имен...

— О, Господи! — простонала Лиз. — Ты отец — ты и думай. Я свое дело сделала. Вон. Дрыхнет.

Она кивнула на кровать. И в этот момент безымянный младенец приоткрыл один глаз.

— Ты прелесть, — Поль чмокнул жену в щеку. — А ты не подсматривай, — весело бросил сыну счастливый папаша. И малыш тут же сомкнул веки.

— Я прелесть, и это не обсуждается. Все. Я спать. Сам с ним возись пока! — объявила молодая мамаша и откинулась на подушку, чуть поморщившись от резкого движения. — Спаааать.

Поль посмотрел на спящую жену, потом на спящего сына, допил оставшийся во фляжке коньяк и, вытянув ноги, удобно устроился в кресле. За руль все равно нельзя. Значит, спать!

### **Эпилог второй. Точки расставляющий**

Март 1187 года по трезмонскому летоисчислению, Конфьян

«... за прошлый год было продано в два раза больше сыров, чем раньше. Особенно часто покупают козий. Ко мне снова обращалась Полин из Фенеллы с просьбой продать ей рецепт жуайезского козьего сыра. Пришлось пригрозить ей, что я все сообщу Его Величеству.

Так как доходы ваши увеличились, я осмелился затеять ремонт южной башни, в которой прогнили верхние балки, да прошлой осенью потекла крыша. Работников нанял в деревне. Все люди проверенные. Бушевать и бездельничать не станут, и в цене мы сошлись сходной...

С совершенным почтением, местье Гаспар.

Совсем позабыл, Ваша Светлость. Аделина, служанка, которую вы прислали по зиме, замуж собралась за кузнеца. И просит Вашего позволения с мая оставить службу в Жуайезе»

Катрин замерла над письмом, не поднимая головы.

Она простила, как и обещала себе. Не вспоминала о том, что видела ночью в грязном коридоре постоянного двора. Не думала о том, что последовало за этим в тесной комнатке, которую занимал ее муж. И теперь эта девка собирается замуж. Так скоро...

... Да уж скорее бы! Серж уныло смотрел на управляющего, неторопливо объяснявшего ему, что строительство оросительного канала в саду, что затеяла Ее Светлость, будет делом довольно хлопотным и не принесет такой уж большой пользы. Дескать, при старом маркизе де Конфьяне никому в голову не приходило тратить такие средства на подобные затеи. И деревья плодоносили сами. И как плодоносили!

— И, Ваша Светлость, примите мои уверения, и дальше все пойдет по-прежнему, только уж, пожалуйста, давайте оставим эту затею до поры. Куда эдак-то растратничать? Зима трудная была, еще неизвестно, какой урожай получим, — продолжал бубнить управляющий.

И Серж, наконец, не выдержал.

— Но ведь, кажется, это мои средства? — совершенно серьезно спросил маркиз.

Управляющий внимательно посмотрел на хозяина, будто бы были сомнения. А потом утвердительно кивнул:

— Совершенно точно ваши!

— А моя жена хочет этот чертов оросительный канал?

— Хочет.

— Все просто, Жак, — пожал плечами Серж и встал из-за стола. — Все предельно просто. Моя жена, маркиза де Конфьян, хочет оросительный канал для нашего сада. Стало быть, с этой весны мы строим канал. Средства ведь мои.

Лицо управляющего вытянулось, и он тихо сказал:

— Как прикажете, Ваша Светлость!

В Конфьяне все знали, что спорить с маркизом не следует. Особенно в том, что касается его жены. «Ведьма!» — подумал управляющий и с несчастным видом отправился на кухню. Жаловаться приятельнице-кухарке.

Маркиз же легко рассмеялся и, покинув зал, помчался к жене. Не видел ее целый... час! И это был ужасно длинный и бесконечно скучный час.

Он влетел в их комнату, торопливо закрыл за собой дверь и, обернувшись, воскликнул:

— О, прекрасная, приди же в мои объятия, ибо сердце мое истекает кровью вдали от тебя!

Катрин сжала в руке бумагу. Не глядя на мужа, она слабо кивнула и сказала:

— Вы были в зале с управляющим. Мне кажется, это не так далеко, чтобы ваше сердце слишком страдало.

— Любовь моя, это же почти на другом конце света! — рассмеялся Серж и подошел к жене сам с тем, чтобы, в конце концов, обнять. Маркиза пожала плечами, позволив ему это сделать, но, по-прежнему, не глядя на него, проговорила:

— Вы выдумщик, мессир.

Серж, тщетно пытавшийся поймать ее взгляд, видел лишь упрямую рыжую головку, на которой начинали отрастать волосы. Не выдержал, немного взъерошил их, а потом пальцем приподнял ее подбородок и склонился к губам с поцелуем.

Но Катрин упрямо мотнула головой и снова принялась пристально разглядывать торчавший из ладони свиток.

— Ночь с той девицей была поистине доброй, признайте, коль вы послали ее ко мне

просить себе места, — медленно заговорила она. — Я шла в вашу комнату. К вам. Я видела... — она, наконец, вскинула на него совершенно больные глаза. Маркиза была уверена, что все пережито, но стоило ей сегодня прочесть это имя, и мѹка, испытанная тогда, вернулась. — Зачем вы сами не решили ее судьбу? Вы забрали бы ее сюда. И продолжали бы с ней откровенничать. А я не смогла, простите... Я все понимаю, мессир. Я забыла... простила. Я не стану впредь, — выронив письмо кастеляна из рук, она спрятала лицо в ладонях и, не сдержавшись, выпалила: — Это вы нашли ей мужа?

— Какого мужа? — опешил Серж, глядя на свою совершенно несчастную жену и не понимая, отчего она несчастна. Понял только одно: причина ее несчастья — снова он. А ведь он бы жизнь отдал за то, чтобы она никогда не имела никакого горя, никаких забот. А вместо этого...

— Милая, — выдохнул он, отпуская ее из своих рук и наклоняясь, чтобы поднять письмо, — ну что я снова натворил?

— Что вы пообещали кузнецу, чтобы он назвался отцом? — не слыша Сержа, всхлипнула маркиза.

— Чьим отцом? Катрин!

— Вашего ребенка! Который будет у этой... этой... А... девицы!

Некоторое время он смотрел на нее, ничего не соображая. Просто смотрел и молчал. Потом коротко кивнул и решительно расправил свиток, который поднял с пола.

«...рецепт жуайезского козьего сыра... прогнили верхние балки... в цене мы сошлись сходной... Аделина, служанка, которую вы прислали по зиме, замуж собралась за кузнеца. И просит Вашего позволения с мая оставить службу в Жуайезе»

На письмо он тоже смотрел некоторое время... начиная, наконец, понимать, что произошло. Медленно перевел взгляд на короткие кудряшки Катрин. И расхохотался, чувствуя, что тревога его отпускает.

— Так это моего сына пристроили к кузнецу?! — прогремел он и сжал жену в объятиях, пытаясь расцеловать ее заплаканное лицо.

Глаза Катрин распахнулись от ужаса, который она испытала, услышав его смех. Ему смешно!

Отворачиваясь от его настойчивых губ, она зло утерла предательские слезы о котт Сержа и, поведя плечами, сердито сказала:

— Вы делаете мне больно, мессир!

— Такая уж у меня судьба, мадам, — выдохнул он, не отпуская ее, не желая видеть ее хоть на малейшем расстоянии от себя — только лицом к лицу. — Мы всегда делаем больно тем, кого мы любим. Подчас — невольно. Чаще всего это не в нашей власти. Так когда, повашему, Аделина должна родить?

Слезы высохли сами. Катрин ошеломленно посмотрела на мужа.

— Вы и сами можете догадаться! И наймите ей повитуху! Чтобы не пропустить радостный день!

— Откуда мне знать, грешила ли она с кузнецом до свадьбы? И повитуху пусть ей нанимает ее жених!

— Она грешила с вами... или вы с ней... да какая разница! — Катрин начала вырываться из его рук. — Отпустите меня! Я обещаю вам, больше никогда не заговорю об этом. Было — и было...

Он не отпускал ее, только прижимал к себе еще крепче, не зная, сердиться ему,

смеяться или начинать страдать. Последнее выходило у него наиболее живописно.

— А у нас с вами, любовь моя, тоже было и было? Так вы к этому относитесь? Я не мог простить вам поцелуя короля, вы же простили мне ночь со шлюхой. Простили? Как вообще можно такое простить, Катрин?

Многовековые честь и гордость графов дю Вириль отразились яростью в глазах маркизы Катрин. Изловчившись, она выскользнула из его объятий и отступила от него на шаг.

— «Тоже»? «Тоже»?! Вы смеете полагать, что то, что было меж нами, я могу считать равным тому, что было у вас в той грязной гостинице среди клопов? — ядовито бросила она. — Вы смеете сравнивать меня с... ней? Вы... — она замолчала и криво усмехнулась своей неожиданной догадке, — вы считали меня такой же. Тогда, в саду... Верно?

— Не верно! — взревел маркиз де Конфьян и, схватив ее за руку, снова упрямо притянул к себе. — Не верно, потому что вы обманываетесь сейчас! Катрин! Услышьте меня! С Аделиной у меня ничего той ночью не было и не могло быть! Вашими усилиями я на других женщин даже смотреть не могу! Недаром слуги считают вас ведьмой. Вы же околдовали меня! Каждый день, каждый час я думаю о вас! Только для вашего имени бьется мое сердце. Только для ваших глаз я дышу. Только ваш образ преследует меня денно и нощно! Так о каких аделинах вы говорите? Их нет и не было с тех пор, как я впервые увидел вас. Их не может быть, потому что для меня существует только моя Катрин. Услышь меня!

Он всегда так много значения придавал словам.

«Ничего не было». Маркиза вспомнила, как то же самое сказала ей, уходя, наглая девчонка. Так значит, она все неверно поняла. А он? Он сам подтвердил ей! Господи, сколько боли они причинили друг другу...

Но Катрин теперь и сама желала его слов.

— Почему вы поверили, что я могу предать вас? — спросила она глухо, крепко прижавшись к нему. — И могу позабыть все, что было у нас с вами? Что могу отказаться от счастья быть матерью ваших детей? Серж, я готова прожить всего один час рядом с вами, чем мучиться вечность без вас. Так почему же вы решили, что я могу променять все это на сомнительные блага сиюминутного пустого развлечения?

— Я верил своим глазам. Но не вам. Теперь вам я верю больше. Так поверьте же и вы мне, а не тому, что вы видели или слышали в той проклятой харчевне!

— Я верю. Потому и простила.

— Мне не нужно ваше прощение. Мне нужен ваш взгляд, когда вы сердитесь или когда радуетесь. Мне нужны ваши губы — смеются они или проклинаяют. Мне нужен малейший поворот головы — обернулись вы ко мне или к кому-то другому. Мне нужны ваши руки — ласкающие меня или отталкивающие. Мне нужны вы — лишь бы вы меня любили. Большого я не прошу. Если все это мое — то прощение мне ни к чему.

— Моя любовь и я сама — это все ваше, мой трубадур. Навсегда, — прошептала Катрин.

— Прекрасно. С этим мы разобрались, — Серж улыбнулся, но глаза его опасно сверкнули. — А теперь объясните мне, любовь моя, как Аделина оказалась в Жуайезе?

— Утром, когда мы уезжали, она спросила о работе, — смутившись, пробормотала Катрин. — Я думала, это вы ее отправили ко мне.

Маркиз нежно провел пальцем по ее скуле, очерчивая контур лица. Это лицо было совершенным. И каждая слеза, катившаяся по нему — не имела цены. Он бы умер тысячу раз, лишь бы она никогда не плакала, но при этом тысячу раз оказывался причиной ее слез.

— Когда-то я сказал вам, что вы слишком много думаете за меня и лучше бы — обо мне.

Видимо, так и есть. Я видел ее раз в жизни. Был пьян, хотя мой разум не помутился. Мы проговорили некоторое время, а после я отправился искать вас. Меня не привлекает любовь, которую можно купить за деньги. А что до прочего... Милая моя, в бытность свою трубадуром я, конечно, не был монахом. Но ни один мельник, кузнец или пекарь не носились за мной по Жуайезу с требованием жениться на их дочерях, поскольку следы их греха стали зримы.

— Не обольщайтесь, мессир, — хмыкнула Катрин. — К чему отцам веселых дочерей трубадур, ежели был герцог? С него за дочь и денег можно было получить, и земли попробовать выпросить.

— Какая веселая у вас была семейная жизнь, — хохотнул Серж. — И как вы ее терпели?

— Это скорее герцогу приходилось терпеть мои частые головные боли, — вмиг став серьезной, ответила маркиза. — Впрочем, теперь это не имеет никакого значения.

— Головные боли? — маркиз обеспокоенно взглянул на нее. — Час от часу не легче! Имеет, да еще какое! Но ведь вы не особенно жалуетесь на здоровье... А в последнее время как? Господи, да вообще не жалуетесь! Неужели я настолько запугал вас?

Катрин ласково улыбнулась и поцеловала его в щеку.

— Я не собираюсь запираюсь от вас в своей комнате, потому мне и жаловаться незачем.

— О Господи... — простонал Серж, чувствуя облегчение, — вы сведете меня с ума... уже свели... Катрин...

Он зарылся носом в ее волосы и, наконец, подхватил на руки.

— В таком случае... быть может, если и запираюсь в комнате, то вместе? И начать можно прямо сейчас!

### **Эпилог третий. Сюжет разбавляющий**

Рождество 1205 года по трезмонскому летоисчислению, Трезмонский замок

— Вы думаете, коль я простая служанка, то со мной можно просто так, Ваше Высочество? — возмущенно воскликнула Катрин Скриб, которая уже второй месяц прислуживала в Трезмонском замке. Ее голос эхом отразился от стен тронного зала, убранного для празднования Рождества. В самом центре возвышалась величественная елка, пожалуй, самая огромная во всем королевстве, украшенная разноцветными игрушками. Их разукрасила сама королева. Ее Величество милостиво позволила некоторые расписать Катрин. Напротив девушки, сверкавшей гневными глазами, стоял не менее рассерженный принц Мишель. Его щеку украшала вспухающая алая царапина.

— Я имею право мечтать о любви. О любви взаимной. И я никогда не стану лишь увеселением на полчаса. Даже и для будущего короля!

— Ты забыла свое место! — воскликнул принц Мишель, откинул со лба растрепавшуюся челку, и снова навис над Катрин. — *Vae!* Это я привел тебя в замок — не для увеселения, а потому что ты нужна мне! Потому что я хочу быть с тобой! Потому что я спать не могу — вижу тебя всякий раз, как закрою глаза. Ты все равно будешь моей, пастушка!

— Да лучше я уйду с бродячими музыкантами! — отбегая от принца, ответила Катрин. — Я бы не согласилась на место в вашем замке, ежели бы думала, что вы станете требовать платы за это. Я никогда не буду вашей!

— Будешь! Клянусь честью, ты будешь моей! — догоняя ее, кричал принц. — Потому что я... потому что я так хочу!

Катрин скрылась за пологом, скрывающим коридор с множеством различных комнат и, забежав в одну из них, спряталась в сундуке, обещая святой Катерине, что, если принц Мишель ее не найдет, то после Рождества она вернется домой.

— После Рождества они вернутся домой, всего-то после Рождества, — успокаивала королева Мари своего мужа, короля Мишеля I Трезмонского, когда они под руку входили в тронный зал. Мари недовольно покосилась на елку и тихо пробурчала: — Кажется, в этом году самая худшая елка за всю нашу с тобой жизнь. И эти кошмарные розы на стенах! Как ты мог разрешить мне так изуродовать тронный зал?

Его Величество усадил королеву на трон и склонился к ее руке.

— Мари! — улыбнулся он. — Ты ничего не можешь изуродовать. У нас самый красивый тронный зал во всем королевстве. Потому что его украсила ты. И елка тоже. Я слышал, ты нашла себе помощницу?

— Катрин Скриб? — Мари посмотрела на елочные игрушки, сделанные своей ученицей. — Милая девочка и, определенно, талантлива. А слышал ты, как она поет? Чистый ангел. Но придется выгнать ее, — королева вздохнула и снова посмотрела на розы, которые изрядно потускнели и вынесла вердикт: — К весне я здесь все переделаю!

— Переделывай, любовь моя. Но почему ты собираешься выгнать девчонку? — удивленно посмотрел Мишель на жену. — Ты всегда была против, чтобы я кого-то выгонял.

— А ты не замечал, как на нее смотрит твой сын? — Мари удивленно посмотрела на мужа — иногда он бывал крайне невнимателен. — Ты же и сам понимаешь, что брак с пастушкой не соответствует королевской чести. И потом... вдруг еще найдется дочь Конфьянов... Господи, бедные маркизы! Я бы на месте маркизы Катрин с ума сошла! Полгода прошло... Все же хорошо, что мы позвали их...

— Да, все-таки праздник. Не представляю, куда она могла подеваться. За эти полгода, кажется, не осталось места, где бы еще не искали, — Мишель вздохнул. — Но выгонять девчонку просто так, даже если она простая пастушка... А может, попросить Конфьянов, пусть найдут ей место у себя?

— Прекрасно! — королева едва не захлопала в ладоши. — Вот это мы и обсудим за праздничным столом.

Она и спустя годы была все так же бесконечно влюблена в своего мужа.

И все тем же взглядом, совсем как в юности, почти не изменившимся, следила за каждым его жестом, изучала черты его лица, и весь чердак Чудной Башни, отданной под мастерскую, был заставлен холстами с его портретами.

— Главное, дорогой, береги нос, — хихикнула она. — Мало ли, что привидится маркизу.

— С маркизом разберемся, — хохотнул Мишель, — меня больше заботит, что видят твои глаза.

Его Величество склонился к жене так близко, что ее самые синие глаза на свете теперь казались ему целым миром, и припал к ее губам страстным, как двадцать лет назад, поцелуем.

— Да когда-нибудь вы уже нацелуетесь или нет? — раздался голос Маглора Форжерона, ударился о стены, разлетелся по всей комнате и очутился в середине тронного зала, обернувшись скрюченной старческой фигурой в черном плаще, подбитом мехом.

— Не завидуйте, магистр, — отмахнулся Мишель.

Магистр озадаченно посмотрел на короля и королеву и проворчал:

— Я слишком стар, чтобы этому завидовать.

— Зачем пожаловали, дядя Маг? — спросила королева.

Последние годы старый магистр жил где-то между временами. С тех пор, как король Мишель скрыл Трезмон от всего мира, Маглор Форжерон потерял всякий интерес к любым столетиям. Однако иногда навещался по старой памяти. Чаще всего под Рождество.

— Да все за тем же! — он отставил в сторону посох, на который опирался и уселся на королевский трон. — Мишель! Сколько ты будешь трахать мне мозг? Я по-хорошему тебя прошу! Прими титул, брошь и бремя Великого Магистра, а то я за себя не ручаюсь!

Король оперся локтем о спинку трона королевы и устало прикрыл ладонью глаза. Сделав глубокий вдох, он сказал:

— Мессир! Я давно принял от вас и титул, и брошь, и бремя. Я устал повторять вам об этом ежегодно!

— Да? — удивился Маглор Форжерон и живо посмотрел на пряжку своего плаща. Броши не было. Он растерянно перевел взгляд на короля. — Так ты теперь Великий магистр?

— Да, дядюшка, он теперь Великий магистр, — терпеливо проговорила Мари. — И Мишелю-младшему уже девятнадцать лет! И да, я не собираюсь сбегать в двадцать первый век, мне и в нашем неплохо живется. Так что совсем необязательно пытаться меня куда-то забросить, как вы сделали в позапрошлом году. И самому вам пора остепениться. Трезмона для будущего не существует. И пытаюсь преодолеть это неудобство, вы теряете остатки памяти.

— Как это не существует? — в ужасе переспросил Маглор Форжерон и беспомощно посмотрел на племянника. — Мишель! Что опять натворил Петрунель?

Закатив глаза, Мишель застонал.

— Он ничего уже давно не творит. А Трезмон спрятал я. С помощью силы Сангралья в моем королевстве теперь свое время, и никому из нас ничего не угрожает.

— Не надо делать из меня идиота! — рассердился Маглор Форжерон. — Я прекрасно помню, что ты нашел Санграль. И прекрасно помню, зачем тебе вообще понадобилось его искать! И если хоть когда-нибудь еще ты посмеешь обидеть мою крестницу!..

— Дядюшка, — устало сказала Мари. — Твои покои готовы. Полин приготовила тебе меду. Отдохни с дороги, а тогда и поговорим.

— Полин — это та, живенькая? Которая хотела получить рецепт сыра из Жуайеза, и которую Барбара таскала за косы?

— Она, дядюшка.

— Прекрасно! — Маглор Форжерон подкрутил усы и пригладил длинную седую бороду. — Пойду, и правда, вздремну!

После этих слов он щелкнул пальцами и развеялся в воздухе. Мари же беспомощно посмотрела на короля.

— Атеросклероз прогрессирует.

Скрестив руки на груди и поджав губы, маркиза де Конфьян смотрела в одну точку напротив себя. Она упорно молчала уже около получаса, оставляя без ответа все, что говорил ее супруг. И резко повернувшись к Сержу, вдруг закричала:

— Это вы во всем виноваты! Вы вбили ей в голову все те романтические бредни, которые она лелеет в своей глупой голове! Бог с ним, что вы измучили меня своими причудами... Зачем вы обучали ее музыке? Сами же говорили, что от этого одни беды! Я

терпела, пока она была дома. Думала, отдадим замуж, успокоится. Но теперь... мы даже не знаем, жива ли она!

Маркиз устало посмотрел на супругу. Эти ссоры стали невыносимыми. Они вспыхивали постоянно вот уже несколько месяцев, и он всерьез думал о том, что, быть может, им стоит разъехаться хоть ненадолго. Потом ужасался собственным мыслям, зная совершенно точно, что как бы ни было им теперь плохо вместе, поврозь будет еще хуже. Потому что они давно стали единым целым — еще в тот день, когда увидели друг друга впервые... на ее свадьбе с герцогом... И после всего того, что они пережили вместе и по вине друг друга, иметь такие мысли?.. Невыносимо...

— Я хотел, чтобы она была счастлива, — устало сказал Серж. — Я хотел, чтобы она знала, что такое любовь. Чтобы она имела мужество любить. Чтобы верила, что не все в жизни определяется ее положением! Катрин, вы же сами страдали от своего положения. Неужели вы хотели той же судьбы нашей дочери? И музыка здесь ни при чем — у нее талант!

— Конечно! У нее талант! У ее отца талант! У ваших сыновей талант! Одна я у вас трусливая утка! Вернемся из Фенеллы, и я уеду. Это невыносимо... — она снова сжала губы и отвернулась от Сержа.

— Куда вы собрались? — Серж резко повернул к ней голову. — В Жуайез? В Фонтевро? Откуда это вечное желание сбегать? Куда вы всегда бежите, Катрин?

— В Лотарингию! — буркнула маркиза. — Подальше от вас. И проявите благоразумие, сочтите это радостью. В Конфьяне наступят мир и покой.

— Ах, в Лотарингию! — рассердился Серж. — А вы правы — вы трусливая утка! Сбежите, предоставив мне в одиночестве решать все эти трудности! Я всю жизнь пытался быть хорошим отцом и хорошим мужем. Вы же ведете себя теперь, как девчонка, а не как мать!

Катрин медленно повернула к нему голову и, тяжело дыша, долго смотрела ему в глаза, сдерживая дикое желание залепить пощечину.

— Так значит, я плохая жена? — ледяным тоном спросила она. — Что ж... вы еще можете все изменить. Разводитесь со мной. Найдите себе хорошую. Молодую. Талантливую. Имеющую мужество любить. И когда вы сбежите от нее в очередной поход, пусть она и едет за вами. Если, конечно, захочет.

Всматриваясь в ее лицо, маркиз думал о том, что она так и не сумела ему простить того, что он тогда натворил. И это было страшно. Страшно жить с чувством вины, с пониманием, что она всегда будет ждать от него подобного недоверия. Самое ужасное в том, что этим своим недоверием он пробудил в ней все те страхи, что, конечно, все двадцать лет терзали ее. Он сам убивал в ней любовь. Незаметно. День за днем, год за годом.

Маркиз перевел взгляд на ее тонкие руки, такие же прекрасные, как и много лет назад. И почему-то ему представились шрамы от заноз, зажившие спустя неделю после ужасного пребывания в «Ржавой подкове». Ему никогда не забыть этих шрамов. Ему никогда не простить себя. Так как она могла бы его простить? Тем более, теперь... Она права... Ей слишком больно быть с ним, когда во всем случившемся виноват он один.

— Я никогда не разведусь с вами, — глухо сказал он. — И вы это знаете. Можете пытаться жалить меня своим недоверием, наверное, я заслужил его. Но я никогда не разведусь с вами. Вы же вольны поступать, как вам будет угодно. Я не стану держать вас. Слово маркиза де Конфьяна.

Она побледнела и испуганно взглянула на него. Будто не верила тому, что услышала. Он же сидел, понутив голову, не осмеливаясь поймать ее взгляд.

— Не отпускайте меня, мой трубадур, — прошептала Катрин и вложила свои пальцы ему в ладонь, — прошу вас.

Серж вздрогнул, наконец, заглянув в ее глаза. Господи! Как же прекрасны были эти глаза! Кажется, еще прекраснее, чем во времена их юности. И теперь эти грустные глаза, как и тогда, смотрели на него с любовью. И тихая печаль, читавшаяся в них, заставила его сердце биться сильнее. Никто не поможет им. Они остались друг у друга, и больше никого. Серж-младший давно жил своей жизнью, женившись и домой возвращаясь нечасто. Средний сын Клод обитал в отстроенном заново Брабанте, который Серж выкупил у почти спившегося наследника. Катрин... юная Катрин, сделавшаяся отныне их с супругой болью, исчезла. Так как ему жить, если он потеряет и свою маркизу?

Он сжал ее ладонь в своей руке, и в глазах его отразилась решимость.

— Я не могу без вас, — выдохнул он и резко сжал ее в объятиях, завладел холодными губами и жадно целовал, покуда хватило дыхания. А когда дышать стало нечем, когда в голове зашумело, будто ему по-прежнему двадцать пять лет, он, не желая отстраняться и прижимаясь лбом к ее лбу, сказал: — Сегодня Рождество. Королева считает, что желание, загаданное на Рождество, обязательно сбудется. Мы будем молиться о возвращении нашей дочери. Но я прошу вас, никогда, никогда больше не угрожайте мне отъездом... Потому что я не смогу без вас. И вы не сможете без меня... Господи, мы умрем друг без друга, Катрин!

Под руку с супругом маркиза де Конфьян неспешно ступила в тронный зал Трезмонского замка. Глаза ее были грустны. Но единственный человек мог заметить в них еще и радость, которая вспыхивала, когда она бросала взгляд на своего мужа. Серж был самую малость прав. Она была не лучшей матерью. Она умела жить без своих детей. Но никогда бы не смогла прожить без того, кто дарил ей такие дорогие подарки.

В тронном зале готовился прием. Подданные всего королевства спешили выказать почтение королю де Наве и его королеве. Монаршая семья восседала на своих тронах в окружении детей. Всех, кроме старшего сына, который пропал неизвестно где. Королева пыталась выглядеть счастливой и доброжелательной, но тень то и дело набегала на ее все еще красивое и нежное лицо.

— Ваше Величество, прикажите герольду отыскать Мишеля, иначе мы никогда не начнем. А еще ужин, пожелания, подарки. У нас слишком большая программа, чтобы откладывать.

Она так и не научилась избегать в речи слов двадцать первого века — потому нет-нет, а слуги до сих пор иногда ворчали, что король женился на очень странной, но, несомненно, очень доброй женщине.

Обратиться к герольду Мишель I не успел. В зал, не обращая внимания на происходящее вокруг, ворвался принц, тащивший за руку упирающуюся служанку Катрин. Король удивленно взирал на то ли трагедию, то ли комедию, разыгрывающуюся перед его глазами. Когда же сын остановился перед ним, по-прежнему крепко держа вырывающуюся девушку, Мишель бросил быстрый взгляд на супругу и сурово спросил юного принца:

— Извольте, объяснить, Ваше Высочество, что все это означает.

— Это означает то, Ваше Величество, — грозно проговорил принц Мишель, так же глянув на свою мать и пытаясь уговорить служанку, — что я никогда не женюсь на Катрин де Конфьян, будь она хоть королевой! Вот — моя будущая жена!

— О, Господи, — простонала королева и в свою очередь посмотрела на стоявших поодаль Конфьянов, с которыми все было оговорено, но которые все еще пытались разыскать юную Катрин. Сколько боли должны они были испытать, услышав эти слова.

Его Величество внимательно поглядел на сына, полного решимости поступить по-своему, потом на рассерженную девушку, смутно ему кого-то напомнившую, и объявил свою волю:

— Что ж, сын мой, коль вы столь тверды в своих намерениях, ступайте к маркизу де Конфьяну и скажите ему в лицо, что его дочь никогда не станет королевой. Потому что вы нашли себе иную невесту, пока убитый горем отец который месяц безуспешно ищет юную маркизу.

— Коли на то ваша воля, отец! — отозвался Мишель. — Как только маркиз и маркиза приедут, я тотчас переговорю с ними.

Он снова дернул за руку вырывающуюся Катрин Скриб и сердито сказал:

— Теперь вы довольны? Теперь вы мне верите? Так куда теперь вы пытаетесь сбежать? Все королевство знает, что вы моя невеста!

Катрин буркнула что-то неразборчивое. Она оказалась в глупейшем положении: Его Высочество только что на все королевство объявил, что она его невеста, заявив при этом, что никогда не женится на ней. Но куда больше ее тревожило известие о том, что родители прибудут в Фенеллу на праздник.

— Вот и переговорите! — раздался прямо над сердитыми друг на друга влюбленными голос короля, и Мишель указал сыну на чету маркизов.

Серж де Конфьян, взиравший на все это великолепии с отвисшей челюстью, медленно закрыл рот и быстро посмотрел на супругу.

— Каюсь, — только и выдохнул он. — Моя порода.

— Ну, так идите и благословляйте свою породу! — усмехнулась Катрин.

— Катрин! — зазвучал под сводами тронного зала суровый голос бывшего трубадура, а ныне благородного маркиза де Конфьяна.

— Я женюсь на ней, и никто меня не остановит! — взъерошенный, воскликнул принц.

— О, Господи... — снова простонала королева.

— Папа... — прошептала Катрин-младшая и, перестав вырываться, крепко ухватила за руку принца.

А Его Величество вдруг расхохотался, как мальчишка. Даже маркизу-трубадуру с его богатым воображением никогда не выдумать такого сюжета. И утерев слезы, он объявил:

— Давайте праздновать, коли поводов для этого у нас нынче несколько!

**Конец.**

Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)